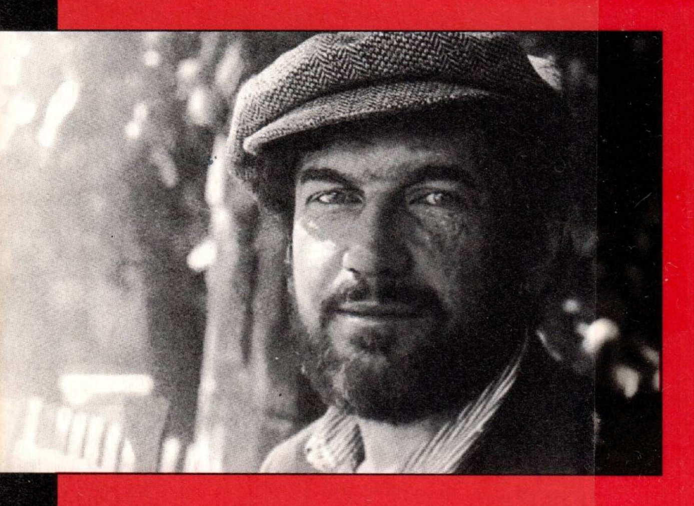

Олег
ГРИГОРЬЕВ
ПТИЦА В КЛЕТКЕ

Олег, Олежка Григорьев, помню, ехал к нему на край света, метро, потом на трамвае. На краю света была уютная новая квартира, на стенах коллекция бабочек, в секретере кости и череп, на столе бутылка водки, вокруг пьянствующие уголовнички.

Олег, сколько я помню, был всегда один, даже когда женат. Какая женщина, скажите, выдержит бесконечное празднование неизвестно чего, скорее всего неистовства духа, с русскими скандалами и примирениями, с битьем посуды и разбиванием чужой и собственной физиономии!..

Познакомился я с Олегом давно, не знаю, было ли ему восемнадцать, но в Лианозово к Оскару Рабину он уже приехал. Сидел, пил, слушал чужие стихи и читал свою повесть из жизни детского сада. Такой экзистенциализм на ночном горшке. Мне повесть понравилась, я ее запомнил. Стихи его дошли до меня сначала как фольклор...

В последнюю нашу встречу Олег подарил мне свои стихи, вышедшие в Питере в виде газеты с рисунками «Митьков», лишь после его смерти стали издаваться книги его стихов. Олег Григорьев как поэт стоит посреди этого города с патиной прошлого величия особняком...

Генрих Сапгир
Новое литературное обозрение. 1995. № 14

– Ну, как тебе на ветке? –
Спросила птица в клетке.
– На ветке – как и в клетке,
Только прутья редки.

Издательство
Ивана Лимбаха
Санкт-Петербург
2005

Олег Григорьев

Птица в клетке

Стихи и проза

УДК 82-1
ББК 84-5
Г 83

ISBN 5-89059-070-7

Содержание

От составителя

«Птица в клетке» — наиболее полное издание литературного наследия поэта Олега Григорьева (1943—1992), в которое включены его стихи для детей, лирика, поэма, а также прозаические произведения.

В книге представлено большинство произведений О. Григорьева, оказавшихся в поле зрения составителя, — источниками для настоящего издания послужили книжные публикации, журнальные и газетные подборки, а также просмотренная и выправленная самим поэтом машинопись, основной корпус которой вошел в сборник «Стихи. Рисунки» 1993 года. За пределами книги остались тексты лабораторного и вспомогательного характера — варианты, фрагменты, подписи к рисункам, палиндромы и пр.; ряд произведений публикуется впервые (из архива, любезно предоставленного нам матерью О. Григорьева, Евгенией Васильевной Телетицкой, и из архива составителя). Приносим сердечную признательность М. Б. Левину за возможность ознакомиться с уникальной магнитофонной записью чтения стихов автором (1983) — часть расшифрованных с этой пленки стихотворений также впервые публикуется в настоящем издании.

Название книги и ее разделов принадлежит составителю; название отдельных произведений сохранены в соответствии с предыдущими публикациями. Часть названий (в основном из первого, детского, раздела) предложен, уточнен или изменен самим автором во время работы над уже упоминавшейся машинописью его стихотворений.

Творчество Григорьева охватывает примерно тридцать пять лет — с конца 1950-х до начала 1990-х годов. Сам он редко обращал внимание на даты; мы сочли возможным и необходимым датировать только два редких для него произведения крупной поэтической формы — поэму «Футбол» (1986) и «стилизацию» (по определению автора) «Рождественская песенка», написанную в «Крестах» в 1989 году.

В книге представлено около семисот текстов Олега Григорьева — однако за ее пределами осталось еще немало его произведений, которые необходимо собрать и сделать достоянием широкого круга читателей.

Неимоверность нашей яви
Смешна, бесстыдна и глупа,
Но так безрадостна, что вправе
Смеяться только черепа.

Поль Верлен*

Вослед уходящей эпохе

Друзья юности Олега Григорьева рассказывают, что он не хотел взрослеть. Был он невысок, моложав, тонкой кости и долгое время говорил, что ему семнадцать лет. Мы познакомились, когда ему уже перевалило за сорок, он был бородат, испит, болен, но на трезвую голову превращался в подростка, с простодушным удивлением и радостью открывавшего знакомый мир. Это был человек, в котором с предельной обостренностью запечатлелась подростковость изначально тонкого и умного, но люмпенизированного, спившегося, уличного россиянина.

Григорьев родился 6 декабря 1943-го, умер 30 апреля 1992 года.

В интервью, посвященном его памяти, поэт Виктор Кривулин рассказал о жизни их, десятилетних, в пионерском лагере и обратил внимание на всем нам хорошо известное явление, которое назвал «детской лагерной психологией». Здесь важны оба определения — «детский» и «лагерный»: их сочетание определяет суть судьбы и стихов Олега Григорьева.

Он должен был стать художником, но, по его собственным словам, «не отстоял себя как живописца». В начале шестидесятых Григорьева изгнали из СХШ при Академии художеств. Изгнали за то, что он отказывался целый семестр рисовать поставленные для натуры ведро и веник, за то, что рисовал не то и не так, за то, что был насмешлив

* Перевод А. Гелескула.

и скандален. За поэму «Евгений Онегин на целине», которую подал вместо школьного сочинения и в которой отвел душу, издеваясь над целинным «запоем» тех лет. За такие, например, стихи, которые однажды нашел в своем кабинете записанными на доске учитель физики:

Когда бы с яблони утюг
Упал на голову Ньютона,
То мир лишился бы тогда
Всемирного закона.

У Григорьева был особый взгляд, улавливающий смешную и трагичную алогичность жизни. В эти годы — не став живописцем, но сохранив дружбу и духовную связь со многими известными ныне художниками, — он стал поэтом.

Писатель Виктор Голявкин вспоминает:

«Мы знали друг друга с давних ученических лет, и многие встречи с ним остались в памяти, как подчеркнутые строчки.

После работы в мастерской я приходил в общежитие, ложился на кровать и писал короткие рассказы.

Олег Григорьев часто приходил послушать мои рассказы (тогда все друг к другу ходили). Он удивлялся, восторгался и сам писал стихи...

Настроение его стиха, как правило, неординарно. А я считаю, писатель или поэт с того и начинается, что мыслит не в общепринятом русле. По крайней мере, для нашего времени так было лучше (может быть, это мнение не навсегда).

Олег Григорьев задал новое направление художественной мысли».

Шестидесятые — восьмидесятые годы, на которые выпали три десятилетия творческой жизни Григорьева, выпестовали в нашем обществе резкий, отчетливый тип внутреннего эмигранта, в душе своей чуждого всему официальному, презирающего строй и власть, но не идущего на прямую конфронтацию с ними, а предпочитающего занять свою культурную нишу. Культура улиц и кухонь, вошедшая в плоть и кровь нашего поколения, культура тайного протеста, ерничанья, насмешки, анекдота стала фактически культурой народа, его живым фольклором. Сам маргинальный образ жизни оказался наделен глубоким и серьезным смыслом — достаточным, чтобы возникла новая литература.

Судьба Григорьева типична для российского поэтического быта. Бедолага, пьяница, головная боль милиции и восторг кликушествующих алкашей, почти бездомный, разбрасывающий стихи по своим временным пристанищам, — он был че-

ловеком светлого ума, образованным, поразительно органичным. В трезвые минуты — обаятельный, умный, иронический собеседник; в пьяные — чудовище, сжигающее свою жизнь и доводящее до исступления окружающих. Эта горючая смесь высот бытия и дна быта пропитала его стихи, сделала их ни на что не похожими, превратила грязные, стыдные, но такие реальные окраины жизни в факт подлинной поэзии.

Судьба Григорьева окружена легендами, россказнями самого разудалого толка. И сам поэт, и его вечное многолюдное окружение с застольной легкостью плодили мифологию.

Говорят, в первый раз Олег угодил в «Кресты» после драки с неким знатоком русского языка, который полез в бутылку, услышав, что встречный обратился к его знакомой, назвав ее то ли «голубушкой», то ли «сестренкой».

Говорят, что, когда литературное начальство подняло скандал по поводу его детской книги «Витамин роста», один из главных московских писателей сказал: «Мы еще разберемся с детскими книгами, которые выпущены по заказу зарубежных спецслужб».

Говорят, что и вторично в «Кресты» он угодил потому, что был бельмом на глазу у докучливого участкового и в одну из очередных «проверок» сломал козырек его фуражки...

Человек уличной культуры любит и пестует уличный миф. Так легендаризировались знаменитые места ленинградских поэтических тусовок шестидесятых — семидесятых годов — Малая Садовая и «Сайгон». Поди теперь, разбирайся — сколько там было пьяной мерзости, нечистоплотности и отроческих предательств! Однако редкие таланты, прошедшие сквозь эту среду и выдюжившие ее, донесли до сегодняшнего дня романтическую сказку, в которую легко и жадно верится, — при любом раскладе это была наша молодость.

Смутный быт Григорьева тоже со временем выветрится из памяти его друзей и современников, а хмельная невыносимость естественно заместится органичностью и оригинальностью его поэтической натуры.

Куда дороже прочих воспоминания именно о таком Григорьеве — талантливом и обаятельном. Например, о человеке с удивительным музыкальным слухом. Режиссер Борис Понизовский, один из самых близких поэту людей, вспоминал, как однажды Григорьев услышал музыку, доносившуюся из приглушенного телевизора, и тотчас заметил: Бетховен, дирижирует Караян. Так и оказалось. А художник Василий Аземша, который учился в СХШ в одно время с Григорьевым, рассказал, как тот однажды виртуозно воспроизвел арию из «Риголетто», следуя всем тонкостям музыкальной партии... Эти вос-

поминания ценны еще и тем, что стих Григорьева антимузыкален, нередко коряв, расхристан — и одновременно фантастически искусен. Это та степень ритмической свободы, которая может быть достигнута только при особом внутреннем чутье, интуиции и абсолютном слухе.

Олег Григорьев был человеком разнообразных — странных и страстных — знаний. Прочтите его рассказ «Летний день», эту подлинную коллекцию детской энтомологии. По словам Б.Понизовского, из вологодской ссылки (после первой отсидки в «Крестах») поэт привез «изумительную коллекцию бабочек, которую хотела купить Академия наук, но у ссыльного, видите ли, нельзя покупать, так она и пропала». У энтомологов бытует выражение в духе самого Олега: летом они «сачкуют», а зимой «вкалывают». Короткие и яркие стихи Григорьева легко представляются такой богатейшей коллекцией пойманных летучих мгновений жизни, которые он с научной дотошностью «вколол» в машинописные листы.

Ольга Тимофеевна Ковалевская, редактор его третьей и последней детской книги «Говорящий ворон», рассказала о своем знакомстве с поэтом. Он не пришел в издательство в оговоренный по телефону час, и после долгого ожидания Ольга Тимофеевна спустилась по делам на первый этаж, в библиотеку. Там она обнаружила неизвестного человека — он держал в руке стрижа со сломанной лапкой и безуспешно дозванивался в ветеринарные лечебницы. Это был Олег Григорьев — подходя к издательству, он нашел раненую птицу, зашел в первую же издательскую дверь и, забыв про все на свете, стал заниматься судьбой птицы.

Григорьев был человеком «точечного сознания» и принимал близко к сердцу то, что оказывалось рядом, под рукой. В зоопарке стрижу наложили лубок, но дома у Григорьева птица умерла. Так появилось одно из его лучших, на мой взгляд, стихотворений «На смерть стрижа»:

**Хоть у плохого, да поэта
В руках уснула птица эта.
Нельзя на землю нам спускаться,
На землю сел — и не подняться...**

Смерть в разных ее ипостасях — любезный гость в поэтическом мире Григорьева. Она постоянно соседствовала с поэтом и в реальной жизни. Допивались до чертиков его друзья и знакомцы — гибли от алкоголя, кончали с собой, становились жертвами сомнительных несчастных случаев. Так же и в стихах — многие герои Григорьева ходят по зыбкой грани

между жизнью и смертью, легко перемещаясь из одного состояния в другое:

Смерть прекрасна и так же легка,
Как выход из куколки мотылька.

Уже в юности выпавший из советской системы, и в смерти своей Олег Григорьев оказался «несостыкованным» с нею: его тело неделю пролежало в морге, пока народ шумел на майских митингах и вскапывал приусадебные участки. Только 8 мая 1992 года поэт, член ПЕН-клуба, за полгода до смерти принятый в Союз писателей, был наконец похоронен на Волковом кладбище в Петербурге. А до того состоялось отпевание в церкви Спаса Нерукотворного Образа на Конюшенной площади — той самой церкви, где отпевали погибшего Пушкина.

В шестнадцать лет Олег Григорьев написал четверостишие, сейчас известное чуть ли не каждому, — про электрика Петрова, который «намотал на шею провод». Многие поражаются, узнав, что у этого стихотворения есть автор. Давно и основательно оно вошло в фольклор и фиксируется в фольклорных сборниках. Знаменитые «бандитские» стихи, которые с таким вожделением пересказывают друг другу мальчишки и девчонки (а вслед за ними и взрослые), на самом деле имели свою «литературную» предысторию. Они во многом пошли от стихов и «страшных» рассказиков Олега Григорьева — особенно после выхода в 1971 году его первой детской книги «Чудаки».

Книгу составили стихи и «страшилки», писавшиеся в шестидесятые годы. Едва появившись, они становились классикой, ибо оказались написанными блестящим, афористичным эзоповым языком советского (вернее — антисоветского) подпольщика:

— Ну, как тебе на ветке? —
Спросила птица в клетке.
— На ветке — как и в клетке,
Только прутья редки.

Талант Григорьева был в чем-то сродни таланту Аркадия Райкина: поэт немедленно вживался в ту маску, которую надевал, являя миру многообразие столь знакомых нам персо-

нажей — маленьких и взрослых подлецов, трусов, жадин, хулиганов и просто равнодушных.

Действительно, между детьми и взрослыми в стихах Григорьева трудно провести границу, да и сами стихи трудно поддаются делению на детские и взрослые: здесь мы следуем скорее традиции, сложившейся при публикации его детских книг и самому авторскому отбору. «Взрослая» обращенность детской поэзии Григорьева сделала его широко популярным прежде всего в родительской среде, а парадоксальность поэтического мышления — в детской.

Разговоры об этой парадоксальности зачастую заставляют возвращать Григорьева в школу Хармса, обэриутов. Это не совсем так. Обэриуты «доводили» литературный абсурд до жизни, утверждая его как реальную эстетическую категорию. Григорьев жизнь доводит до абсурда, обнажая низовую эстетику ее реальности.

В чем действительно явно прослеживается связь между Григорьевым и, скажем, Хармсом — так это в их театральности, поэтической буффонаде, в многочисленных сценках, диалогах, в «школьном театре». Но и тут речь идет о более глубокой традиции, которая заденет и Козьму Пруткова с его высокомудрой афористичностью, и А. С. Шишкова с его «разговорными» детскими опусами, — и уйдет в фольклор, в лубок, в раешник народного театра.

Фольклорность стихов Григорьева способствовала тому, что их тотчас взяли на вооружение подростки: стихи оказались в центре «юношеского фольклорного сознания семидесятых годов», по выражению Марины Новицкой, фольклориста и собирателя «бандитских» куплетов. Григорьев интуитивно уловил и сформулировал накопившийся в обществе идиотизм («игрой в идиотизм» назвала Лидия Яковлевна Гинзбург художественные поиски митьков, которым по духу близки и искания О.Григорьева) — тот идиотизм, что на разных уровнях стал результатом и выражением тоталитарной государственной системы.

В те же семидесятые годы вошли в фольклор герои недавно написанных литературных сказок — Незнайка, Чебурашка, крокодил Гена. Тогда же, в 1973 году, впервые появился на телеэкране легендарный Штирлиц.

Многим анекдотам о Штирлице, садистским куплетам и стихам Григорьева в равной степени присущи словесный и смысловой абсурд, «недоумочность» и дебильность героев — все то, что на самом деле являлось достаточно точным отражением реальности. У такой макаберности широкая амплитуда — от каламбура до апокалиптического видения.

Анекдот:

Штирлицу угодила в голову пуля. «Разрывная», — сообразил Штирлиц, раскинув мозгами.

Куплет:

Девочка в поле гранату нашла.
«Что это, дядя?» — спросила она.
«Дерни колечко!» — дядя сказал.
Долго над полем бантик летал.

Григорьев:

Бомба упала, и город упал.
Над городом гриб поднимается.
Бежит ребенок, спотыкаясь о черепа,
Которые ему улыбаются.

Можно множить и множить эти примеры. На давнее «взрослое» двустишие Григорьева:

Шел я между пилорам,
Дальше шел я пополам —

тут же отзывается детский фольклор:

Маленький Петя льдинку колол.
Сзади бесшумно подплыл ледокол.
Нету картинки смешнее на свете:
Справа пол-Пети и слева пол-Пети.

И снова далеким эхом возвращается к поэту:

На заду кобура болталась,
Сбоку шашка отцовская звякала.
Впереди меня все хохотало,
А позади все плакало.

Всякий раз удивительно наблюдать, как она, эта пресловутая григорьевская макаберность, отшелушивается от его стихов, оставляя в памяти читателя простодушие и трогательность чистой лирики.

Возможно, это происходит еще и потому, что подо всеми масками угадывается ранимый, бесконечно обманывающийся и в то же время по-детски лукавый и «подначивающий» автор — подросток и чудак. И здесь мы опять оказываемся «внутри» традиции. Ведь начиная еще с двадцатых годов одним из героев детской поэзии (в противовес «героям дня» и барабанному оптимизму) становится чудак, человек прежде

всего в своем бытовом поведении противопоставленный обществу, существующий сам по себе, по своим, казалось бы, странным законам, — однако при ближайшем рассмотрении эти странности оказывались вполне естественными и человеческими на фоне вымороченной действительности. Уже тогда детская поэзия зафиксировала значительное и, надо признать, перспективное общественное явление — чудачество как форму социальной внутренней эмиграции.

По счастью, «Чудаки» Григорьева выпали из поля зрения литературных чиновников, а то бы, небось, уже в то время с ним попытались расправиться — как попытались десять лет спустя, когда вышла его вторая книга «Витамин роста». Причиной начальственного гнева был вовсе не «черный юмор», как быстренько окрестили его стихи, — черный юмор эта братия съела бы и не поморщилась, кабы за ним не стояла живая пародия на то, чему служили верой и правдой апологеты системы. Григорьев, не ведая того, показал, каков стереотип их мышления и как легко и весело он разрушается. А такое не прощают.

Так поэт оказался дважды изгнанником: сначала он не смог существовать в идеологической системе официальной взрослой поэзии и был вытеснен в детскую. Затем из официальной детской он стал вытесняться в жизнь, существующую вне литературы. Но именно в этой жизни он всегда находил темы и сюжеты лирики — именно там, на дне, и обнажалась вся фальшь общества, его нравственная катастрофа, апология насилия и цинизм воспитательских догм. То самое, что так заразительно отразили «бандитские» стихи. Григорьев вышел из фольклора — и ушел в фольклор.

III

При жизни Олега Григорьева было всего несколько серьезных публикаций его стихов, обращенных к взрослому читателю, — в журнале «Искусство Ленинграда», в сборнике «Незамеченная земля»; вышел довольно пространный буклет, в основном его коротких стихотворений, составленный Валерием Шубинским и проиллюстрированный Александром Флоренским. Один из рецензентов назвал эти иллюстрации «бессовестно скучными». На мой же взгляд, наоборот, — графика Флоренского создает вполне адекватный и веселый образ поэзии и, скажем, поэтики Григорьева — но далеко не всей. Флоренский и митьки «доиг-

рывают» тот идиотизм, о котором говорила Л. Я. Гинзбург. Например, в двустишии из поэмы «Футбол»:

Чтобы выразить все сразу,
Кулаком я бью по тазу, —

говорится о вполне реальном тазе, с которым записной болельщик пришел на матч, желая шумом и громом поддержать свою команду. У Флоренского этот таз превращается в известную часть тела, отчего стихи приобретают парадоксально-комический в своей абсурдности смысл. Графические игрища митьков (в этом смысле характерен большой альбом, выпущенный издательством «ИМА-пресс» в 1993 году под названием «Митьки и стихи Олега Григорьева») как раз и рассчитаны на ту из особенностей его поэтики, которую можно было бы назвать «превращениями».

В стихах Григорьева все и постоянно превращается: человек — в насекомое, птицу, дерево или в какой-либо предмет, добро — в зло, воспарение — в падение, даже рифма, благодаря глубине или омонимичности, часто превращается в сюжет стихотворения. Это простодушный порыв любым путем, пусть в игре, уйти от обрыдлой действительности. Причем, как правило, фиксируется уже произошедшее изменение — смешное и нелепое, и это грустная клоунада:

Застрял я в стаде свиней,
Залез на одну и сижу,
Да так вот теперь я с ней
И хрюкаю, и визжу.

Живые картинки, театр теней — все достаточно отстранено, достаточно холодно, достаточно бегло. Мгновенная вспышка — и постепенное проявление увиденного и услышанного. Понимаешь, что изначально было не так, что-то сместилось при этом проявлении, произошел какой-то химический фокус и запечатлелось куда больше, чем было наяву.

У Григорьева много «филологических» превращений: как нередко бывает, умная игра в слова становится необходимым фоном, а то и содержанием жизни. И пока она, эта жизнь и культура в целом, следуя известному исследованию философа Й. Хейзинги, «становится все более серьезной», в поэзии главным остается «примат игры», а игровой поэт — проводником и хранителем глубинных традиций.

Дом, полный криков людей и звона кастрюль.
Звон кастрюль, полный домов и крика людей.

Звон людей, полный домов и крика кастрюль.
Дом кастрюль, полный звона людей.

Стихи Григорьева можно назвать высокой поэзией низкого быта. В них действительно много неловкого, того, о чем «не говорят», того, в чем даже себе не признаются. Коллекция, мозаика — назовите как угодно это огромное собрание эпизодов, этюдов, зарисовок постыдного, отвратительного и дебильного. Во всем этом есть налет «прóклятости» с ее эстетикой безобразного. «Прóклятых» поэтов всегда спасала самоирония. В стихах Григорьева очень мало личного, несмотря на множество «я». Нет ликования и гнева, радость и страдание разве что называются. Нет того, о чем писал «прóклятый» Лафорг, имея в виду «прóклятого» Корбьера: «стих под ударом хлыста». Есть, пожалуй, другое: смирение, готовность продемонстрировать во всех подробностях саморазрушение — и:

В костюм Пьеро я нарядился —
Как Арлекин на бал явился!

Незлобивые, смиренные чудаки Григорьева то и дело попадают в нелепые комедии положений, и трагедия оборачивается фантасмагорией.

У поэта есть излюбленные маски: детоненавистник, алкаш, коммунальный скандалист, хулиган...

Девочка красивая
В кустах лежит нагой.
Другой бы изнасиловал,
А я лишь пнул ногой.

Мы знаем читателей, которых такие стихи приводят в бешенство. Ханжество чтения ничем не лучше ханжества быта. И надо сделать усилие, чтобы в лучшем случае не ограничиться скабрезным смешком, а представить себе и понять тот срез жизни, который сквозит хотя бы только в одном этом четверостишии.

И вправду, при всей внешней легкости и веселости читать Григорьева не просто. Вообще трудно читать собранные в достаточном количестве стихи «малых форм» — лимерики, эпиграммы, частушки. Но хотелось показать расширяющуюся вселенную григорьевской лирики — с ее многообразными и точными деталями, блеском остроумия и вечным возвратом к детству.

Показателем «уровня» поэтики Григорьева может служить поэма «Футбол». Сколько здесь, на первый взгляд, длиннот,

провалов, даже неграмотности, но ведь это речь и тип сознания советского футбольного болельщика, а отсюда — эмоциональный нахлест, точная терминология и все тот же утрированный идиотизм: так было, так есть, это у большинства на слуху, ибо футбол не только игра, но и смысл нашего недавнего прошлого.

В поэме Григорьев, может быть, еще ярче, чем в стихах, возрождает традицию лубка и примитива — особенно в наивных исторических экскурсах:

Выдвигалось версий много,
Но, наверно, вот в чем суть:
Человечек встал на ноги,
Сразу надо что-то пнуть...

И еще выпуклее, чем в лирике, возникает своебразная афористичность подписей под рисунками — как только во взрослом поэте просыпается ребенок, поэзия становится детской азбукой в стихах:

Стала правая ударная
К левой перпендикулярная.
. . . .

Стала левая ударная
Параллелепипедарная.
. . . .

Ноги думают, увы,
Много лучше головы.

И вдруг ни на кого не похожий Олег Григорьев становится прекрасным учеником маршаковской школы — с ее точностью деталей, чистотой звука и рифменной игрой:

Если в поле Платини,
Лучше время не тяни.
Нет подобных геометров:
Мяч вбивает за сто метров.
Как бы держится в тени
И сплетает паутину.
Стенка что для Платини —
Для него нужна плотина.

Оригинальность всегда вырастает из традиции. Поэтому мы волей-неволей все время оглядываемся: поэтический

фольклор и народный театр, Прутков и обэриуты, Маршак и Хармс... Влияние последнего сказалось и на григорьевской прозе — в основном не сохранившейся, на этих «осколках» прозы: на рассказиках, опубликованных в книге «Чудаки», на большом рассказе «Летний день», в свое время появившемся в парижском журнале «Эхо» с недописанным или утерянным концом, — есть надежда, что у кого-то из друзей поэта рассказ сохранился в полном виде и будет наконец напечатан целиком.

В прозе Григорьева мы опять «впадаем» в детство — в его забытые обиды и недоразумения, а главное, в удивительную детскую пристальность к приметам и мелочам жизни, которые еще не делятся на добрые и дурные:

«Наступил Ленька на шнурок и — шлеп животом, как лягушка. Поднялся, а тут ему на лямку встали, и опять на полу лягушачий шлеп послышался.

А на нем уже Юрка-злодей сидит. Потянул его за рот — чуть губа не оторвалась, потому что мягкая. А Ленька его схватил за ухо резиновое, растянулось оно, а потом на место стрельнуло, дрожит теперь. Тогда Юрка за живот его душить начал, так что сопли пошли.

Ну их. Я быстренько сандалии одел и к умывальнику отправился. Здесь воспитатели чистить зубы нас заставляют, для этого щетки волосатые выдают.

А зачем зубы чистить? Все равно они скоро выпадут, и заместо их другие вырастут. Вот те и надо чистить. У меня уже вырос один такой, а другие еще шатаются. Буду его одного чистить. Ух ты, паста какая вкусная! Вначале съем одного червяка, а другого на щетку можно. Мухи из умывальника льются. Куда они только не забираются, эти мухи. В нос забираются и в уши дырявые. Сидит одна и поет в моем ухе, а уходить не собирается. Но я гвоздем ее оттуда вытащил, который здесь заместо вешалки всем глаза царапает. Не воткну его обратно, в трусы воткну. Пускай как сабля острая на боку висит, пригодится потом, наверно...»

Часто откровенные детские наблюдения и впечатления забываются, и во взрослом человеке погибает ребенок. У Григорьева они, обогащенные литературной традицией, превратились в высокую литературу, ни на что не похожую, в «новое направление художественной мысли».

Оставаясь всю жизнь ребенком, подростком, Григорьев не успел стать стариком. Он умер от непосильного пьянства, от бездомности, от жизни, перелопаченной милицией, бесцеремонными знакомцами и литературными начальниками. Во

многом он и сам хотел такой жизни, сам не мог обойтись без этого круговорота поэзии и прозы, возвышенности и животности. Его судьба стала как бы литературным жанром, перевертышем, перепутаницей, добро и зло сосуществовали в ней порою под масками друг друга.

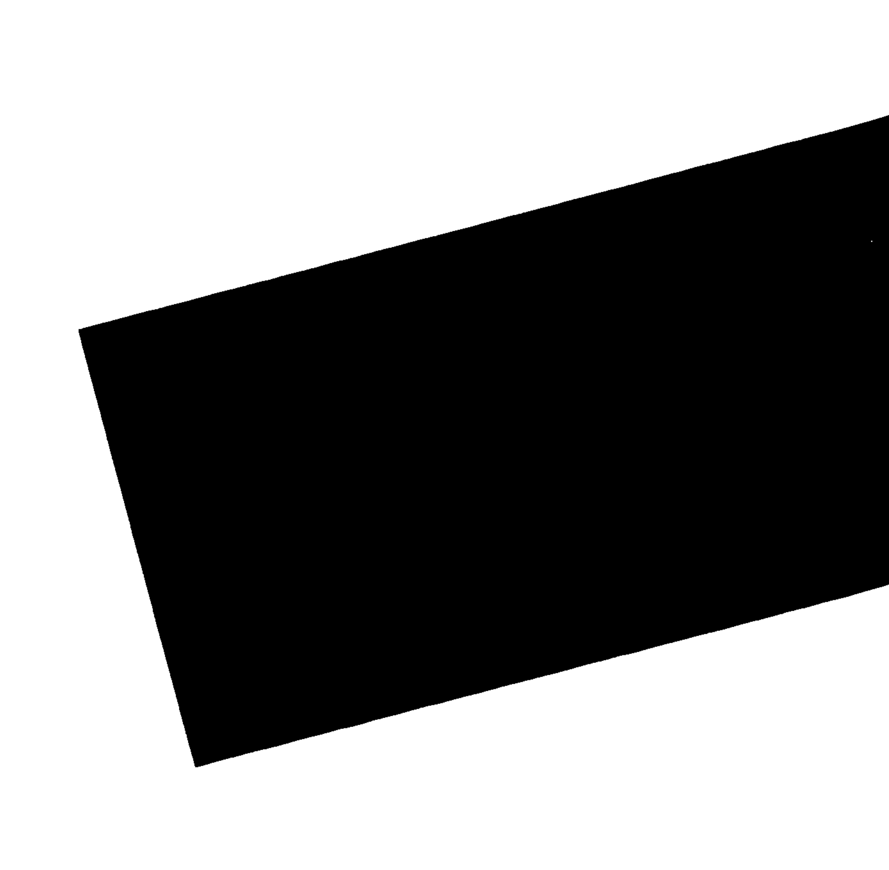
Эпоха, в которую он жил, стремительно от нас уходит. Вослед ей мы начинаем узнавать многие стихи О.Григорьева, из тех, что ходили разве что в рукописях. Возможно, он последний поэт советского литературного подполья, списков и машинописных листков, передававшихся из рук в руки.

В этой эпохе было немало скверного. Но были и люди, говорившие: чудо — это не инопланетяне, не мистика, это даже не откровенье Божье; чудо — это то, что рядом, под рукой, у сердца; это простая вещь, простое слово, простая жизнь, даже с ее уродством и низостями.

Читателям лирики Олега Григорьева придется непросто. Однако будем читать: это наша жизнь, поэт ее не приукрашивает и не ужесточает. Это жизнь, из которой мы вышли — и из которой выходим. И именно в этой жизни были написаны такие удивительные строки:

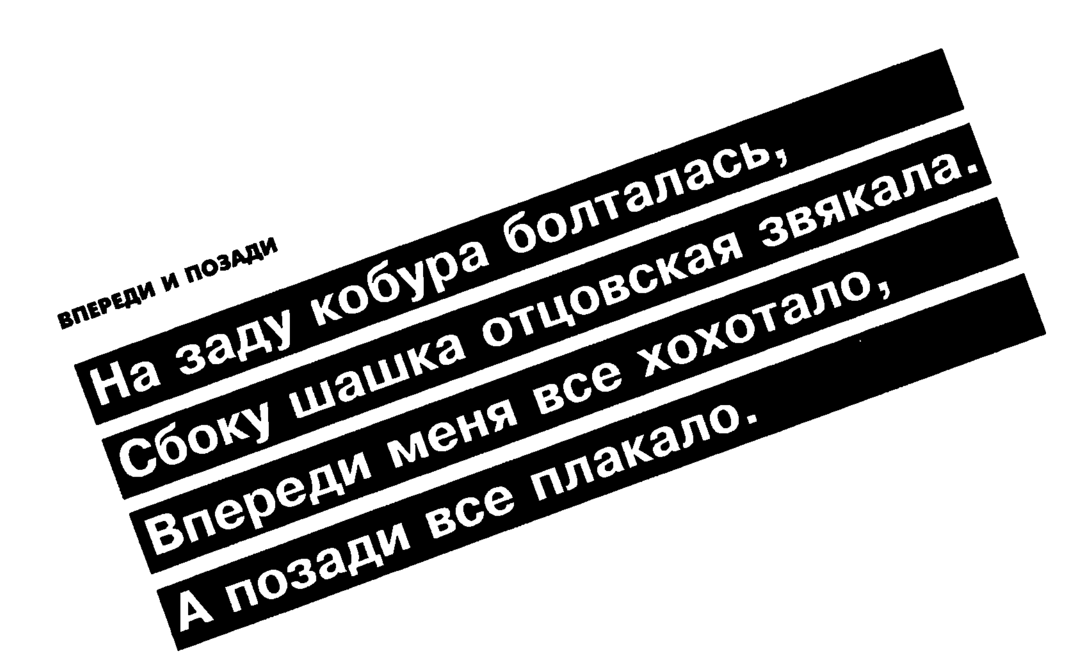
Один человек доказал, что земля — это куб.
А другой умер от прикосновения детских губ!

Михаил Яснов

Стихи из детской жизни

Всем поровну!

ИДЕТ И СИДИТ

Без мамы купили мы с папой
В магазине пальто.
Мне пальто, а папе шляпу —
Идем домой под зонтом.

Папа идет, сердит, —
Шляпа ему не идет.
Я на папе сижу —
Пальто на мне не сидит.

ПАЛЬТО

Я сам себя в пальто одел
И рукавом свой нос задел.
Решил пальто я наказать
И без пальто пошел гулять.

■ ■ ■

Я с папой искал маму
И потерял панаму.
Нашел чью-то шляпу,
Но потерял папу.

ВАЗА

Папа вазу опрокинул.
Кто его накажет?
— Это к счастью, это к счастью, —
Все семейство скажет.

Ну, а если бы к несчастью
Это сделал я?
— Ты разиня! Ты растяпа! —
Скажут про меня.

ДРОЖАЩИЕ СТИХИ

В запертом зале
Вздрогнуло что-то,
Будто ударил
Кто-то кого-то.

Дрожащий папа
Дрожащей рукой
Дрожащую маму
Повел за собой.

Дрожащую дверь
Открыл в темный зал,
Там кот дрожащий
На лавке дрожал.

Дрожащие стекла
В окнах дрожали,
Дрожащие капли
По стеклам бежали.

Сидела на раме
Дрожащая мышь.
Сказал папа маме:
«Ну что ты дрожишь?

Ты просто трусиха.
Здесь нет никого.
Спокойно и тихо.
Дрожать-то чего?»

Так папа сказал...
Но, выйдя из зала,
И папа дрожал,
И мама дрожала.

НАПУГАЛ

Я забрался под кровать,
Чтобы брата напугать.
На себя всю пыль собрал.
Очень маму напугал.

■ ■ ■

Голова на меня не похожа,
И нос какой-то не мой,
И уши чьи-то чужие,
Но весь целиком я свой.

■ ■ ■

Папа елку украшает,
Мама папе помогает.
Я стараюсь не мешать,
Помогаю помогать.

■ ■ ■

Папа спал и храпел.
Тогда я встал и запел,
И пеньем его разбудил.
Папа ремень схватил:
— Ты обещаешь не петь?
— Обещаю.
— На этот раз я тебя прощаю.
— А ты обещаешь во сне не храпеть?
Тогда я не буду и петь.
— Когда я сплю,
Не слышу я, что храплю.
— Вот и я, дорогой мой папа,
Когда пою, не слышу храпа.

■ ■ ■

Посиди в чулане —
И как можно длительно:
Серый город станет
Просто ослепительный.

ТЮК

Петю в дорогу так закутали,
Что с тюками его перепутали,
Закинули в грузовик, —
Хорошо, что поднял он крик.

ВЫСОТА

— Ты боишься высоты?
— Нет, нисколечко. А ты?
— Не боюсь, коль высота
Мне не выше живота.

■■■

**Пойду домой, пожалуюсь маме,
Что луна зажата двумя домами.**

МЕШОК

— Дяденька, что у вас в мешке?
— Футбольные мячики.
— А мама сказала,
Что непослушные мальчики.
А можно посмотреть?
— Вы разве не доверяете?
— Нет, доверяю.
— А что же вы проверяете?
Наверное, вы самый непослушный ребенок на свете?
— Как это вы догадались?
— Да уж очень мешком заинтересовались!

СОБАКИ И ЗЕВАКИ

На рынке подрались собаки,
На драку сбежались зеваки.
Чтобы к собакам пробиться,
Стали кошелками биться.

Так разодрались зеваки,
Что разбежались собаки.

■ ■ ■

Коля ходит в первый класс
Музыкальной школы.
Зачехленный контрабас
Втрое больше Коли.
Через лужи прямо вскачь
В школу он несется.
— Ну малютка и силач! —
Вслед народ смеется.
Как же так? Ответ простой:
Контрабас внутри — пустой.

■ ■ ■

Долго-долго я рыдал
Оттого, что за окошком
Мальчик в лужицу попал,
Зацепясь за камень ножкой..

■ ■ ■

Нашел кошелек я с деньгами
И принес его сразу маме.

ВНИМАТЕЛЬНОСТЬ

— Простите,
Вы на голову встать мне хотите?
— Что вы! Будет гораздо легче,
Если я встану вам только на плечи.

■ ■ ■

Прошла по спине моей палка,
Реву я, как поливалка.

ДВА СТАРИКА

Два старика шли по городу,
Поздоровались друг с другом за бороду.

БАТОН

С длинным батоном под мышкой
Из булочной шел мальчишка,
Следом с рыжей бородкой
Пес семенил короткий.
Мальчик не оборачивался,
И батон укорачивался.

ПОМОЩНИКИ

Дедушка нес тяжеленный мешок,
Думал дедушка:
«Кто бы помог?»

Сзади него шли Вадик и Рома,
Дошли до самого дедова дома.
— Вам не помочь донести мешок?
— Снять помогите! — сказал старичок.

ЧТО ЛЕГЧЕ

Отец сказал сыну:
— Принеси полведра воды,
А потом еще принесешь половину.
— Лучше я принесу
Два полных,
А потом одно опрокину.

■ ■ ■

Скворцы ручьят,
Ручьи скворчат.

ВЕСНА

В апреле будет весна,
Это я знаю точно.
Польет водопадом она
Из труб водосточных.
Мама землю вскопает,
Бросит в грядки картошки.
Осенью клубни насобирает —
Каждый мешок по трешке.

■ ■ ■

По мнению соседа-первоклассника,
Устарела в наш век вся классика.
Не надо петь, умиляться и плакать,
А надо хрюкать, визжать и квакать.

ТЕЗКИ

Сергей и Сергей — тезки —
Строгали рубанком доски.
Смастерили качели,
Качались четыре недели.
Так они укачались,
Что, когда распрощались,
Сергей пошел в дом к Сергею,
А Сергей — в дом к Сергею.

ЕСЛИ

Если вы на качели сели,
А качели вас не качали,
Если стали кружиться качели,
И вы с качелей упали,
Значит, вы сели не на качели,
Это ясно.
Значит, вы сели на карусели,
Ну и прекрасно.

■ ■ ■

**Костю кузовом задели,
Кости в Косте загудели.**

■ ■ ■

**Я волновался от страха,
Как на веревке рубаха.**

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Неевший Коля с наевшимся Митей
Ходили вдвоем в ботанический сад.
— Что же, Митя, в саду ты видел?
— Кактусы, пальмы, бамбук и гранат,
Орхидеи, мимозы и розы,
Пирамидальные тополя.
— Ну, а ты что увидел, Коля?
— На хлебном дереве кренделя.

ВАРЕНЬЕ

У Сергея нет терпенья,
Он руками ест варенье.
Слиплись пальцы у Сережи,
Приросла рубаха к коже.

Ног от пола не отнять,
Рук от ног не оторвать.
Слиплись локти и колени.
Уши склеило варенье.
Раздается жалкий всхлип.
Сам к себе Сергей прилип.

АТЛЕТ

Один легкоатлет
Имел пристрастье к котлетам.
И вот через год от котлет
Стал он тяжелоатлетом.

■ ■ ■

Съел я обеда две порции,
У меня исказились пропорции.

■ ■ ■

Сверху расширился, снизу сузился,
Шел по проспекту я и конфузился.

■ ■ ■

У меня трещали колени,
Как пылающие поленья.

■ ■ ■

В жаркой бане вы, мы, ты —
Все до скрипа вымыты.
И ложимся мы, ты, я
По постелям мытыя.

РАЗБИЛИ

Вечером девочка Мила
В садике клумбу разбила.
Брат ее мальчик Иван
Тоже разбил... стакан!

ПЯТНАШКИ

Мы с Сережей, Колей, Сашей
Бегали в пятнашки,
Руки выпачкали сажей,
Пачкали рубашки.

■ ■ ■

Из дома в дом трубу несут
Веселых пять ребят.
Смотри-ка, восемь ног идут,
А две ноги висят.

■ ■ ■

Чернорабочий лопатой
Закидывал в кузов мел.
Чернорабочий с лопатой
Был ослепительно бел.

ЖМУРКИ

Шел за Олей, но опять я
Колю заключил в объятья.
Он нарочно поддается,
Я сержусь, а он смеется.
Олю хочет он поймать —
Попадаю я опять,
Я нарочно поддаюсь,
Коля злится, я смеюсь.
По хлопкам иду на Олю,
А хватаю снова Колю...
Так играть неинтересно —
Это глупо и нечестно.
Позови сестренку Милку,
Лучше уж играть в бутылку.

■ ■ ■

— Сизов,
Почему ты молчишь?
— Я слушаю тишь.
— Разве можно услышать тишь?
— Можно, если ты помолчишь.

— Где вы были?

— Мы по крышам ходили.

— По **шам** или **ше**?

— Что — по **шам** или **ше**?

— По крышам или по крыше?

— По **шам**.

— Что — по **шам**?

— По крышам.

ВРАКИ

Что кошек рождают мусорные баки —
Это все враки!
Из мусорных баков рождаются собаки.

ПРО ПТИЧКУ

Хоронили дети кошку.
Кошку с плачем провожали
Под трезвон кастрюльных крышек.
На балконе толстый дядя
Брил свой толстый подбородок
Безопасной тонкой бритвой.
Как увидел этот дядя,
Что внизу хоронят кошку,
Говорит: «Вот это нате!»
Говорит: «Хоронят кошку»,
Говорит: «Подумать только!
Никогда бы не подумал:
С плачем кошку провожают
Под трезвон кастрюльных крышек».
Из детей, который больше,
Говорит ему: «Не кошку»,
Средний тоже утверждает:
«Мы хороним, но не кошку».
Самый маленький детеныш
Говорит сквозь слезы: «Птичку.
Эта кошка съела птичку,
Мы поймали эту кошку
И несем ее в коробке
Всем ребятам напоказ». —
«Ну! — воскликнул толстый дядя. —
Вот так так!» — и рассмеялся.
Говорит: «Я видел много,
Но такое — в первый раз!»

НАДУВАТЕЛЬСТВО

Бежали дети с велосипедным насосом
От толстяка с фиолетовым носом.
— Это надувательство! Меня надули опять!
— Да кто?
— Да эти сорванцы из дома пять.

ЛУПА

Солнечных зайчиков Коля пускает
И ослепляет прохожих.
А Миша усердно штаны прожигает
Лупой до самой кожи.

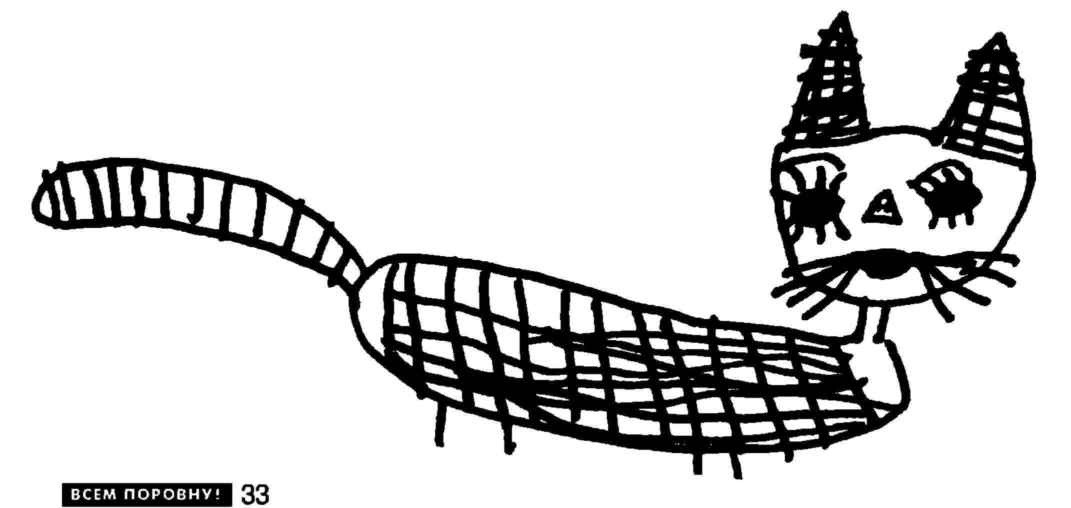
Взрослый прохожий к нему подошел,
За ухо больно схватил,
Лупу в карман положил, и пошел,
И пальцем еще погрозил.

ЮМОР

На нитках я свесил конфетки,
Детей из окошка дразню:
Конфету хватают детки —
Я нитку к себе тяну.
Родители называют
Меня дураком... Ну и пусть.
Юмора не понимают —
Дети плачут, а я-то смеюсь.

КОНФЕТЫ

Я нес домой
Кулек конфет.
А тут навстречу мне
Сосед.
Снял берет:
— О! Привет!
Что несешь?
— Кулек конфет.
— Как — конфет?
— Так — конфет.
— А компот?
— Компота нет.
— Нет компота
И не надо...
А они из шоколада?
— Да, они из шоколада!
— Хорошо,
Я очень рад.
Обожаю шоколад.
Дай конфету.
— На конфету.
— А вон ту, а ту, а эту...
Красота! Вкуснота!
А вот эта, а вон та...
Больше нет?
— Больше нет.
— Ну, привет.
— Ну, привет.

БУКЕТ

Продавец маков
Продавал раков.
Тут подошел
Любитель маков
И возмутился,
Увидев раков:
— Вы, кажется,
Продавали маки,
А у вас тут
Сплошные раки.
— Ну и что же? —
Сказал продавец. —
Не все ли равно,
Наконец!
Вареный рак
Красен, как мак,
По-моему так,
А по-вашему как?
— Да, это так, —
Сказал любитель маков. —
Хоть я и не любитель раков,
Но коль сегодня маков нет,
То дайте раков мне букет.

САЗОН

Прохоров Сазон
Воробьев кормил.
Бросил им батон —
Десять штук убил.

«ОЙ!» И «АЙ!»

— Ой!
— Что значит твое «ой!»?
— Меня кольнули иглой.
— А я думал — распилили пилой.

— Ай!
— Что значит твое «ай!»?
— Меня обругал попугай.
— И ты его обругай.

БАБУШКА

Старая, слабая бабушка
Оставила дома ключик.
Звонила старая бабушка,
Но не открыл ей внучек.
Старая бабушка ухнула,
В дверь кулаком бахнула,
Дубовая дверь рухнула,
Соседка на кухне ахнула,
Качнулся сосед на стуле,
Свалился с кровати внучек,
Упала с полки кастрюля
И бабушкин маленький ключик.

■ ■ ■

По потолку проделав путь,
Приполз паук ко мне в кровать.
Решил его я обмануть
И под кровать забрался спать.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

На кухонной полке
Идет представление.
Стоят две кастрюли —
Это вступление.
Кастрюли столкнулись —
Это завязка.
Кастрюли упали —
Это развязка.

■ ■ ■

Дом, дым, печь, пол,
Щи, хлеб, стул, стол,
Жбан, бидон, грохот, сито,
Кран, таз, ведро, корыто,
Стук, скрип, стук опять,
Спрячусь-ка я под кровать!

ПЕСНЯ ПРО ТЕСТО

Громко в дверь раздался стук,
Ну а я — ни с места:
Мне никак не вынуть рук
Из густого теста.
Постояли и ушли —
Экая досада!
Подбавлять сырой воды
Больше в тесто надо.

■ ■ ■

Вытекает на пол тесто —
Голос слышу я протеста.

СУП

Упало мыло в суп с лапшой.
В котле возник пузырь с лапшой.
— Вот это суп! — кричат друзья.
Красивый суп, да есть нельзя.

ВЫДЕРЖКА

— Вы будете с нами обедать?
— Я пообедал и теперь каюсь,
Но если вы так настаиваете,
Я буду сидеть, пока не проголодаюсь.

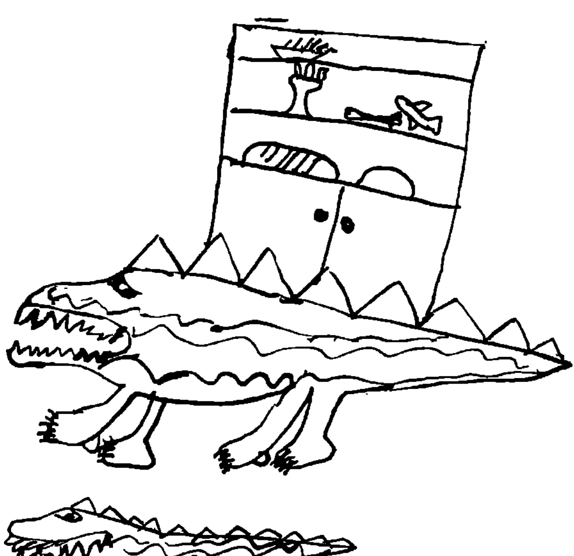
ГОСТИ

Пришли к нам четыре кошки,
А мышей у нас нет.
Отложили мы в сторону ложки,
Отдали им свой обед.

Кошки ушли, прибежали собаки —
Пять лохматых гостей.
Хорошо, что в мусорном баке
Осталась с праздника груда костей.

После собак приползли крокодилы —
От страха мы погасили свет.
Опустошили весь холодильник,
Вместе с продуктами съели буфет...

Кошки давно уснули на крыше,
Крокодилы в люк уползли.
И вот наконец прибежали мыши —
Ужин мыши сами нашли.

ДОЖДЬ

Я зонт раскрыл
Перед собой:
Чудесная пора!
Под мышку сунул
Зонт второй.
Лил дождь
Как из ведра.
В небесах
Взрывались тучи.
Третий взял
На всякий случай.
Зонт четвертый
Сунул в бок,
Чтоб я сбоку
Не промок.
Пятый зонтик
На спине,
Чтоб не дуло
В спину мне.
А дырявый зонт шестой
Я раскрыл над головой.

ПРИЕМ

Зашли мы к Сизову с приятелем.
Закрыт на замок его дом.
Такой был прием неприятен нам,
Ну что ж, подождем под дождем.

ПОЧТАЛЬОН

Не стар был этот почтальон,
И не был болен почтальон.
А вот свалился в лужу он.
Свалился в лужу почтальон,
Но сумку вовремя поднял
И над водою удержал.
Сам с головы до ног промок,
А письма от воды сберег.
Хороший парень почтальон.
Жаль, что свалился в лужу он...

ЧЕЛОВЕК С ЗОНТОМ

Человек с зонтом
Хотел войти в дом.
Но с огромным зонтом,
И открытым притом,
Как он понял потом,
Нельзя войти в дом.

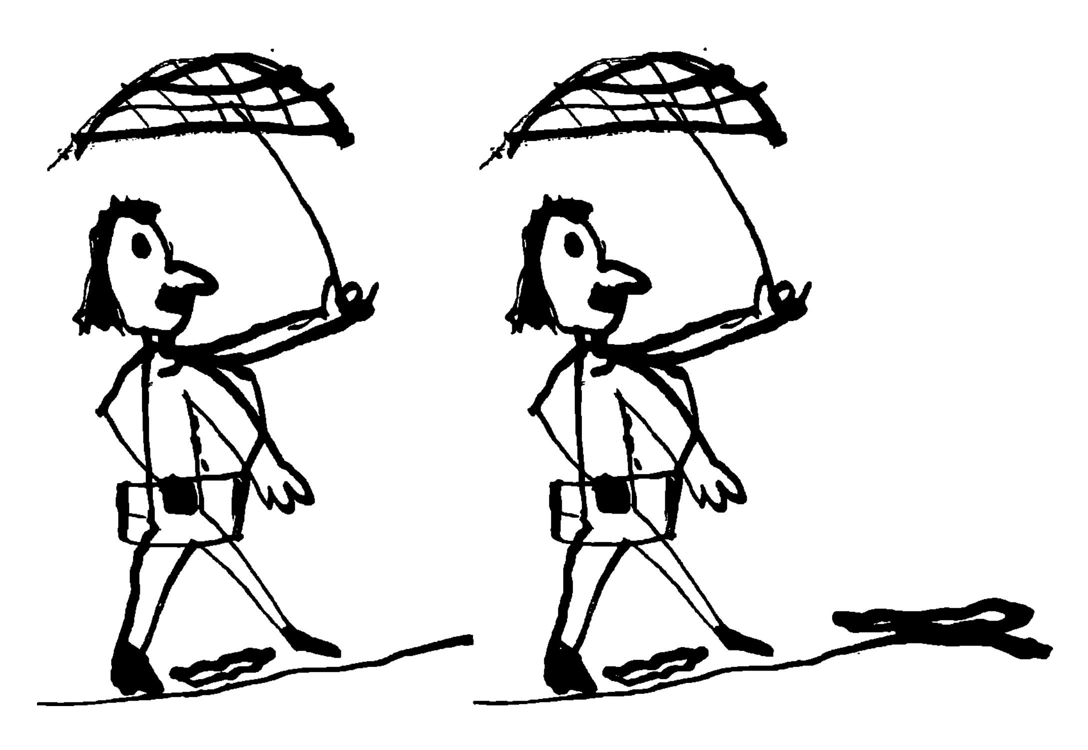
Другое дело — с закрытым зонтом.
С закрытым зонтом
Легко войти в дом.
Даже можно втроем,
Друг на друге притом.
Другое дело, если закрыт сам дом.

Если дом закрыт,
А зонт открыт,
А на улице дождь,
И вас пробирает дрожь,

Нужно зонт закрыть,
А дом открыть,
И войти домой,
Если дом не чужой.

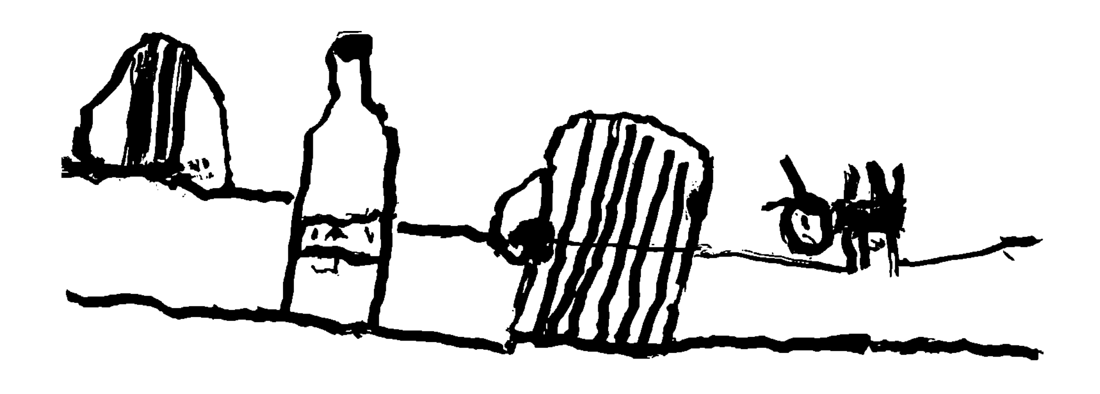
Но с закрытым зонтом
Стоять под дождем,
Без плаща притом,
Да когда гремит гром,
Да когда закрыт дом,
И чужой притом,
Всем понятно —
Не очень приятно.

Человек с зонтом
Повернулся кругом,
Раскрыл свой зонт
И ушел за горизонт.

На скатерть
во время
обеда
выполз
такой
таракан,
что, если
стаканом
накрыть
таракана,
таракан
увезет
стакан.

Стакан
упадет,
и не станет
стакана,
и убежит
таракан,
а после
вернется
и, очень
возможно,
свалит
другой
стакан.

Поэтому я, поймав таракана, сунул его в карман, а чтоб таракан не ушел из кармана, в карман опустил стакан.

СТВОРКИ

Красил я дверные створки.
До кино остался час.
Зацепил ногой ведерко —
Краска лужей растеклась.

Растеклась так растеклась,
Это ж краска, а не грязь.
Отложу поход в кино —
Пол покрашу заодно.

ПОЛОТЕР

Полотер, полотер!
Зря ты щеткой пол натер!
По паркету я пойду,
Поскользнусь и упаду!

Чтоб не поскользнуться
И шею не сломать,
Нужно пол не щеткой,
А теркой натирать.

ПОВАР

Повар готовил обед,
А тут отключили свет.
Повар леща берет
И опускает в компот.

Бросает в котел поленья,
В печку кладет варенье,
Мешает суп кочережкой,
Угли бьет поварешкой,

Сахар сыплет в бульон,
И очень доволен он.
То-то был винегрет,
Когда починили свет!

...Если б знал, что падать тут,
Натянул бы я батут.

ЛОШАДЬ

Прямо на пятый этаж,
Чтобы меня огорошить,
Сизов привел ко мне лошадь.

...

С черным грачом на плече
Черный человек при свече
Кушает кашу ложкой.

— Как каша, горяча? —
Спрашивает грач с плеча. —
Ну-ка, дай-ка и мне немножко!

СИДОРОВ

Ложкой мешая в кастрюле,
Сидоров ел крахмал,
Раскачался на стуле
И на затылок упал.

Лежал на полу он и думал,
Ложкой себя скребя:
«Как хорошо, что костюма
Нет еще у меня».

...

Сидоров хотел выпить молоко.
Перевернул бутылку над кружкой оловянной,
Но в кружку молоко не текло,
А крепко стояло там, как брус деревянный.

— В чем дело? — спросил Сидоров в окно
У метущей двор тети Глаши.
— Видно, для молока время истекло
И настало время для простокваши.

В КЛЕТКЕ

— Ну, как тебе на ветке? —

Спросила птица в клетке.

— На ветке — как и в клетке,

Только прутья редки.

КИСЛОТА

Замок проржавел — ни открыть, ни закрыть.
Я принес кислоты полведра.
Надо замок в кислоту опустить
И держать его там до утра.
Утром смотрю — ни ведра, ни замка...
Кислота, видно, слишком крепка.

ШТОРЫ

Однажды я в шторы закутался,
Стал раскутываться и запутался.
Зато распутывался так старательно,
Что запутался окончательно.
Видимо, штора пошла винтом,
Но понял я это только потом.
Когда оторвалась штора,
Запутался я в которой.

КОТЯТА

Пришли приятели к Доре
Гладить на кухне котят.
А кто-то стащил в коридоре
Шапки у всех ребят.

Дети в прихожей кричат,
Без шапок уйти не хотят.
За шапку пришлось по котенку
Каждому дать ребенку.

СОСЕД

Пришел сосед к Петрову,
Сказал: — Петров, привет! —
Петров сказал: — Здорово!
Садись на табурет. —
Сосед приободрился,
Сказал: — Смотри, Петров,
Как твой башмак раскрылся:
Он съесть меня готов! —
Петров привстал немножко,
Сказал: — Да, это так. —
И выкинул в окошко
Разорванный башмак.
Сосед не удивился,
Сказал: — Смотри, Петров,
Пиджак твой износился
От плеч до рукавов. —
Петров привстал немножко,
Сказал: — Да, это так. —
И выкинул в окошко
Поношенный пиджак.
Сосед не удивился,
Сказал, помяв берет:
— Смотри, как накренился
Твой старый табурет. —
Петров схватил за ножку
То, что назвал сосед,
И выкинул в окошко
Соседа и берет.

РАДУШНЫЙ ХОЗЯИН

— Ты будешь дома?
— Я буду дома.
— Хорошо, я к тебе зайду.
— Заходи, но только без Тома.
— А кто такой Том?
— Один чудак с широким ртом,
Впрочем, он тебе не знаком.
Итак, жду тебя завтра к шести.
— Хорошо, я приду.
— Только Тима с собой не веди.
— А кто такой Тим?
— Да мы когда-то учились с ним.
Такой огромный с большим животом.
Впрочем, ты тоже с ним не знаком.
Итак, жду тебя завтра в шесть.
Постой, а костюм у тебя новый есть?
— Нет, у меня лишь один пиджак.
— Очень плохо, коль так.
Слушай, завтра к шести
В пиджаке этом не приходи.
Посиди лучше дома.
И передай привет,
Если встретишь Тима и Тома.

ГОСТЕПРИИМСТВО

— Встаньте с этого дивана,
А не то там будет яма.
Не ходите по ковру —
Вы протрете в нем дыру.
И не трогайте кровать —
Простынь можете помять.
И не надо шкаф мой трогать —
У вас слишком острый ноготь.
И не надо книги брать —
Их вы можете порвать.
И не стойте на пути...
Ах, не лучше ль вам уйти?

■ ■ ■

В одном городишке,
Испачканном сажей,
Плескались мальчишки
В мазуте на пляже.
Ветер унес в небеса
Их штанишки.
Домой нагишом
Побежали мальчишки.
Прохожие шли —
Не заметили даже:
Думали,
В черном они трикотаже.

БАК

В бак налили кипяток.
Бак закрыли на замок.
Не поднять его никак,
Точно сейф, тяжел наш бак.
Сбоку кружка на цепи:
«На, попробуй, отцепи».
Бак запаян, замурован,
Ввинчен в пол, к стене прикован,
Остается к баку
Привязать собаку.

СОМ

Вот это сумка!
Не сумка — сума!
С отцом мы на рынок ходили.
На рынке купили живого сома
И в ванну его пустили...
В ванну его пустили,
А потом загрустили.

Вот это сом!
Не сом, а сомище!
Не мыться же с ним вдвоем.
А сколько усатый требует пищи!
Сома мы к Неве несем.
Сома в Неву опустили
И снова с отцом загрустили.

БУТЫЛКА ЧЕРНИЛ

Бутылку чернил
Я в Неву уронил.
Как чернослив
Стал Финский залив.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

**Пузырящаяся при дожде вода,
Со всех сторон окруженная сушей,
Где гуляют стада,
Растут города,
Где леса и поля,
Пионерлагеря,
Называется
ЛУЖЕЙ.**

■ ■ ■

Стреляли тучи, точно танки,
А лопались, как стеклобанки.

■ ■ ■

Трубка стреляла, как пушка,
Шипел и булькал табак.
Трубка с крышкой, будто кружка,
Захлопывалась громко, как
мусорный бак.

БАРХАН

Бархан — кочующая гора
На доме моем ночевала.
Двери закрыла мои до утра,
А после откочевала.

■ ■ ■

Обратился я к облакам:
— Когда вы друг друга бодаете,
Разве не больно вашим бокам?
— Не больно.
— А что ж вы рыдаете?

КОНЦЕРТ

Солнце грело, грело
И перегорело.
Вместо солнца вышла на —
Вышла на небо луна.
Вместо птичек под окошки
На концерт собрались кошки.
Ночь пропели у окна —
Ни покоя мне, ни сна.

ОКОШКО

Мальчишка Антошка
Разбил окошко.
Тетка Фекла
Вставляла стекла.
— Что же ты, безобразник,
Разбил мне вдребезги праздник?!
— Мячик-то кругл,
А ботинок, как угол!

У ОКОШКА

У окошка я долго сидел,
Ждал чего-нибудь интересного.
Мячик прямо в меня полетел —
И окно мое косо треснуло.

КАРНИЗ

Стоят на панели люди,
А мы по карнизу идем.
Ну и хохоту будет,
Если мы упадем!
Стояли люди, стояли,
Лишь продрогли напрасно.
Мы, как назло, не упали —
Всех огорчили ужасно.

ЛЕТОМ

Мы летом у бабушки жили,
Соседом был Коля у нас.
Мы с Колей так крепко дружили,
Что даже подрались пять раз.

■ ■ ■

Дым, кудрявый, как Оля,
Рвался из города в поле.
Рыжее солнце, как Петя,
Сияло всему на свете.

СТРАХ

— Эх ты, испугался зайца,
Который ел капусту!
— Я же не видел зайца,
Я же спасался от хруста!

ТРУС

— Чего ты трясешься?
Ты, видимо, трус.
Разве можно бояться коров?
— Я не трус, я не трус,
Я коров не боюсь,
А боюсь только их рогов.

ВЕТЕР

Ходил я против ветра носом.
Остался на всю жизнь курносым.

КОМАРЫ

Мой приятель Валерий Петров
Никогда не кусал комаров.
Комары же об этом не знали
И Петрова часто кусали.

■ ■ ■

Мальчик Шмяк и девочка Шлеп
Рвали к обеду с грядки укроп.
Вместо укропа собрали мак:
Мальчик — шлеп, а девочка — шмяк.

ПИРОГ

— Кто съел пирог?
— Мы не ели.
То есть мы съели,
но не хотели.
Это все птицы.
Они прилетели
и, если б не мы,
они бы все съели.

КАРАВАЙ

Мальчик — Мякиш
И девочка — Корка
Катились, как мячики,
С Тминной горки.

Катились, катились,
Одежды теряя.
Скатился с горки
Круг каравая.

■ ■ ■

От меня шагах в сорока
Выклевывала сорока
Начинку из пирога,
Длинного, как пирóга.

КОЛОБКИ И ЛЕПЕШКИ

В расплющенном доме
Жили лепешки.
Вот покатили они
По дорожке,
По полям и лугам
К толстеньким колобкам.
В круглой избе,
Точно в бочке,
Жили в жиру
Колобочки.
Подивились немножко,
Надели, как шапки, лепешки,
Сметаной себя облили
И к столу подкатили...
И вот они по тарелочкам —
Мальчикам в радость и девочкам.

ТОРТ

Давно мы с Толиком друзья.
Мы торт несем в носилках.
Настолько друга знаю я,
Что чувствую затылком.
Вот наклонился он лицом
И откусил кусок.
— Не будь, — сказал я, — наглецом,
Вставай вперед, дружок.

ЗНАКОМСТВО

— Как мы познакомились?!
Это мистика!!!
Оба в очках, и оба с сачком,
И с приклеенным на нос листиком.
И оба, заметь, босиком.
У клумбы роз в форме круга
Охотились за мотыльком —
Оказались в сачке друг у друга.

УПАЛИ

Ловили в поле мотылька,
Споткнулись и упали.
Синяк-синяк, два синяка, —
А мотыльки пропали.
Сидим в цветах, удручены,
Лохматые, как кочаны.

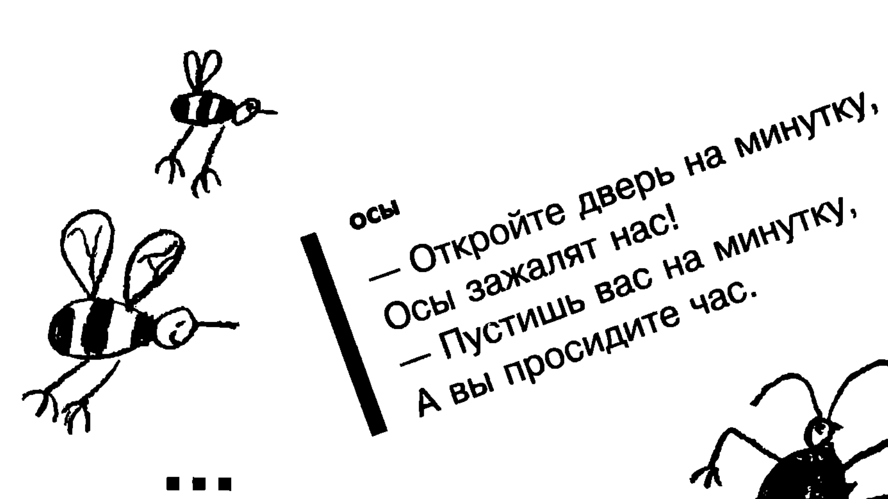
ПЧЕЛА

Николай вспугнул пчелу,
Побежал по саду.
Наступил он на метлу,
Врезался в ограду.

Звонко хлопнула метла,
Да с такою силой,
Что уж лучше бы пчела
Колю укусила.

ВОПЛЬ

Я записывал птиц голоса
На карманный магнитофон.
В микрофон залетела оса,
Создавая ненужный фон.
Коснулся ее случайно я —
Записался мой вопль отчаянный.

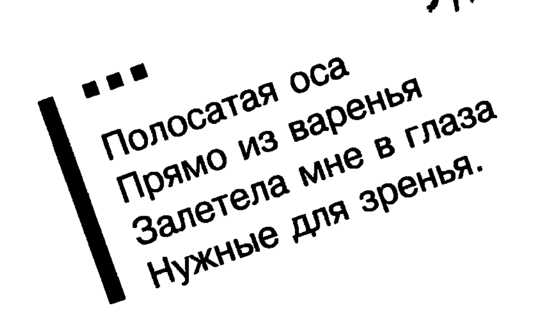

ОСЫ

— Откройте дверь на минутку,
Осы зажалят нас!
— Пустишь вас на минутку,
А вы просидите час.

■ ■ ■

В уголке сидит паук —
Восемь ног, а может, рук.

■ ■ ■

Полосатая оса
Прямо из варенья
Залетела мне в глаза
Нужные для зренья.

■ ■ ■

Пес тоскует на цепи —
А попробуй отцепи!

ТАБУН

Промчался табун жеребят
В двести ног, в пятьдесят хвостов,
А верхом команда ребят
В сто ушей, в пятьдесят носов.

МОЛОКО

В. Гоосcу

Была жара, разошлись облака,
Солнце над самой головой повисло.
Я бросил лягушку в бидон молока,
Чтобы оно в дороге не скисло.
Донес молоко до самого дома,
Забыл совсем про лягушку.
Вспомнил, когда я стал из бидона
Разливать молоко по кружкам.
Брату с книжкой, отцу с газетой,
Сестренке с куклой, деду в очках,
Тетке с букетом, дядьке с пакетом...
Что сейчас будет — просто страх!
Мамина кружка, моя кружка.
Вот и вылито все молоко.
К счастью, ко мне нырнула лягушка.
Ох, разливать молоко нелегко!

■ ■ ■

Мы в саду соревновались,
Кто до урны плюнет.
Так усердно мы плевались,
Что исчезли слюни.

САД

— Я не хотел к вам в сад —
Это друзья меня заставили.
— Как же они заставили?
— Сами забрались в сад,
А меня одного оставили.

■ ■ ■

Шли вперед — пришли назад:
Значит, круглый этот сад.
А затем наоборот:
Шли назад — пришли вперед.

НАОБОРОТ

Человек шел спиною назад.
Ногами назад и затылком назад.
А может, он шел вперед?
Вперед, только наоборот.

ГОРОДИШКО

Два соседа по двору,
По квартире даже,
В полдень, в самую жару,
Встретились на пляже.
У реки легли в песок,
Поиграв немного,
И создали городок
Из песка сырого.
Мимо с криком пробежал
Маленький мальчишка
И ногами растоптал
Весь их городишко.

ЦЕПЬ

Во двор проникла лиса
И прихватила утку.
Пес метался, но цепь не пускала пса —
И пес поволок за собой будку.
Сам-то пролез он в дыру,
Да не протащил конуру.

■ ■ ■

В горохе только гренки,
А буженины нет.
Звон ложек о тарелки
Озвучивал обед.

■ ■ ■

Мы ждали в столовой супа из курицы
И ложками громко стучали о стол.
Суп кудахтал и кукарекал на улице,
А в столовую к нам не шел.

■ ■ ■

Я шел и дул на суп,
Чтоб сразу сесть и съесть.
Он на пол — хлюп да хлюп,
Не смог я суп донесть.
Весь суп я на пол сдул,
Голодным сел на стул.

БЛИН

Друг от друга тянули блин:
Блин был кругл, а стал длинн.

БЕДА

Для простуженных ребят
Я в тройных бачках
В изолятор через сад
Нес обед в руках.

На меня напали псы,
Я роняю баки.
Ни борща, ни колбасы —
Съели все собаки!

Вот беда так уж беда!
Так дошел я до суда.
Будто я обед их съел.
Мне-то не до шуток —
Без обеда я сидел
Ровно двое суток.

НАСТРОЕНИЕ

Коля съел мое варенье,
Все испортил настроенье.
Я синяк ему поставил —
Настроение исправил.

БРЮКВА

Мы собирали брюквы.
Я шесть корзинок собрать успел,
После уборки нам щупали брюхи —
Кто сколько брюкв за уборку съел.

ДАЧНИК

Дачник взял кошелек и корзину,
В лес пошел покупать малину.
Вернулся домой, не принес ничего:
Ягоды есть, продавцов — никого!

ЧЕРНИКА

Кто-то чернику съел из блюдца,
А дети сидят и не признаются.
— Смотрите, Петров побледнел,
Значит, он чернику и съел.
— От черники не бледнеют, а чернеют.
— Это верно.
Однако все почернели и никто не покраснел.
Вот это скверно.

СКРОМНОСТЬ

— Что ты хочешь —
Ватрушку, сыра, меда
Или лимонада?
— Что вы! Что вы!
Мне так много не надо.
Я только ватрушку макну в мед,
Положу сверху сыр
И все запью лимонадом.

ЧТО ЛУЧШЕ

— Как вы думаете,
Где лучше тонуть?
В пруду или в болоте?

— Я думаю, что если тонуть,
Так уж лучше в компоте!
Хоть это и грустно,
Но по крайней мере вкусно!

— Яму копал?
— Копал.
— В яму упал?
— Упал.
— В яме сидишь?
— Сижу.
— Лестницу ждешь?
— Жду.
— Яма сыра?
— Сыра.
— Как голова?
— Цела.
— Значит, живой?
— Живой.
— Ну, я пошел домой.

...

Копали яму глубоченную,

Получили гору высоченную.

УДАР

Огромный зонт, наподобье радара,
Купил я от солнечного удара.
Поднял он меня, как воздушный шар,
Упав, получил я земной удар.

▪▪▪

Сизов во сне произнес фразу:
— Слева под дзотом клад зарыт. —
Все побежали к дзоту сразу,
А в яме лишь лом и кайло лежит.

В ГРОЗУ

Собрались в грозу мы в поход
И взяли громоотвод,
И несли мы его по очереди,
Ожидая со страхом очереди.
Гром громыхает, и молния бьет,
Мне Клоков вручает громоотвод.
Мне страшно, конечно, я не скрываю,
Но вверх я тяну его и не бросаю,
А молния в дуб, как нарочно, бьет —
Не пригодился громоотвод.

▪▪▪

Далеко-далеко от всяких кроватей,
От подушек и раскладушек,
Лежал я на кочке, как на вате,
И слушал пенье лягушек.

ОДЕЯЛО

В походе нашли мы одеяло.
К вечеру похолодало.
Большое нашли мы одеяло,
А на всех было мало.

— Я первый увидел! — Не ты, а я!
— Я первый поднял, половина моя!
На клочья одеяло порвано,
Зато досталось всем поровну.

НА КОЧКЕ

Сижу я в болоте на кочке
И ем бутерброд с колбасой.
Подходит ко мне незнакомец,
Размокший и страшно босой.

— Я провалился в болото, —
Тоскливо он говорит.
— Оставил там целых два бота,
Этюдник и теодолит.

Рюкзак с очень ценным снарядом
И то, в чем я кашу варил, —
Сказал так и плюхнулся рядом
И больше не говорил.

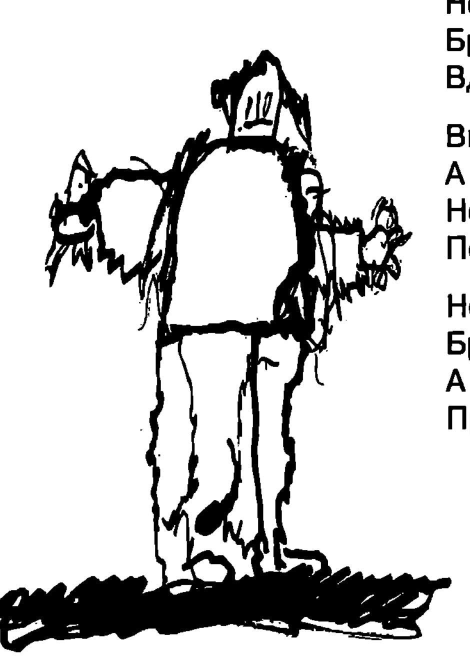
И был он настолько размокший
И до того босой,
Что я поделился с ним хлебом,
А также и колбасой.

ЧУВЯКИ

Человек потерял чувяк.
Нельзя идти в одном чувяке.
Бросил чувяк он в овраг,
Вдруг видит — первый плывет по реке.

Вниз по оврагу быстро пошел,
А это совсем нелегко,
Но когда чувяк свой нашел,
Первый уж был далеко.

Не повезло человеку,
Бросил и этот он в реку.
А ниже сидел какой-то рыбак,
Приплыли к нему чувяк и чувяк.

В ЛОДКЕ

В лодке плыл я по воде.
На воде я или где?
Я пощупал дно под лодкой,
Оказался шест короткий.
Тут луна и там луна.
ПОД водой я или НА?
Может, я отображенье
Моего лишь отраженья?
Я и сам не знаю где —
В небе я или в воде?
Между скопища созвездий
Так и плыл я, так и ездил.

КАМНИ

Дети кидают камни
На берегу речушки.
Камни будто с ногами.
Прыгают, как лягушки.

Воду едва лишь тронут
И дальше скачками летят.
Мои же все камни тонут,
Только детей смешат.

■ ■ ■

Мы бежали вдоль речки,
Не бежали — летели!
Резко свернула речка,
А мы свернуть не успели.

■ ■ ■

Засмотрелся на ивы плакучие,
Оказался в навозной куче я.

АКИМ

Вдоль реки бежал Аким.
Был Аким совсем сухим.
Побежал он поперек —
Весь до ниточки промок.

ПОПЛАВОК

Я плавучий поплавок,
Я зыбучий островок.
Над собою я неволен:
Утону — рыбак доволен.
Дернет вверх — лечу я ввысь,
Клюнет рыба — снова вниз.
Вверх и вниз, туда-сюда,
Беспокоен я всегда:
Но не праздный я ныряльщик —
Безотказный я сигнальщик!

ЧУДАК

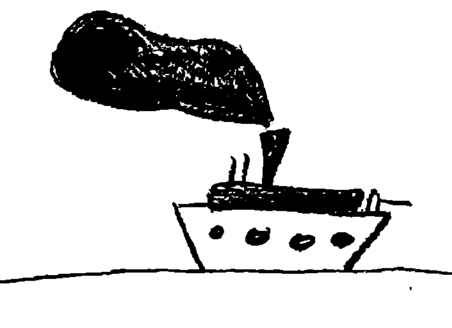
Танцевал один чудак
В лодке на волне.
После этого чудак
Танцевал на дне...

МЕСЯЦ

Звезды и месяц купались в реке,
Удочку крепко держал я в руке.
Вижу: под воду ушел поплавок,
Месяц я ловким движеньем подсек.
Круто взметнулся он синим хребтом,
Звонкую леску отсек, как серпом.
И улетел, ослепляя глаза,
Вместе со звездами в небеса.

МОРЯК

Молодой моряк в матроске
Вышел к берегу реки.
Снял матроску по-матросски,
Снял морские башмаки,
По-матросски раздевался,
По-матросски он чихнул,
По-матросски разбежался
И солдатиком нырнул.

ЭТЮД

Сижу я в запахе тмина,
Пишу с натуры этюд.
Передо мною картина...
Не картина — салют!

Все сверкает на солнце,
Красок таких и нет.
Жук упал на подсолнух,
Мух взорвался букет.

В листьях цикада большая —
Такой вдруг поднялся крик!
Взвилась бабочек стая,
Разжал кулак борщевик.

Замолчала цикада
И вновь закричала вдруг.
Слоники сыплются градом,
Выпустил жертву паук.

Прыгнул кузнечик упруго
И закачался в цветах.
Меняются друг за другом
Сто картин на глазах.

Комар завертелся в пляске,
Нырнул лягушонок в стакан.
Разбрызгал я кистью краски —
Не этюд, а фонтан.

В ЛИПКОЙ ПАУТИНЕ

В липкой паутине
Бился мотылек.
Дергал нити длинные,
Вырваться не мог.

Дунул что есть силы
Я на паука,
Вовсе обессиленного
Спас я мотылька.

МОТЫЛЕК

Мне дали денег на букет,
Но я проел их вмиг.
Букета нет и денег нет,
Залез в чужой цветник.
Меня схватила в цветнике
За шиворот рука.
Я превратился в той руке
От страха в мотылька.
Порхаю тихо и легко
С цветка я на цветок,
Вонзаю в рыльца глубоко
Свой длинный хоботок.

ПОКУПКА

Я купил искусственный дождик
И поставил его в огород.
Это лейка такая — треножник,
Из которой вода течет.
А дождь, как назло, лил все лето.
Проржавела покупка эта.

…Черные тучи падучи,
А белые тучи летучи.

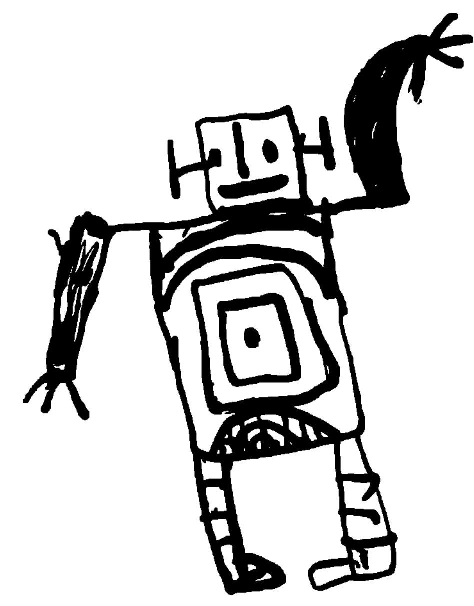
ДОЖДИ

Дождик крапал, моросил,
Припускал, стучал, косил,
Ливнем лил, стеной стоял,
Барабанил, травы мял.
Дождь слепой и проливной,
Нарастающий, грибной,
Обложной, висячий, скорый,
Сонный, медленный и спорый.
Как камыш стоймя стоячий,
И холодный, и горячий.
А еще есть грозовой,
Радужный, полосовой,
Параллелями и в сетку,
А при ветре даже в клетку...
Вот как много есть дождей
Для растений и людей.

КОСМИЧЕСКИЙ ГОСТЬ

Коля Белкин по прозвищу Белка
Ехал на велосипеде по загородному шоссе.
Мимо пролетела летающая тарелка.
Коля прокатился на заднем колесе.
Белкин ехал, как едут в задачке,
Из пункта А в пункт В.
Что-то гремящее, как водокачка,
Выскочило на дорогу с антеннами на голове.
— Не бойся меня, — существо сказало, —
Я космический твой двойник! —
Какую-то клавишу сбоку нажало
И тонко запикало: пик, пик, пик.
Белкин руль потерял от страха,
С велосипедом упал в кювет,
Нос оцарапал, порвал рубаху,
Огляделся — никого кругом нет.
Едет дальше — все как в задачнике:
Между пунктом А и пунктом В
На шоссе встречает он мальчика
С синей пилоткой на голове.
Вот хорошо — человека встретил!
Догнал пешехода. — Привет! — Привет! —
— Ты летающую тарелочку не заметил?
— Летающие тарелочки — это бред.
— Может, и бред, — говорит Белкин, —
Но я-то пока не сошел с ума,
Своими глазами видел тарелку,
А после робот выскочил из-за холма.
Нос как руль, глаза с будильники,
Говорит, я космический твой двойник.
Антенны на лбу, а сбоку рубильники,
И тонко пикает: пик, пик, пик.
Садись на багажник, вдвоем веселее,
И наблюдай вон за тем холмом. —
Вскочили на велик и едут скорее
К пункту В ребята вдвоем.

— Нос как руль, а антенны какие?
— Как рога большущей длины.
— Посмотри, наверно, такие, —
Сказал вдруг мальчик из-за спины.
Оглянулся Коля несмело
Вскрикнуть хотел, но пропал и крик.
На багажнике то существо сидело
И тонко пикало: пик, пик, пик.
Выпустил руль от ужаса Белкин
И опять свалился в кювет,
Очнулся, как не в своей тарелке,
Даже забыл про велосипед.
Поздно ночью вернулся на дачу...
— Вот так чудо! — сказал сосед. —
Без тебя, сам собою, значит,
Днем прикатился велосипед.

ВЕЛОСИПЕД

Велосипед меня понес.
Понес куда-то под откос.
Он там остался без колес,
И дальше я его понес...

СКОРО

Вчера — почка, сегодня — цветок,
Шмеля над цветком полет.
В рыльце мед, в меду хоботок,
Сегодня цветок, завтра плод.

Нынче март и грачей прилет,
Но скоро-скоро отлет...
Осенью плод, а зимой компот,
И снег, и метель, и лед.

ЩЕЛЧОК

Пожелтел в саду стручок,
Обтянул горошины.
Неожиданный щелчок —
Горошины разброшены.

РЕКА

Вот здесь река текла,
Мы шлепаем по илу,
Да, речка умерла,
Ушла как бы в могилу.

По ней несчастный лес
Уплыл на табуретки,
Потом и лес исчез —
Торчат четыре ветки.

Воздвигли комбинат
И речку отравили.
Где строить, нас, ребят,
Напрасно не спросили.

Но там, во тьме кромешной,
Подальше от людей,
И течь, и жить, конечно,
Ей будет веселей.

КАВАЛЕР

Качалась Галя в гамаке
И ела абрикосы.
Почуяв сласть в ее кульке,
Слетелись злые осы.

Раздался плач, раздался крик,
Упал в траву кулек.
И Галя вмиг на землю прыг
И к даче наутек.

Сережа веткой помахал,
И разлетелись осы.
Кулек поднял, плоды собрал,
Снес Гале абрикосы.

А мог бы лечь в гамак и съесть...
Да, кавалеры все же есть.

НАРЫВ

Мальчик с нарывом на языке
Лежал и стонал в гамаке.
А девочка с флюсом на правой щеке
Читала невдалеке.
Читала, да как захохочет!
Мальчик с испугу как вскочит —
И упал с гамака.
Мальчик, видать, был трусом.
Нарыв соскочил с языка,
А девочка так и осталась с флюсом.

ПАСЕЧНИК

Забрались мы с Колей на пасеку
С ложками и ведром.
Навстречу идет пасечник
В маске и с дымарем.

Окурил нас старательно,
За пчел, наверно, счел.
Однако, какой невнимательный —
Окурил и ушел.

Целое лето проспали
В цветах мы на пасеке с Колей.
Каникулы наши пропали:
Из школы идем прямо в школу.

БЫЛИНА

Сидит Славочка на заборике,
А под ним на скамеечке Боренька.
Боренька взял тетрадочку,
Написал: «Дурачок ты, Славочка».
Вынул Славочка карандашище,
Написал в тетрадь: «Ты дурачище».

Борища взял тетрадищу
Да как треснет по лбищу Славищу.
Славища взял скамеищу
Да как треснет Борищу в шеищу.

Плачет Славочка под забориком.
На скамеечке плачет Боренька.

1

Иду в школу.
Вдруг заскрипел снег.
Из-за угла появилась нога,
Затем голова, рука
И наконец весь человек —
Босой и, как видно, голодный.
Хвать меня за пальто —
И сунул в мешок,
Темный, сырой и холодный.
От страха я завизжал
Жалобно, но достаточно звонко.
Кто-то спросил: «Гражданин, это что?» —
«Да на рынок несу поросенка...»
От страха забыл я язык человечий —
Визжал по-поросячьи,
Верещал по-овечьи.

2

Человек с мешком
Вынул меня из мешка со смешком,
Втолкнул в чулан и щелкнул замком.
В углу чулана
Нащупал я девочку и мальчугана.
— Не бойся, он не людоед,
Сиди спокойно — наш совет,
За нас он выкуп хочет взять.
Отец твой сколько может дать?
— Нет, ни отец, ни дед, ни мать
Меня не станут вызволять.
Еще вчера отец сказал:
«Ах, чтобы черт тебя побрал!»
И дед на что-то разозлился,
Сказал: «Ах, чтоб ты провалился!»
Здесь даже днем темнее ночи,
Стучать я буду что есть мочи...

— Ну что ж, кричи, топчи, стучи,
Тебя услышат кирпичи,
А мы, друг друга щекоча,
Проводим время, хохоча.

3

Тут в дверце открылось окошко.
Рука протянула кастрюлю,
В кастрюле была картошка.
— Ну как, горячо?
— Да нет, ни-чо.
С большим аппетитом я ел картошку,
Перекидывая картошины из ладошки в ладошку.
А дома не ел и котлеты,
А только халву и конфеты...

4

Да, ни отец, ни дед, ни мать
Меня не стали выкупать.
А раз не стали выкупать
Пришлось задаром отпускать.

ЙОГА

Я получил замечание.
Папа пришел в восторг,
А мама в отчаяние.
«Поведение вашего сына
Внушает тревогу:
Он изучает йогу
И вместо руки подает ногу.

Детям, конечно, полезно
В движениях разнообразие,
Но бегать по потолку —
Это уже безобразие!

Законов физики не признает он совсем,
В коридоре на люстре качается,
За партой сидит в позе Дзен,
Терпенье мое кончается.

И хоть он учится на отлично,
Поведенье его неэтично.
Даже, можно сказать, разлагающе:
Физрук под его влиянием
Ходит как-то летающе.

А учитель ботаники цветами порос.
Химик на уроке
Превращается то в ртуть, то в купорос.
А учитель истории
То в Цезаря, то во льва, а то в гладиатора.
Но у нас же школа,
А не подмостки театра.

Вот и я поддался йоге немножко —
Улетаю из класса прямо в окошко,
Хоть в школу вхожу
Через парадные двери...
Прошу принять против йоги
Самые строгие меры!»

УБЕЖДЕНИЯ

— По твердому моему убежденью,
Надо воздух все время в себя вдыхать,
А не то прекратится движенье,
И человек будет только лежать.

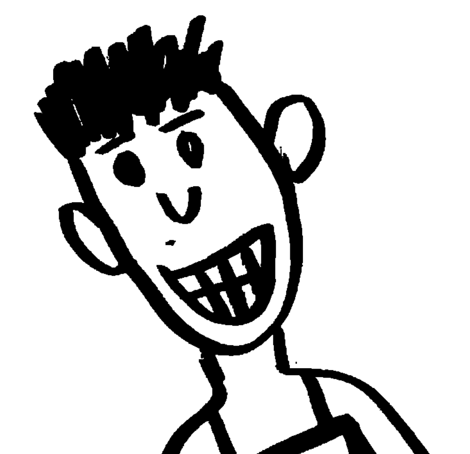
— А по глубокому моему убежденью,
После вдоха надо и выдыхать,
А то от вдохов получится расширенье,
И человек станет только летать.

■ ■ ■

Помчался я в школу бегом
И на фонарь наткнулся.
Все засмеялись кругом,
Больно, и в горле ком,
Однако и я улыбнулся.

ГЛОБУС

— Дети, кто знает, что обозначает
Вот этот шар, посаженный на кол?
— Это чучело Земли.
— Тебе кол.
— Нет, это не чучело,
А такая земляная голова.
— Тебе два.
— Нет, это настоящая земля,
Но картонная только.
— Тебе тройка.
— Я знаю, синее — это вода,
А коричневое — это земная корка.
— Четверка.
— Это модель Земли,
Только уменьшенная в сто раз.
Если посмотреть в микроскоп,
Можно увидеть себя
И весь наш класс.
Это круглая карта,
Внутри пустая,
Ее можно пальцем вращать.
— Пять!

УПРУГОСТЬ

Чтоб убедиться, что воздух упруг,
В трубку забьем картошины круг.

Поршнем нажмем с другой стороны —
Вылетит пробка до той стены.

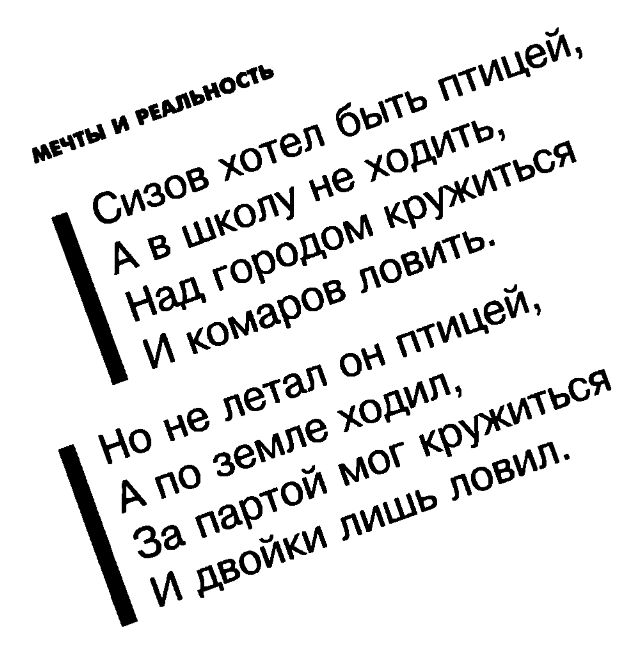
Пробка ударила Клокова в лоб.
Клоков затылком о глобус хлоп!

Два полушарья летят со стола
И отлетают в два разных угла.

Юг на север, север на юг,
Оттого что воздух упруг.

ВНУТРИ И СНАРУЖИ

Внешняя сторона Петрова
Была к уроку готова:
Сидит он за партой
И так сияет,
Будто все на пятерку знает.
Не будет учитель зря время терять,
Если снаружи написано: пять.
Учитель окинул внимательно класс:
— Ну, Петров, порадуй хоть раз,
Вижу, урок ты знаешь,
Если весь так сияешь.

■ ■ ■

С почтовой сумкой почтальон
Влетел на крыльях в школу,
Решил, наверно, почтальон,
Что он почтовый голубь.

■ ■ ■

Класс заливало из трубы «А».
Вода вливалась, но не выливалась.
В классе была лишь одна труба,
И вскоре вся школа наша купалась.

МАГНИТНОЕ ПОЛЕ

Однажды Сережа и Оля
Попали в магнитное поле.
Напуганные родители
Еле их размагнитили.

КОЛОДЕЦ

Не свались в колодец, Ольга,
Если прыгнешь в воду ты,
Потеряешь в весе столько,
Сколько вытеснишь воды.

■ ■ ■

— Что, если мир раскрутить посильнее?
— Подумай о бабушке, что будет с нею.

ПИРАМИДА

Боря на Толю, Толя на Колю,
А Коля залез на Лиду.
Праздник спортивный проходит в школе —
Мы делаем пирамиду.

КОМУ ЧТО?

Весь день Петров
На верстаке
Строгал брусок
Рубанком.
А Кадыков
Невдалеке
Пинал ногой
Жестянку.
Петров пилил,
Сверлил,
Строгал,
Долбил,
Дробил,
Соединял
И смастерил
Скворечник
Из струганых
Дощечек.
А Кадыков
Стучал,
Бренчал,
Пылил,
Долбил,
Дробил,
Пинал
Жестянки,
Банки,
Кринки
И разорвал
Ботинки.

■ ■ ■

Сизов на уроке вязанья
Съел внеурочно бисквит,
Нарушил режим питанья —
Вызвал у всех аппетит.

■ ■ ■

Сизов закрылся партой
И как бы смялся в ком.
Он завтракал под партой
И булькал молоком.

ХО-ХО, ХА-ХА

Его никто не щекотал,
Кудрявого мальчишку,
А он сидел и хохотал,
Листая пальцем книжку:
— Хо-хо!
Ха-ха!
Хе-хе!
Хи-хи! —
Читал, как знаки нотные,
Наверно, были там стихи
Какие-то щекотные.

СМЕХ

Хоть смеялся я тише всех,
Но от смеха под парту съехал.
Потому что беззвучный смех
Самый сильный из всех смехов.

■ ■ ■

Один на ощупь мягкий
Ужасный ученик
К девчонкам в раздевалку
Через окно проник.

Одна на вкус соленая
И горькая девчонка
Горячую пощечину
Ему влепила звонко.

И выгнала мальчишку,
Пихнув притом ногой,
Ужасного мальчишку
Со звонкою щекой.

■ ■ ■

Мы идем на физкультуру
Развивать мускулатуру,
Чтоб была у всех фигура,
Как античная скульптура.

КЛЮЧ И КЛЮЧ

Я в зáмок попасть не мог —
Зáмок закрыт на замóк.
Когда перепрыгивал ключ,
Я в ключе утопил ключ.

ПРИЯТЕЛЬ

Имел я большого приятеля:
Если он встанет на стул —
Дотянется до выключателя.

■ ■ ■

В коробке для шахмат послышался крик,
Открыл я скорее крышку —
Фигурки для умной и сложной игры,
А бесятся, словно мальчишки.

НЕСЧАСТИЕ

У Клокова Коли несчастие в школе:
Портфель он, как мячик, ногою пинал,
Задачник разорван, будильник расколот,
Утерян дневник, апельсин и пенал.

Портфеля не жалко, будильника тоже,
Пенал еще лучше у бабушки есть,
А вот тугой апельсин толстокожий?..
Да, апельсина сегодня не есть.

КТО ПРАВ?

Сегодня Клоков дежурный у нас.
Того, кто не мылся, не пустит в класс.
Коля Сизов, его старый друг,
Чтоб друга проверить, не вымыл рук.
— Пока не помоешь, — сказал ему Клоков, —
Не допущу тебя до уроков!
— Что ты! Да мы же друзья!
С друзьями ведь так нельзя!
— А разве такими руками
Здороваться можно с друзьями?

СЕКРЕТ

— Открой свой секрет.
— Какой секрет?
— Ты принес в школу коробку конфет?
— Секрет я открою, коробку нет.

В реку рукой Метал металл. Нагой ногой Пинал пенал.

КАРТЫ

— Давай играть в карты.
— В карты? Вот хорошо-то!
Петров достает из-под парты
Шелестящее что-то.

Потом из портфеля вынул
Ручку, резинку и фишки,
Карту на парте раскинул...
— Послушай, а где же картишки?

— А это и есть картишки,
Будем играть в города.
Столицу назвал — ставишь фишку.
— Я так не играл никогда!

— Кто больше столиц отгадает,
Тому киселя стакан,
Ну а кто проиграет —
В нос получит щелбан.

ЧЕХАРДА

— Ты идешь играть в чехарду?
— Конечно, иду.
— Я буду сидеть у тебя на плечах.
— Я для этого слишком чахл,
Лучше я на тебе покачу.
— Что-то я играть не хочу.

ОБОШЛОСЬ

— Все в порядке?
— Все в порядке.
— А что в порядке?
— Выдернули пальму из кадки.
— И все обошлось?
— Все обошлось:
Пальму заставили сунуть обратно,
И всю школу мыть пришлось.

КАРТОШКА

По школьному радио голосом вещим
Позвали все классы на экстренный сбор.
Быстро в портфель побросав свои вещи,
Мы по перилам скатились во двор.

Строгий завхоз, улыбаясь немножко,
Приятную весть сообщает для всех,
Что едем в колхоз собирать мы картошку,
Раздалось визжанье и радостный смех.

Какое везенье! Какая удача!
За нами приехали грузовики!
И вместо уроков мы снова на даче,
Давайте лопаты, давайте совки.

Картошку копаем,
Картошку бросаем,
Картошку сгребаем,
Картошку несем.
Картошку толкаем,
Картошку катаем,
Картошку сгружаем,
Картошку везем.

Картошка, как кошка,
Картошка — матрешка,
Картошка, как лошадь
И как бегемот.
Картошка — гигант
И картошина — крошка,
Картошка — красавец,
Картошка — урод.

Картошка,
Картошка,
Картошка,
Картошка...
Картошки мешок одному не поднять.
В картошке я стал запинаться немножко.
Картошку не просто совсем собирать.

РЕДИСКА

— Напишите мне в школу записку,
Что я помогал собирать редиску.
— Однако ты столько съел редисок,
Что обойдешься и без записок.

РЫЖИЕ И СИВЫЕ

В школе дрались рыжие с сивыми,
И те и другие считали себя красивыми.
Драться кончили, когда стали лысые,
И было не понять, где рыжие, а где белобрысые.

■ ■ ■

Домашний Пышкин и дикий Клоков
Дрались портфелями после уроков.
Потом вступили в бой рукопашный —
Дикий Клоков стал тоже домашний.

■ ■ ■

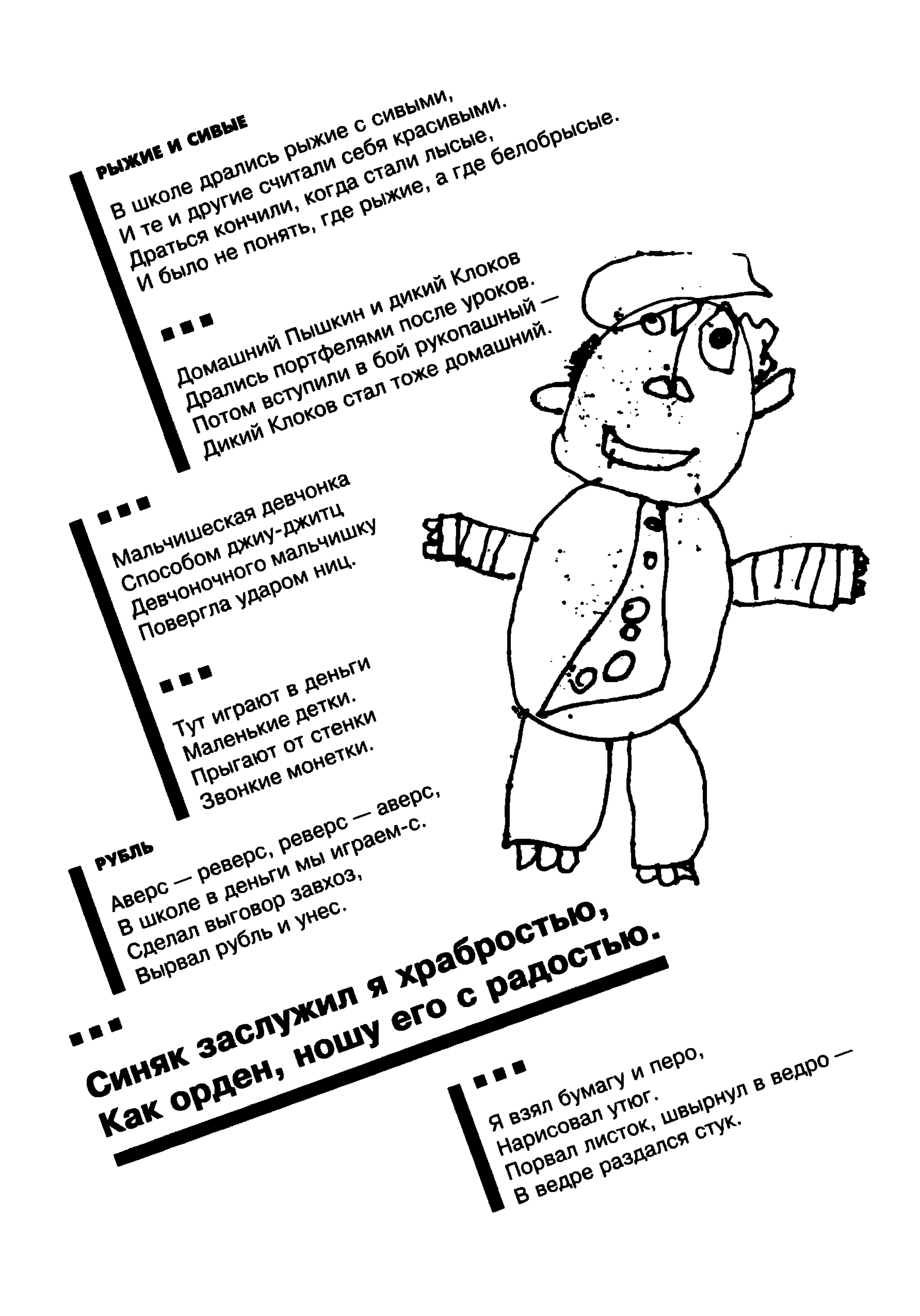
Мальчишеская девчонка
Способом джиу-джитц
Девчоночного мальчишку
Повергла ударом ниц.

■ ■ ■

Тут играют в деньги
Маленькие детки.
Прыгают от стенки
Звонкие монетки.

РУБЛЬ

Аверс — реверс, реверс — аверс,
В школе в деньги мы играем-с.
Сделал выговор завхоз,
Вырвал рубль и унес.

■ ■ ■

**Синяк заслужил я храбростью,
Как орден, ношу его с радостью.**

■ ■ ■

Я взял бумагу и перо,
Нарисовал утюг.
Порвал листок, швырнул в ведро —
В ведре раздался стук.

НЕ ПО ПЛЕЧУ

Света мне не по плечу,
Я ходить с ней не хочу.
То есть я ей по плечо,
Эх, досадно до чего!

Говорит она со мной —
Я ее не слышу,
А ведь прошлою весной
Я ее был выше.

За одно лишь лето
В девяносто дней
Стала в классе Света
Всех длинней.

Танцевать с ней не хочу,
Света плачет, я молчу.
Говорит: «Уж ты прости...» —
«Надо было не расти!
Нашу пару засмеют,
Праздник станет адом —
Шпингалетом назовут
С каланчою рядом...»

Я уж лучше подожду
До другого лета,
Может, тоже подрасту —
Не росла бы Света.

ДРУЖБА

Коля Тарелкин с Катей дружил,
А Катя дружила с мышами.
Он к ней под окошко стоять приходил
И умел шевелить ушами.

Она говорила: — Ну что ты стоишь?
Входи, ведь на улице дождь! —
К щеке прижимала белую мышь,
И Колю бросало в дрожь.

Повесит Тарелкин шапку на крюк,
Чтобы подвигать ушами.
Стаи мышей соберутся вокруг,
И Катя займется мышами.

Большая обида Колю взяла,
В мешок он котов наловил
И, когда на собрание Катя ушла,
Котов к ней в окно запустил.

Приходит он к Кате, счастливый на вид,
Что так рассчитался с мышами, —
Красивая Катя в кресле сидит,
Окружена котами.

ЦВЕТНИК

Пошли на экскурсию дети в цветник,
Росли там большие цветы.
В шмеля превратился один ученик
И хоботом в рыльце проник.

Вкуснее сгущенного молока
Был сок хризантем и азалий.
Когда отрывали шмеля от цветка,
Он больно Петрова ужалил.

— Да ну! — рассердился до слез Петров
И бросил шмеля в цветы.
Вдруг из цветов выползает Сизов:
— Чего так пихаешься, ты?

— Не будешь кусаться в следующий раз! —
Ответил ему Петров.
— Да, да, — поддержал его целый класс. —
Ты первый начал, Сизов.

Идем отрядом дисциплинированно,
Будто вся улица заминирована.

■ ■ ■

Два мальчика-пионера
На Аничковом мосту
Дразнили милиционера,
Который стоял на посту.
С утра он дублировал четко
Испорченный светофор
И палочкой очень ловко
Размахивал, как дирижер.
Они ему строили рожи,
Показывали носы,
Ко лбу приставляли рожки
И прыгали, как козлы.
Но постовой был сдержан
И не покинул пост:
Он самый красивый в мире
Сегодня обслуживал мост.
А атлет без штанишек,
Тот, что коня укротил,
Грозно взглянул на мальчишек
И пальцем им погрозил.
Другой, без брюк и рубахи,
Им погрозил кулаком.
Дети с моста от страха
Прыгнули в баржу с песком.

АРЛЕКИН

Надев колпак, костюм и маску,
Я побежал на школьный бал.
Но во дворе в густую краску
Во всю длину свою упал.
В костюм Пьеро я нарядился —
Как Арлекин на бал явился!

БАШМАКИ

Один башмак мой чавкал,
Другой башмак пищал.
Покинуть предложили
Мне танцевальный зал.

ЗООПАРК

Лена-ломака и Коля-кривляка
В воскресенье пошли в зоопарк.
В клетке, как Лена, ломалась макака,
А рядом, как Коля, кривлялся макак.

■ ■ ■

Четверорукими ногами
Макака к дереву идет,
Четвероногими руками
Она бананы с веток рвет.

КУБИК РУБИКА

Раз пошел я в игроклуб —
Дали мне красивый куб.

Игровой момент таков
У игрушки этой:
Чтобы куб со всех боков
Одного был цвета.

Эта красной сторона,
Грань вот эта — белой,
Та зеленой быть должна,
Эту синей делай.

Три часа я с ним играл —
Не добился лада.
Ловко кубик разобрал —
И сложил как надо.

А на улице кругом
Стало все из кубиков:
Куб — автобус, кубик — дом...
Мир — как кубик Рубика.
Кубик, кубик,
Куб,
Куб,
Куб...
Не хожу я в игроклуб.

■ ■ ■

С быстротой ракеты
Объезжает трек
На велосипеде
Человеловек!

■ ■ ■

Наездник едет на коне,
Он приближается ко мне.
Пришпорил пятками коня —
И удалился от меня.

■ ■ ■

С концерта шел невесел:
Ведь я не слышал пенья,
А только старых кресел
Тоскливое скрипенье.

■ ■ ■

Зрители с размаха
Овощи кидали.
Музыкант со страха
Спрятался в рояле.

■ ■ ■

Мощно махая руками,
Влетел я в наш класс на сбор.
В дверь упираясь ногами,
Вылетел я в коридор.

НА СОБРАНИИ

Председатель Вова
Хотел взять слово.
Пока вставал,
Потерял слово.
Встал со стула
И сел снова.

Потом встал опять,
Что-то хотел сказать.
Но решил промолчать
И не сказал ни слова.
Потом встал.
Потом сел.
Сел — встал,
Сел — встал,
Сел — встал
И сел снова.
Устал
И упал,
Так и не взяв слова.

КТО ЗА?

Гудела голова,
Вернее, в голове гудели слова.
— Кто за?
Никто не поднял руку,
Зато все опустили глаза.

КЛЯКСА

— Вы слыхали?
Учитель поставил кляксу в журнал
На самую главную страницу,
Я это сам видел.

— Вот бы на мою единицу!
— Вот бы на мою двоечку!
— Ой!.. Только бы не на мою троечку!

ГДЕ СПРАВЕДЛИВОСТЬ?

Клоков получал единицы,
А его называли двоечник.
А я получал двойки,
Тройки,
Четверки,
Пятерки,
А меня называли троечник.

ВОЙНА

Петров вел войну
С двойками и единицами:
Вырывал листы,
Ловко складывал,
И они улетали в окошко птицами.

■ ■ ■

— Что ты делаешь?
— Двойку стираю.
— Я этого не одобряю.
— А как ты сам поступаешь?
— Я просто весь лист вырываю.

ДВОЙКА

Сидоров хотел опять
Переправить три на пять.
Три, конечно же, не два,
Но похвалят ли — едва.
Вот пятерка — это ЗНАК!..
Но, к несчастью, вышел брак.
Так протер, что не понять,
Тройка это или пять.
Математик почему-то
Двойку с тройкой перепутал.
Из пятерки вычел тройку
И поставил сверху двойку...
Скорчил Сидоров усмешку
Со слезами вперемежку.

ИСПРАВЛЕНИЕ

Учитель вышел в коридор
И к скважине приник.
К журналу тихо, точно вор,
Подкрался ученик.

И переправил «два» на «пять» —
Ведь по руки движению
Совсем не трудно угадать
Ее изображенья.

Учитель в класс скорей вошел,
Но исправленья не нашел.

■ ■ ■

Сизов на осень остался,
Очень хотелось плакать
И потому он смеялся.

В УГЛУ

Даже слезы текут по стеклу.
Так мне больно стоять в углу.

■ ■ ■

Ударила градина в лоб —
Это еще за что б?
Другая ударила в темя —
Да, видно, гулять не время.

ТАНЕЦ

Закинув в угол ранцы,
На лестнице крутой
Мы танцевали танцы
Под бака стук пустой.

Вскидывая ноги
Вперед, назад, крестом,
Оглоблями, колесами,
Вертелись мы винтом.

Вдруг дворник залетает,
Большой и страшно злой,
И живо выметает
Всех нас во двор метлой.

Вскидывая ноги
Вперед, назад, крестом,
Мы катимся колесами
И покидаем дом.

■ ■ ■

Налетел на меня пес —
Вырвал из шубы клок меха.
Но обидел меня не пес —
А взрыв злорадного смеха!

ЗАВТРА

Стали лужи хрустящими,
Мороз все сильней и сильней.
Прохожие падают чаще
И — по возгласам — все больней.
А завтра выпадет снег,
И будет зима целый век.

■ ■ ■

Пахнет утром, снег хрустит,
От дыханья пар летит.
Снег хрустит, как огурец,
Пар летит, как ряд колец.

ЛЕД

Чтоб на льду не растянуться,
Лег Сазонов на живот:
Ведь не может поскользнуться,
Кто не ходит, а ползет.

В КУЗНЕ

В кузне жара — на дворе холод.
В кузнице кузнецы.
У одного в руках молот,
У другого — щипцы.
Выковывают кузнецы
Молотом и щипцами —
Молотки и щипцы,
Молотки и щипцы,
Молотки и щипцы,
Молотки и щипцы...

ЗИМОЙ

С портфелями в школу дети
Идут по снежным дорогам.
А медвежата с медведями
Спят по своим берлогам.

На большой перемене
В столовую дети идут,
А медвежата с медведями
В берлоге лапу сосут.

■ ■ ■

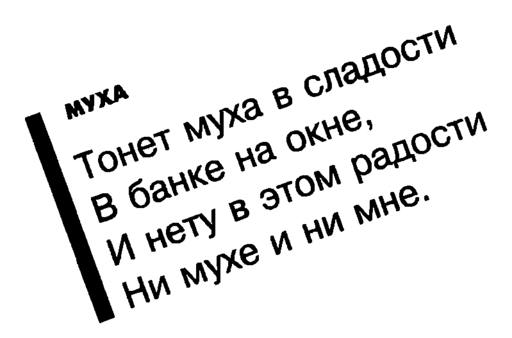
Дом стеклянный, полный воды,
В котором живут рыбешки,
А кругом расцветают сады —
И все это на окошке.

ГОВОРЯЩИЙ ВОРОН

Говорящий ворон на окошко сел
И мое жилище с грустью оглядел.
Он меня не очень оторвал от дел —
Не сказал ни слова, дальше полетел.

ВАЛЕНКИ

На заборе валенки
Вверх ногами сохли,
Значит, эти валенки
Вниз ногами мокли.

ВИТАМИН РОСТА

(Стихотворема)

1

Мир был, как глобус, синь и кругл.
Учитель биологии ходил по классу из угла в угол
И читал лекцию о питании человека
В связи с научными достижениями века.

— Дорасти до потолка в наше время
Относительно просто.
Для этого открыт в природе
Витамин А — витамин роста.
Особенно много витамина А
Содержит в себе морковь.
Наверно, поэтому у маленьких детей,
Особенно у зайцев,
К ней такая любовь.

Смирнов, сходи, пожалуйста, вниз
И принеси из живого уголка
Двух маленьких белых крыс.
Этих милых, крошечных альбиносов.
Да смотри, не задерживайся у попугаев
И не задавай им
Никаких вопросов.
Заодно поймай на окне
Самую толстую муху
И накорми в террариуме
Тритона.
Будь осторожен —
Не вспугни с яиц клуху
И опасайся питона.

А пока Смирнов ходит вниз,
Расскажу я вам немного про крыс.
Вы знаете, какие это вредные
И нахальные животные.
Особенно крысы опасны,
Когда бывают голодные.
Тогда они из склада в склад
Целыми стаями по городу носятся.
Кстати, кто скажет,

К какому отряду крысы относятся?
— К отряду грызунов, —
Сказал Иванов.
— Совершенно верно,
Только прекрати грызть яблоко.
А ты, Мехнов, отверни от окна
И поверни ко мне
Хотя бы одно глазное яблоко.

Если с крысами не бороться
И дать им свободно плодиться,
Они бы всю землю заняли в год
И нам пришлось бы
Где-нибудь
На тесном Марсе ютиться.
Человечество ведет с ними
Непрерывную войну,
С переменным успехом
Их травят мышьяком,
Ядохимикатами,
На них ставят капканы,
Крысоловки
И вот теперь научились
Убивать их смехом.

В каком-нибудь складе,
Где их целое общество,
Или попросту популяция,
Ставится аппарат
И включается мультипликация...
И на том месте фильма,
Где начинают
Кота ремешком драть,
Так что искры летят из меха,
Крысы задирают ноги
И начинают так неистово хохотать,
Что лопаются от смеха.

Однако что это так долго
Ходит Смирнов?
Неужели опять питона
Не задвинули на засов?

Ах, вот и он сам... явился!
Что ж ты так долго не шел?
А я думал, ты куда-нибудь
Трагически провалился.
Итак, с сегодняшнего дня
Мы начинаем эксперимент.

Вот этому крысенку
Мы повесим бирку со знаком плюс
И будем кормить его пищей,
Богато насыщенной витамином А,
Чтобы он вырос у нас с арбуз
Или даже с два.
Другому, вот этому,
Который высунул
Из клетки хвост,
Мы будем давать стерильную пищу,
Чтобы вызвать у него
Авитаминоз.
И примерно через месяц
Мы увидим,
Какой из этого получится эффект.
Конечно, в том случае,
Если крыса с плюсом
Не имеет в своих генах дефект.

Проходит неделя,
Проходит другая,
И вот уже опыт пора прекращать.
Учитель, за опытом наблюдая,
Ничего не может понять.
Выросла крыса,
Которой в пище
С избытком давали витамин А,
Но так же выросла
И другая крыса,
И даже больше раза в два.

2

Однажды,
Перед тем как начать урок,
Учитель зашел в живой уголок.

Крыса,
Которая не получала витамин А,
С жадностью ела морковку,
Учитель хотел морковку отнять,
Но крыса огрызалась
И отпрыгивала ловко.
— Тут, видимо, кто-то есть, —
Решил учитель и оглядел комнату. —
Ну да, так и есть! —
Из-под стола торчали чьи-то пятки.

— Кто это тут играет в прятки?
Ах, это ты, Смирнов!
Ну да... я так и знал.
Ты как это здесь оказался?
— У меня шнурок развязался,
Я его на бантик хотел завязать,
А он у меня на узел завязался. —
Из-под стола вылезли ноги Смирнова,
Потом туловище,
А затем голова.
Из карманов его
Предательски торчала,
Покачиваясь из стороны в сторону,
Зеленая ботва.
— Красна девица сидит в темнице? —
Задал учитель вопрос в упор.
Смирнов быстро сунул в карман «косицу»
И сказал в ответ:
— Я знаю, это помидор.
— Разгадываешь загадки ты ловко,
Можешь не хитрить.
Я знаю, что у тебя в кармане
Морковка.
Скажи, Смирнов, откровенно,
Ты крысу кормил
Из гуманных соображений
Или из шалости?
Смирнов опустил глаза
И сквозь слезы сказал:
— Не из гуманных соображений,
А от жалости.

— Ну не плачь,
Опыт ты не сорвал,
А даже подтвердил.
Вот только внешней стороне дела
Ты немножко повредил.
И чтобы не возникли у кого-нибудь
Сомненья и придирки,
Я возьму
И переставлю на клетках бирки.
А поскольку за нарушенье
Режима питанья
Ты основной ответчик,
Ты сделаешь дома к весне, в наказанье,
И принесешь в живой уголок
Скворечник.

■ ■ ■

Он во всем мне подражает,
Очень этим раздражает.

■ ■ ■

Сам я плох, и ответ мой плох.
Но мне неплохо.
Нынче не ставят детей на горох,
К тому же и нет гороха.

■ ■ ■

Учился в шести разных школах,
Но остался олухом олух.

СОБЫТИЕ СКАНДАЛЬНОЕ

Подсказчика роль репетировал
К экзамену я с приятелем —
Ему за стенку телепатировал,
А он из-за стенки оттелепативал.

Надо напрячь всю волю
И ясно прочесть билет.
Потом сжать зубы до боли
И воспринять ответ.

Все получалось правильно
Дома на репетиции.
Однако во время экзамена
Чуть не дошло до милиции.

В трудный момент передачи
Мысли на расстоянии
Стул подо мной как заскачет
И стол, и весь класс, и все здание.

Учителя проделали
Ряд перевоплощений.
Превзошли мы пределы
Всех людских напряжений.

Хоть и решили задачи
В этакой обстановке,
Учителя нам назначили
Пере-экза-меновки...

Такое событье скандальное —
Психо-паро-нормальное!

СКАФАНДР

Смирнов попросил у жестянщика
Металлические обрезки.
Нашел проволоку,
Подобрал какие-то железки
И сделал из жести латы.
Но в бою оказались они мягковаты.
Тогда Смирнов
Приделал к ним аппараты.
Получился скафандр
Для выхода в космос.
Смирнов полез в скафандре на крышу.
Ощупал воздух, а космоса нет.
Видимо, был он выше.
Смирнов огорчился
И по перилам съехал вниз,
А то бы, наверно, в космос вышел.

■ ■ ■

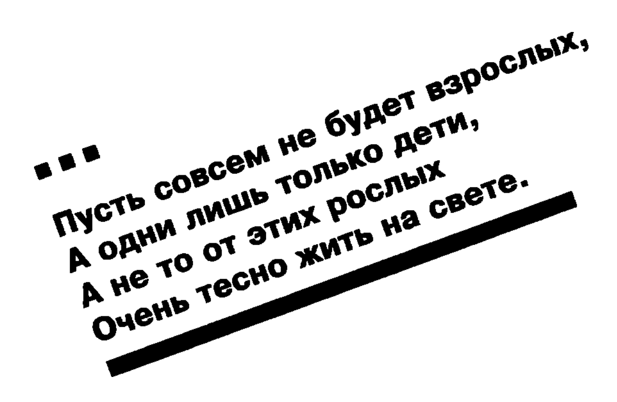
Я в луже стою босиком на Луне,
Не нужно скафандра для этого мне.

ДЫРА

— Вот это да!
— Что да?
— Вспыхнула сверхновая звезда!
— Где?
— В межзвездной среде.
Но это еще не беда.
В созвездии Рака с утра
Образовалась дыра,
Говорят — все засасывает
И ничего не выбрасывает!

■ ■ ■

Люди от звезд происходят,
Потому вертикально и ходят.
Звезды людей притягивают,
Земля сплющивает,
А звезды растягивают.

СОЗВЕЗДИЕ РЫБЫ

Я летал в созвездье Рыбы,
Прилетел назад —
Дети стали стариками,
На меня ворчат.

ОСКОЛОК

В закопченное стекло
Наблюдал затмение —
Вот на солнце натекло
«Черное знамение».

В эпилепсии забилась
Серая ворона,
А из темени пробилась
Яркая корона.

В ней спиралями огня,
Как в каком-то танце,
Бились бури, тьму гоня,
И протуберанцы.

Это просто на светило
Наползла луна.
Сколько страха породила
На земле она!

Наползла и отползла,
Точно шарик бледный,
А осколочек стекла —
Инструмент волшебный.

ДЕДУШКА

Вот и скончался дедушка.
Сижу у окна и тоскую.
В окошке напротив девушка
Расчесывает другую.

На плечи намазала голые
Какую-то белую массу.
Потом повернула голову
И скорчила мне гримасу.

А после первая девушка
Расчесывать стала другую...
Вчера у меня умер дедушка,
А не о нем я тоскую.

ЯЙЦО

Начало жизни и конец
Вот в этом вот яйце.
Стучится носиком птенец
В тупом его конце.

А почему не в остром?
Задали мне вопрос.
Ответить очень просто —
Носик не дорос.

СЕКУНДЫ

С каждой секундой
Я старше и старше
Сам себя становлюсь.
Ужасно смешно мне
И весело страшно,
Что скоро остановлюсь.

ДЕВИЗ

Такой у меня девиз:
Лезешь вверх, не гляди вниз.

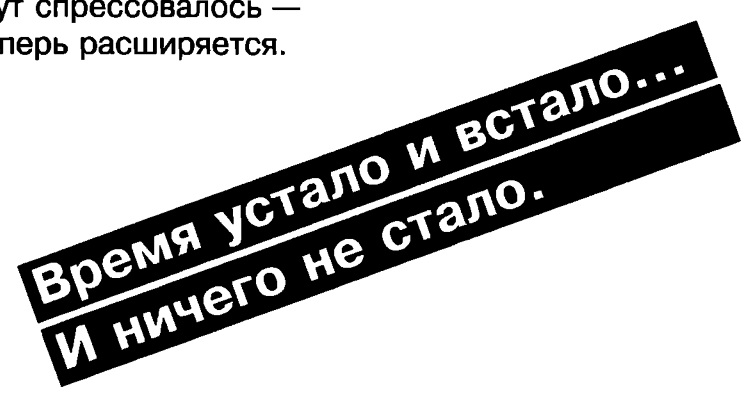
■ ■ ■

Я ударился об угол,
Значит, мир не очень кругл.

ВРЕМЯ

Видали?
Все вертикальное —
Легло по горизонтали.
Интересно, что это так толкается?

Время тут спрессовалось —
И вот теперь расширяется.

Рождественская песенка

Стилизация

Марии, дочери

Трещит рождественский мороз,
Окошко, как в слюде,
Карниз сосульками порос —
Весь в длинной бороде.

Скорей зажгите свечки,
Да не свалите ель,
Пускай, как искры в печке,
Сверкает канитель.

Подайте нам варенья,
Разлейте всем сбитéнь —
Сегодня День Рожденья,
Христа-Младенца день!

Явился наш Мессия,
Простой малыш, как все.
Упрятала Мария
Его в хлеву, в овсе.

С небес звезда смотрела
Сквозь обветшалый кров,
В яслях младенца грело
Дыхание коров.

Волхвы, цари, весталки
На ту звезду пошли
И к Рождеству подарки
Исусу принесли.

Густого меда соты,
В корзинах виноград,
Маслины и компоты,
Халву и мармелад.

Плетей чесночных косы,
И сочный абрикос,
И груши, как кокосы,
И с голову кокос.

Бананы, и гранаты,
И манго терпкий сок,
Кораллы, бриллианты
И золота мешок.

И привели с собою
К нему слонов больших,
Ягнят, коней в попонах
И даже львов ручных.

Был настоящий праздник
И пир, и бой зверей,
И слух разнесся сразу:
— Родился Царь Царей! —

Той вестью пораженный,
Царь Ирод побледнел...
Он всех новорожденных
В тот день убить велел.

Своих сатрапов резвых
Послал во все места —
Мальчишек перерезать,
А вместе и Христа.

Железные запоры
Срывали палачи,
Врывались в дом, как воры,
При солнце и в ночи.

Мальчишка ли, девчонка,
Никто не разбирал,
Лежал малыш в пеленках,
Да так и погибал.

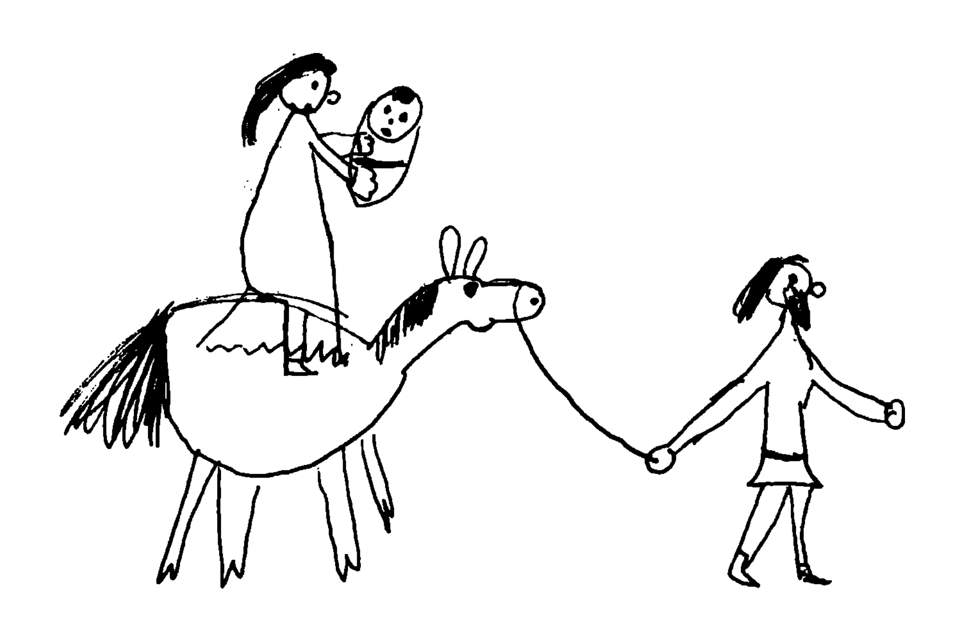
Мария и Иосиф
С ребенком на осле
Нашли, лачугу бросив,
Приют в чужой земле.

А золото? Подарки?
Мотки жемчужных бус?
Все бросили: не жалко,
Остался бы Исус.

Из клеток отпустили
На волю всех зверей,
Христа платком укрыли
И скрылись поскорей.

Идти опасно было,
Скакал в лесу отряд,
Но елочка укрыла
Их ветвью от солдат.

Дала та ель спасенье
И кров семье святой,
Поем мы в День Рожденья
О елочке простой:

«В лесу родилась елочка,
В лесу она росла
И много-много радостей
Детишкам принесла».

Вверху звезда сверкает,
А снизу крест — смотри.
И свечки полыхают —
Их ровно тридцать три...

Царь Ирод безобразный
Истлел давным-давно.
Едим мы торт на праздник,
Пьем сладкое вино.

И, поднимая чаши,
Поем мы о Христе,
Как за грехи он наши
Был распят на кресте.

Закрыт скалой в пещере,
А поутру исчез...
Христос воскрес, мы верим!
Воистину воскрес!

О, дай, Исус, нам счастья
И исцеленье дай,
Спаси нас от напасти
И вознеси нас в РАЙ!..

«Кресты». Декабрь 1989

Вослед уходящей эпохе

Фотографии
Юрия Журавского
Сергея Королева
Сергея Подгоркова
Андрея Чежина

БАБУШКИНА

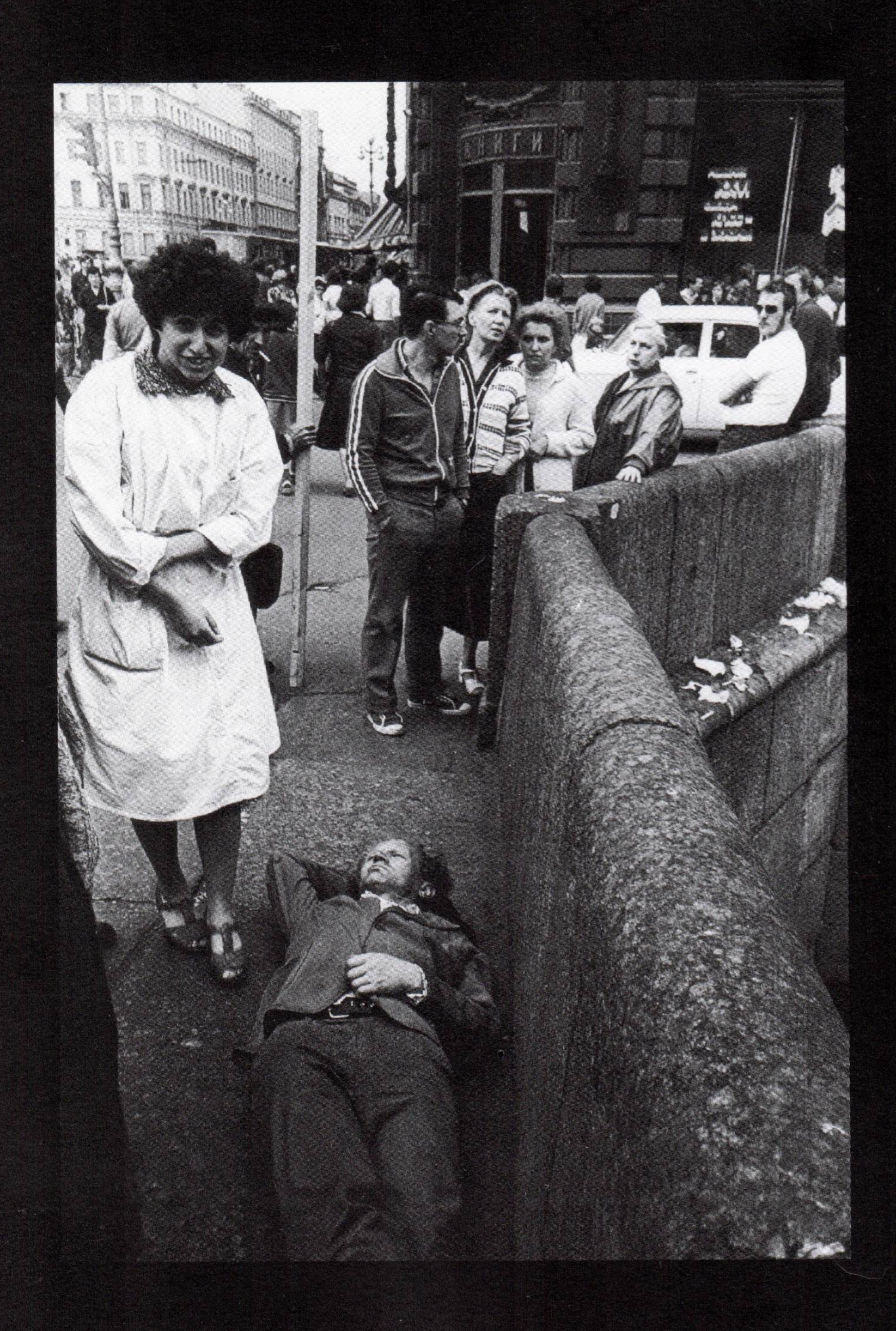

ОСТОРОЖНО
ГАЗ!
ОГОНЬ
ПРЯМОЙ ВОДЫ

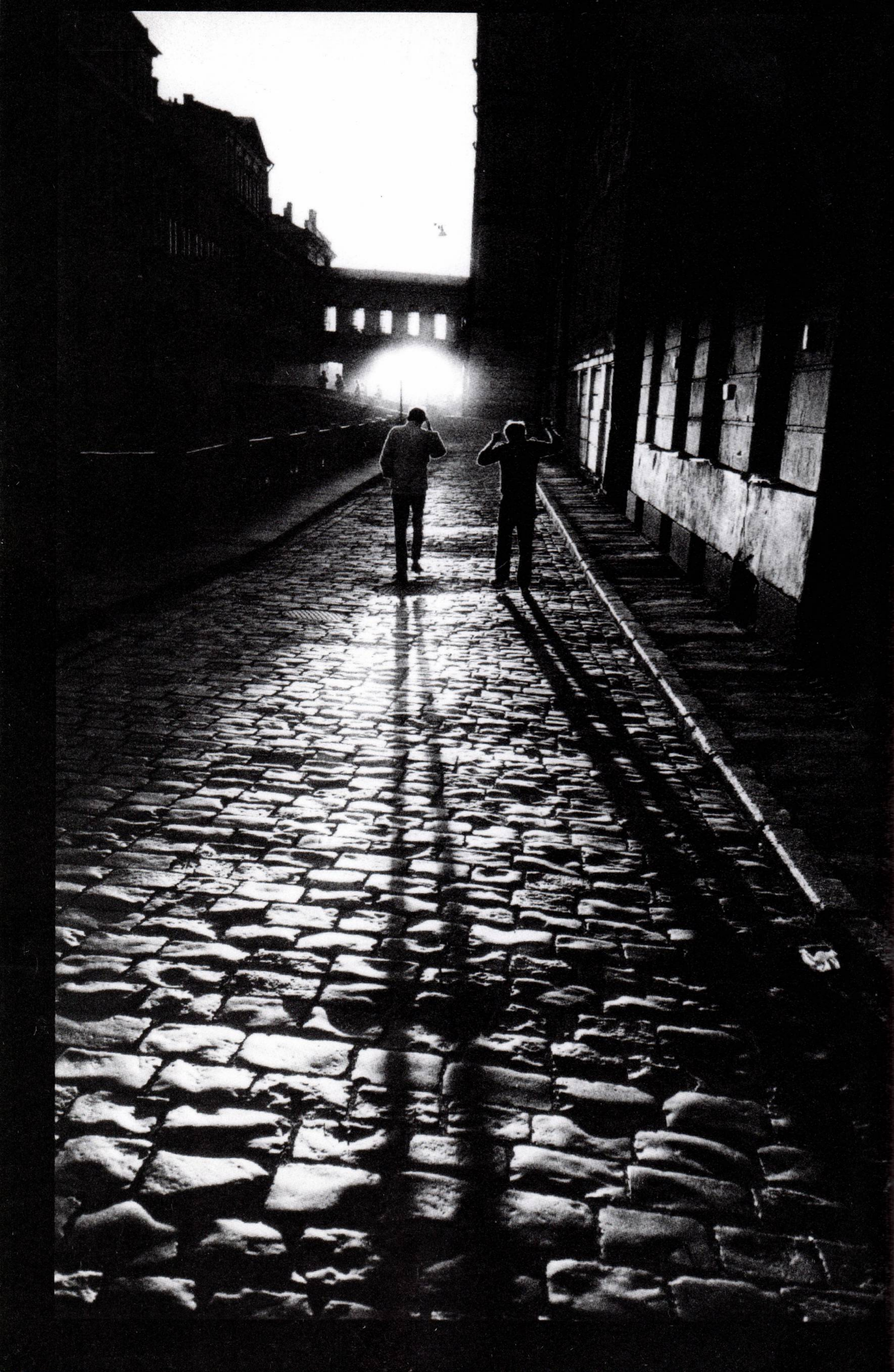

Зайка
Зазнайка
бабий бунт

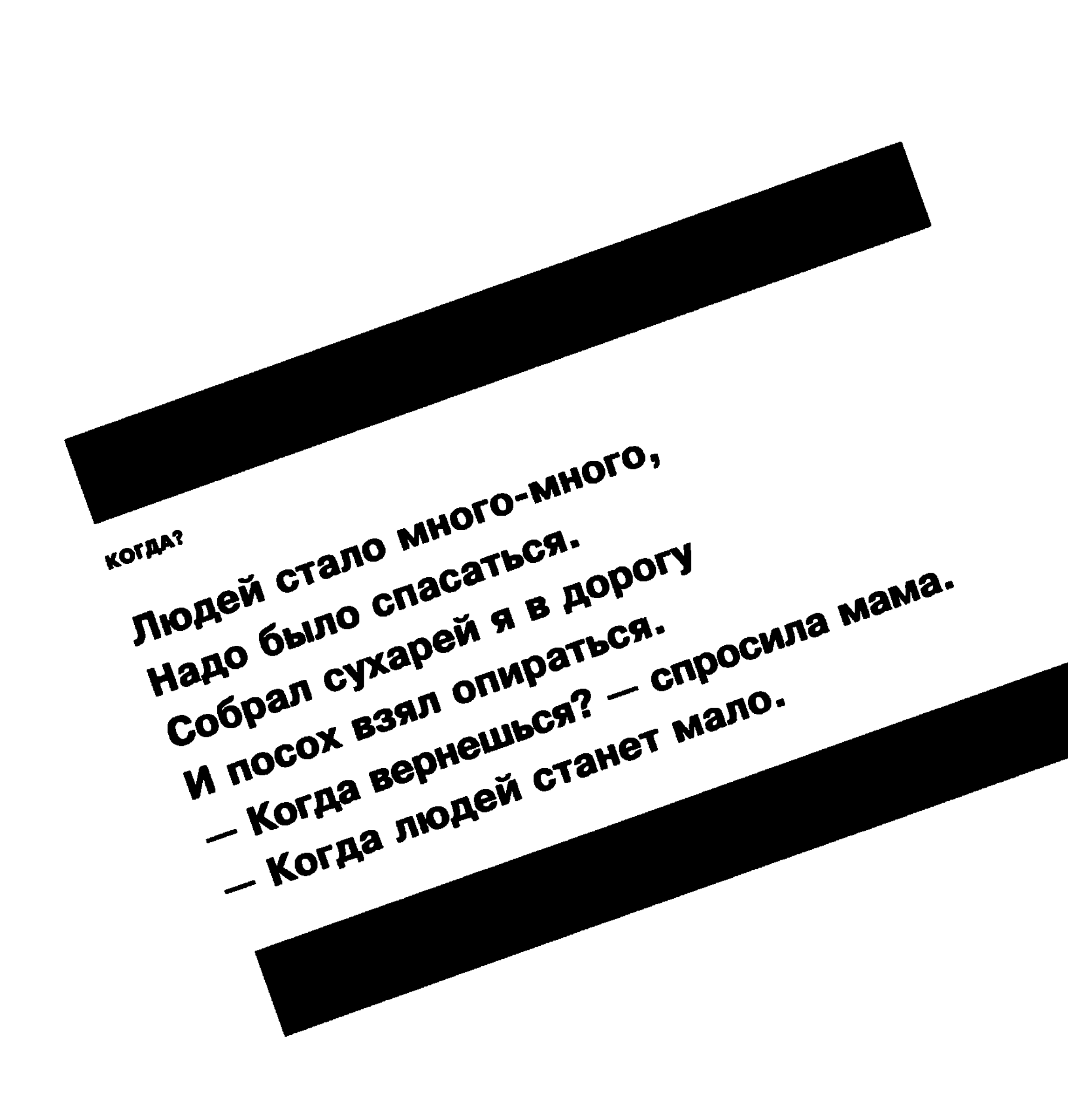

Стихи из взрослой жизни

Человек в мешке

КОГДА?

Людей стало много-много,
Надо было спасаться.
Собрал сухарей я в дорогу
И посох взял опираться.
— Когда вернешься? — спросила мама.
— Когда людей станет мало.

ЛЕНТА МЁБИУСА

В. Афанасьеву

Снег с дождем хлестал в первомай,
Поскользнулся и чуть не попал под автобус я.
Проехал по галоше моей трамвай,
Галоша превратилась в ленту Мебиуса.
Намотал эту ленту кой-как
На чуть не отрезанную ногу тощую,
Хотел на парад бежать, да никак —
Вывернулся наизнанку я с этой галошею
И оказался везде.
И сразу мне стало всяко,
Даже не двояко или трояко,
А как-то двадцатиряко.

Будто я, нарисованный,
Скольжу меж людей спрессованный.
Словами не передать,
А если и передать,
Ничего никому ни за что не понять:
Вот я сижу за столом на стуле,
Над уроками спину сутуля.
И смотрю на себя в окно,
Где я другой, как в кино,
Который толкнул девчонку,
Которая взвизгнула громко,
Уронила в лужу панаму
И зовет маму...

И тут же большая гора,
И я на вершине горы,
Но эта гора — дыра,
И я на дне той дыры,
То есть дырогоры или городыры...
Площадь, радостный праздник,
Летают цветные шары,
Мать говорит:
— Ну что же ты, безобразник!
На тебе,
На тебе,
На тебе,
На! —
Но это не мать, а жена.

Трясет, на работу будит.
И даже еще не жена,
А то, что еще когда-то женою будет.

Вонзила в спину заколку.
А я взял веник и лезу на верхнюю полку.
Завуч с тазом скатился,
Вот ему и конец.
Над мертвым мертвец склонился,
Ощупал себя — и я мертвец.
Что это?!
Склеп или класс нашей школы?
Сидим за партами без трусов.
Но и учитель наш тоже голый!
А рядом Катя, которая Коля, который Лена.
Вдруг из меня вырастает полено
И превращается в новогоднюю елку,
И я как бы крест к этой елке.
Все лезу, лезу и лезу на верхнюю полку,
Как на листе нарисованный,
Детьми совершенно спрессованный.

ВОСПИТАТЕЛИ

— Что от детей нам нужно?
Чтобы маршировали дружно.
Чтобы в колхозе пололи грядки,
Чтобы палаты были в порядке.

В траве не кататься, по лужам не шлепать...
Чтоб нам, воспитателям, не мешали работать.
Ребенок весел, кричит громогласно —
Это ведь очень опасно!

Что от детей нам надо? —
Из горкома награда.

■ ■ ■

Родился ребенок —
Горласт и тонок!
Из яйца,
От трения матери и отца.

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИК

— Смирнов, что ты видел во сне?
— Девица приснилась мне.
Я видел ее со спины —
Тощая, будто спица.
— Почему ты решил, что девица?
— А волосы ниже зада.
— Про волосы мне не надо,
Признаки это вторичные.
Ты признаки видел первичные?
— Она была вроде призрака.
Никакого не видел я признака.
— А что на помойке ты делал?
— С ментами в пятнашки бегал...
Совсем оборзели ребятки,
Пришлось мне сыграть с ними в прятки.
— А где Петров и Сизов?
— Загорают в клумбе цветов.
— В коих?
— Кажется, в левкоях.
— А где же мои стихи?
— Швырнули мы их в лопухи.

■ ■ ■

Токарь Ложкин шел по дорожке,
Видит — в кустах плачет мальчик маленький.
— Что ты плачешь? — спросил его Ложкин.
— Меня изнасиловал какой-то дяденька.
— А что же ты, мальчик, молчал,
Кричал бы громче, народ бы собрался!
— А я и так все кричал,
Да у меня голос вчера сорвался.
— Значит, ты не можешь громко кричать? —
Спросил Ложкин, поглаживая его по коже.
— Нет, — сказал мальчик, — я не могу кричать.
Ложкин повалил и изнасиловал его тоже.

ГОРБУН

В меня запустили гарпун,
Застрял он между костей.
И вот теперь я горбун,
Хожу и пугаю детей.

Однако дети меня
Не очень-то и пугаются,
Садятся, как на коня,
И без спросу катаются.

Горб мой порос лопухом,
И расцвела вдруг слива,
А дети на ветках верхом
Раскачиваются, счастливые.

Ногами о ствол стучат,
Срывают плоды зеленые.
От этого ночью гудят
Кости мои поломанные.

ФОНТАН

Дети купались в фонтане.
Воды было много-много.
Текла она из гортани
Огромного водяного.

А после вода упала.
Испортился, видно, фонтан.
Детей стало мало-мало —
Затянуло в гортань.

СПИЦЫ

Бабушки внукам носки вязали,
Сидя на табуретках.
А внуки желуди в них бросали,
Качаясь верхом на ветках.

Невозмутимо старушки сидели
И щебетали, как птицы.
Когда же внучата вниз полетели,
Под зад им подставили спицы.

■ ■ ■

**Вот уже две недели,
Как дети в окно улетели.**

■ ■ ■

**Укатили дети арбуз...
Вот она, наша изнанка!
Дети съели арбуз —
И полная несознанка.**

■ ■ ■

**Два мальчугана мелькнули,
Как из нагана пули.**

КУЗНЕЧИК

Зажав кузнечика в руке,
Сидел ребенок на горшке.
— Нельзя живое истязать! —
Я пальцы стал ему ломать.
— Нельзя кузнечиков душить! —
Я руки стал ему крутить.
На волю выскочил кузнечик,
Заплакал горько человечек.

ПРЯДЬ

На бойню с радостным визгом
Ехали поросята.
У школы, на скорости низкой,
Залезли в кузов ребята.

Въехала круто машина
Прямо в мясной комбинат.
С конвейера дюжий детина
Подвесил на крюк ребят...

Давно я не чувствовал жалости,
Но есть я не мог без слез,
Когда в котлете попалась мне
Детская прядь волос.

ПРОВОЛОКА

Купил я для садика новую
Проволоку терновую.
Полезут в мой сад девчонки —
Порвут о колючки юбчонки,
А полезут мальчишки,
То раздерут штанишки.

РЕШЕНИЕ

Оделся во все я красное,
Пошел воровать помидоры.
А дело это опасное —
Помидоры растут коридорами.

За углом ударили здорово
Дубиной меня по башке.
Принес одну помидорину
В брезентовом вещмешке.

Оделся во все я зеленое,
Пошел воровать огурцы.
Солнце печет раскаленное,
Чуть не отдал я концы.

Оделся во все я синее,
Пошел воровать черносливы.
В саду ни одной сливы,
Лишь дети визжат счастливые.

Такие вот беспорядки
У нас в Осиновой роще.
Решил я сам делать грядки
И есть все самим взрóщенное.

ОГОРОД

Посреди огорода к шесту
Привязал я ворону убитую.
Вечером мимо иду —
Вижу свинью в огороде сытую.

Зарезал свинью, привязал к шесту
И на работу ушел.
Домой с работы иду,
А в огороде — козел...

■ ■ ■

Однажды в большую грозу
Человек без лица и без имени
Поймал в огороде козу
И приложился к вымени.

■ ■ ■

Чтобы яблоки были ядовитые,
Надо в ствол мышьяку вогнать.
Все детки полягут, как убитые,
Если станут в садик наш залезать.

■ ■ ■

Карлик ростом с сосиску
Полол в огороде редиску.
Карлица ростом с сардельку
Встряхивала постельку.

■ ■ ■

Смотрю в глаза своей дочурки:
В сравнении с ней все дети — чурки.

■ ■ ■

Громадные, выше крыш,
Надо мной шелестели тополи,
Подошел какой-то малыш
И об меня вытер сопли.

■ ■ ■

Ребенок вертелся и плакал,
Мешал новоселию он.
Мамаша дала ему маку —
Он впал в наркотический сон.

■ ■ ■

Дала мать
Куклу без ножки
Мне доломать...

Поиграл я с куклой немножко,
И вот кукла сама стала мать.

Пошли дети:
Матрешка в матрешке,
Матрешка в матрешке:

Ни одной ручки,
Ни одной ножки.

■ ■ ■

Дети играли в дочки-матери по кругу,
Перекидывая ребенка друг другу.

САТИР

Дети строят лабиринт.
А какой-то дядя,
Точно штопор или винт,
Так и вьется сзади.

То запнется невзначай,
То толкнет девчонку,
И, беззвучно хохоча,
Лезет под юбчонку.

Дети в воду — он в воде
Щиплет ягодицы.
И щекотится везде,
Взрослых не стыдится.

Наблюдает, как в кустах
Дети выжимаются.
Но не вызывает страх —
Дети улыбаются.

Пропилил окошко
В детский наш сортир.
Этот дядя с рожками —
Видимо, сатир.

ГОСТЬ

На улице ветер и дождь —
Даже стекла бросает в дрожь.
Сижу у огня — ем цыпленка,
Вдруг мальчишка вбегает чумазей чертенка.

— Вчера в отведенный мне угол
Самосвалом свалили уголь,
Разозлило меня это так,
Что поджег я наш тесный барак.
Я бегу, а вдогон свищут пули —
Можно мне посидеть у огня на стуле?
А не то так страшно на улице...
Нет, я не стану просить вашей курицы.
Только умоюсь в этом тазу!
Дайте ведро, я воды принесу...

Ему я помыться помог,
Утер с головы до ног.
Утер, обогрел, накормил
И спать его уложил...

Утром рано встаю —
И дом свой не узнаю:
Ни чашки, ни ложки, ни книжки,
И нет самого мальчишки.

В САДУ

Я у цветочного ларя
Купил сто граммов кукнаря,
А у фруктовой лавки
Еще сто граммов травки.

Задвинулся как надо,
Плыву по Ленинграду.
В саду у старой липы
Ребенка слышу всхлипы:

— Какие-то злые дети
Пачку «Примы» вскрыть заставили.
Взяли каждый по сигарете,
А мне ничего не оставили!

Успокоил я малыша
И отсыпал горсть гашиша.
По косячку мы забили —
О всех печалях забыли!

ОЧКИ

Возьми поварешку и в кастрюле ищи,
Кажется, дедушка упал в щи.
— Упал, ну и что ж?
— Да упал-то он без галош!
— Не обращай внимания на пустяки,
Лучше брось в кастрюлю дедушкины очки.

■ ■ ■

Мазохисту на лавке
Втыкали дети булавки.
Не от тоски, не из шалости,
А втыкали от жалости.

■ ■ ■

В одной парилке парились двое,
Садист рыча, мазохист воя.

В БАНЕ

Круглый таз для тела
Я найти не мог.
Но не в этом дело —
Взял я таз для ног.

Таз для тела круглый,
Таз для ног квадратный.
Место выбрать трудно,
Хожу туда-обратно.

Вижу — дверь некрашеная,
Оттолкнул ногой.
И попал я сразу же
В класс совсем другой.

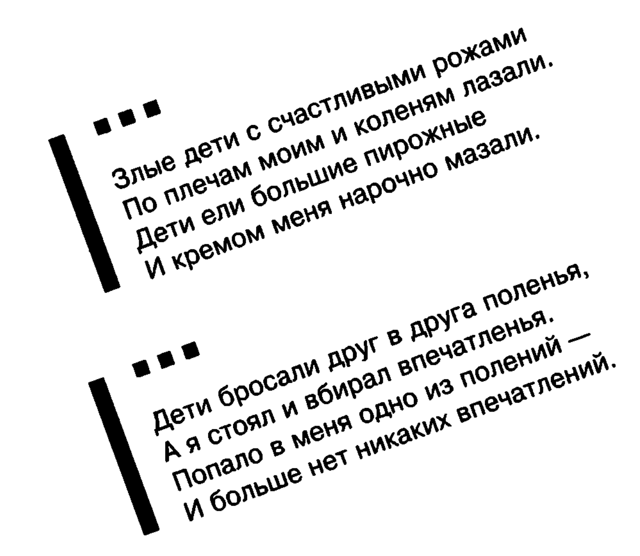
Опускаю грыжу
В свой квадратный таз.
Боже, что я вижу?
Это женский класс!

Бабы завопили
(В основном девчонки),
Кипятком облили,
Били тазом звонко.

Думали — развратник я.
Шуму — просто страх!
Убежал обратно я
В класс свой в пузырях.

ИГРУШКИ

С на голове попугаем
И с в кармане ужом
Давай детей напугаем,
Игрушки их заберем...
А у них такие игрушки:
Гранаты и автоматы,
Бомбы, ракеты и пушки,
Притом еще кроют матом.
Дети нас так напугали,
Что мы убежали в свой дом
С на голове попугаем
И с в кармане ужом.

БЛОКАДА

Ем я лепешку из жмыха,
Держу наготове наган.
С криком промчался лихо
Мимо меня мальчуган.
Вырвал из рук лепешку —
Я пулю пустил ему вслед:
Разжал худую ладошку,
А лепешки уж нет.

НА ЛЕЖАКЕ

Весь день лежал на лежаке
И удивлялся очень,
Как трещины на потолке
Мне злые рожи корчат.

Одни смеются надо мной,
Другие горько плачут.
В ответ им, как глухонемой,
И я кривляться начал.

Вдруг раскололся потолок
И рухнул, грохоча.
И захлестал кровй поток,
Соленый, как моча.

Мне мать протягивает кость,
И мать, и смерть слепая —
За руку тощую, как трость,
Схватился, утопая.

На этот раз не утонул,
Я справился с кошмаром.
И на руках ее уснул
Светло, как в детстве старом.

...

Ревел человек в коляске,
Видно, хотел он ласки.

...

— Я гном
Ростом с дом.
Облака плывут вроде льдин.
Кругом люди — а я один.

— А я великан
Со стакан.
Тоже совсем одинок —
Среди чемоданов и ног.

■■■

Упал я — вот неудача!
Кругом же смех вместо плача.

■■■

Если где-то кому-то плачется,
Значит, где-то очень хохочут.
Если кто-то от солнца прячется,
Значит, кто-то погреться хочет.

■■■

Застрял я в стаде свиней,
Залез на одну и сижу,
Да так вот теперь я с ней
И хрюкаю, и визжу.

КРИВЛЯКИ

Собрались кривляки кривляться,
Кто смешней скорчит рожу.
Не надо бы мне улыбаться —
Попал в их компанию тоже.
Был я в конкурсе зрителем,
А стал среди всех победителем.

■ ■ ■

— Что легче нести? Человека в мешке
Или человека с мешком?
— Конечно, человека в мешке,
Человек в мешке собирается в ком.

■ ■ ■

— Что за удовольствие пускать дым и потолок коптить?
— В том-то и дело. Если б дым не шел при курении, —
Я бы сразу бросил курить!

■ ■ ■

Сидоров впал в кручину,
Бросился с кручи в пучину.

СЦЕНА

— Я Блока люблю.
— А я люблю яблоко...
И в пушки играть люблю.
— А я люблю читать Пушкина.
— Ну и дурак!
— Ах, вот ты как,
Получай же синяк!..
(пауза)
— Пушкина любишь?
— Люблю, люблю,
И Блока люблю больше всех любвей,
Только больше меня не бей!
— А Блока-то ты читал?
— Нет, не читал, но видал.
Кран подъемный его поднимал,
Блок качнулся и в лужу упал.

■ ■ ■

Во сне траншею я копал,
Под утро так устал,
Что как с постели на пол встал,
Так сразу и упал.

■ ■ ■

Ловить я раков горазд.
Брошу в сетку дохлую кошку —
И вот уже через час
Полное раков лукошко.

ПРУД

— Где же пруд?
Только сейчас был тут!
Не нырять же в эти стога?
Это был бы абсурд тогда.

— Пруд был не тут, а там —
Отошел от пруда ты сам.
Вот если б сдвинулся пруд —
То это был бы абсурд.

■ ■ ■

Он был Сидоровым, который сидит под деревом,

И деревом, которое растет над Сидоровым,

И при том

Был птицей на этом дереве и ее гнездом.

Дерево взывало к вечности,

А ему ампутировали конечности.

■ ■ ■

Ни баб, ни выпивки, ни денег —
Такое злое было лето.
Я закопался в муравейник —
Пусть обглодают до скелета.

Ему не надо есть и пить.
Лежи себе в тиши.
Ни танцевать, ни баб любить —
Питайтесь, мураши!

Однако бедный мой скелет
Остался в бренном теле.
Стащили те меня в кювет —
А есть не захотели.

■ ■ ■

Голым в речку я нырнул,
Благо рядом пляж.
Вышел — будто натянул
Черный трикотаж.

■ ■ ■

В вареную круто погоду,
В самый жареный час,
Сырая масса народу
В песке на пляже пеклась.

■ ■ ■

На овцу забрался бык —
Получился овцебык.

■ ■ ■

Шел старик поляной зеленой
И переругивался с вороной.
Старик ругался: «Кар-кар-кар!»
А птица: «Ну и дурак же ты, хоть и стар!»

■ ■ ■

В пруду случился пожар.
Вода забурлила, вскипая.
Попробовал воду — чудесный навар,
Взял ложку, сижу и хлебаю.

■ ■ ■

Птицы до вечера пели,
А ночью в гнездах храпели.

■ ■ ■

Комар и вся камарилья
Уселись на наши рылья.

■ ■ ■

Я несу на носу
Паука на весу.

■ ■ ■

Грела муха паука,
Теплая еще... пока.

РОГА

Собрал я волчьи ягоды
На стол для пирога.
Съедят всё гости с брагою —
И вырастут рога.

Пускай с рогами прыгают,
Не скушают пока
С осетриной-рыбою
Грибного пирога.

■ ■ ■

— Что ты ищешь?

— Выход из чащи.

— Ну что же — ищи,

Ищи и обрящешь.

■ ■ ■

Со мной случилась беда:
На меня упала звезда!

■ ■ ■

Дорожных знаков так много,
Что пустует эта дорога.

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Куст оставил шрам на теле.
Старый пень проел сандаль.
О, как нехотя летели
Журавли куда-то вдаль.
Не хотели, а летели,
Было жаль их и не жаль.

Было просто воскресенье.
На крутом горы горбе
Был обычный день осенний,
Череп клацал на столбе.
Отчего же в день осенний
Стало мне не по себе?

Фантастически неясно,
Почему-то сразу вдруг
Стал опасно так прекрасен
Мой невзрачный бедный друг.
Это просто безобразье —
Поражать так друга вдруг.

Все в природе исказилось,
Все куда-то понеслось.
Солнце в небе раскроилось,
Лужей крови растеклось
И по кочкам покатилось,
Поскакало, точно лось.

Он молчит — я песню слышу.
Он не шутит — я смеюсь.
Он ползет — полет я вижу.
Не пугает — я боюсь.
От него я весь завишу
И нисколько не стыжусь.

■ ■ ■

Мы падали и бежали
От людей в заброшенные сады.
Бежали и падали.
Падали и бежали,
Я и девочка, на которой
Расцветали цветы...

В траву упали,
Все проспали
И медленно просыпались —
Я и девочка, с которой
Цветы осыпались.

АРКАДИЯ

В саду среди растений
Мы с Галей загорали.

На нас две темных тени
Тяжело упали.

Они в кожанках прочных,
У них в руках ножи,

А мы лежим в цветочках,
Как пупсы-голыши.

Оскалились зловеще,
Пошарили в кустах:

Забрали наши вещи
И сгинули в цветах.

Дрожим мы, как от стужи,
От страха и стыда.

Но ведь могло быть хуже,
А это не беда.

Гудят жуки, и мошки,
И тучи комаров,

А мы плетем одежки
Из листьев лопухов.

■ ■ ■

Чтобы быть белей и краше,
С головы до самых ног
Галя мылась в простокваше,
И теперь она творог.

■ ■ ■

Она сидела против мя,
Колени розовые мня.
А я, летая супротив,
Плескал на пол аперитив.

■ ■ ■

Сизова была угловатой,
Углы подбивала ватой.

■ ■ ■

Просил я, и вот пришла ты,
Джинсовые скинула латы,
Разделась и, мило стыня,
Упала, как милостыня.

■ ■ ■

Ее филейные части —
Грудина, пашина, кострец —
Трепетали от счастья,
Когда подходил конец.

ЛОСКУТЫ

Росли у Глаши-сварщицы
На голове цветы,
А у Маруси-банщицы —
Колючие кусты.
Летишь домой от Глаши
В духах и лепестках,
А ползешь от Маши
В кровавых лоскутах.

■ ■ ■

Сказал я девушке кротко:
— Простите за нетактичность,
Но бюст ваш, и торс, и походка
Напомнили мне античность.

Она в ответ мне со вздохом:
— Простите, но ваше сложенье
Напомнило мне эпоху
Упадка и разложенья.

■ ■ ■

А вот и ты появилась,
Как некий во тьме просвет.
Такая же, как и приснилась, —
Тому восемнадцать лет.

С железными одуванчиками,
В свинцовых шмелях и жуках,
Вся в каменных птицах и бабочках
И скрипучих ремнях.

И душные кудри качались,
Как вырезанные из корня.
И грохнулся я кирпичами,
И вырос лопух из меня.

ВЧЕРА

Вчера хороший был денек,
Сегодня плоховатый.
Я на матрас дырявый лег,
Матрас, набитый ватой.

Вчера на этом месте,
Как с грелкой среди льдин,
С тобой лежал я вместе.
А нынче я один.

■ ■ ■

Пришла в воскресенье Светка:
Скинула мокрую тогу
И села на табуретку,
Ногу задрав на ногу.

А после влетела Жанка —
В синих джинсах в обтяжку.
Уселась на оттоманку,
Ляжку закинув на ляжку.

А после ввалилась Лара
Ко мне, под шафе слегка.
Легла и ноги задрала
До самого потолка.

КРУШЕНИЕ

Оля задрала платье
И расставила ноги.
И вот паровоз опять я,
Качусь под мост по дороге.

Снова застрял я наглухо
Между ее ног.
Оля мне села на голову —
Я дальше катиться не мог.

Не долго мы так стояли.
От резкого торможенья
Мы с Олей на пол упали —
Произошло крушенье.

■ ■ ■

Чтоб напугать невесту,
Обмазал лицо я тестом,
Позвонил в звонок электрический —
С невестой случился припадок психический!

ХОЛОСТЯК

Взял я кастет и нож,
Пошел добывать невесту.
Пришел на танцы, и что ж —
Люди танцуют так тесно,
Что не протиснуться меж:
Сплошные в джинса́х ягодицы!
К тому же еще не поймешь,
Где парни, а где девицы.
Не поймешь... ну что ж,
Снял кастет, коли так,
Сложил свой складной нож.
И пока я еще холостяк.

В ТОМ ЧИСЛЕ

Нашли труп
В системе отопительных труб.

А дом-то коробкой!
Ты лежала на тахте
С широко раскрытой топкой.

И с кем-то другим говорила,
Кто был далеко-далеко-далеко.

Ревел человек в коляске.
Я говорю: «Прокисло молоко»,
А сам стою в робе и каске.

Ребенок-то хоть и не мой,
Но далеко не немой.

А тут еще эти трое:
Уснул один,
Разбил графин,
Махнув рукой,
Уснул другой.

А третий не выходит из туалета.
Я погасил свет — пусть посидит без света.
— Ведь ты же в том числе и моя,
Хоть для меня и немая, —
Говорю я,
С головы амортизатор снимая.

■ ■ ■

В цветах проторенная тропа.
А под навесом эстрады
Стоит проституток толпа.
У них здесь отдел кадров.

■ ■ ■

Т. мыла пол
И ходила раком.
Налил я стакана-пол
И выпил с кряком.

■ ■ ■

Утром соседка голая
На кухне усердно мыла
Под краном квадратную голову
Круглым розовым мылом.

Знай, что она тут голая,
Я не вставал бы так рано.
Соседка отдернула голову —
И отломала полкрана.

■ ■ ■

Перегорела лампа стоваттная.
Вывернул голую женщину —
Еле вкрутил обратно ее.

■ ■ ■

Лежу я в одиночестве
На человеке голом,
Ни мужском, ни женском —
Каком-то среднеполом.

...

Пошел я на утопленницу
К озеру смотреть.
С такой бы вот утопленницей
Вместе помереть.

...

Убитую у сквера
Припомнить не берусь я:
По наколкам Вера,
А по шрамам Дуся.

...

Девочка красивая
В кустах лежит нагой.
Другой бы изнасиловал,
А я лишь пнул ногой.

...

Девица в кустах полуголая
Выдала странный стриптиз:
Трусы сняла через голову,
А лифчик не верхом, а вниз.

■ ■ ■

Поселился я в дом многоэтажный.
Варю пельмени в кастрюле многолитражной.

■ ■ ■

Кресло рассохлось, не починить,
А на свалку выбросить жалко.
Буду друзьям и гостям говорить,
Что это — кресло-качалка.

■ ■ ■

Земля тормознула резко.
Я о шкаф ударился с треском.
Все стекла и рюмки побиты —
Земля соскочила с орбиты.

■ ■ ■

В квартире что-то упало —
Обошел весь дом,
Нигде ничего не лежало...
А может, так громко что-то встало?

■ ■ ■

Как проходняк квартира,
Но не иду я ко дну.
Один на один с миром
Честно веду войну.

■ ■ ■

Сижу я у окошка,
Уткнув свой нос в стекло.
А с неба, как из носа,
Текло, текло, текло.

НА БАЛКОНЕ

Сижу на балконе.
Смеркается.
Вдруг сверху
Кто-то сморкается.
Прямо в компот с алычой!
Это, наверно, Крошкин.
Наполнил бутылку мочой,
Закинул ему в окошко.

Сижу на балконе,
Смеркнулось.
Вдруг сверху
Что-то сморкнулось.

Нет, это не Крошкин, наверно,
Однако все это скверно.

БОТЫ

1

Лежу в теплоте совершенно нагой —
Вдруг кто-то тронул холодной ногой.
В постель-то я, помнится, лег один
И в ноги не клал ни камней, ни льдин.

Встал с постели, включил свет —
Никого под одеялом нет...
Кроме черного грязного бота.
Да... значит, был тут кто-то!

2

Ночью взглянул в окно я —
Напротив в квартире ругаются двое.
Особь женского полу
Что-то как схватит с полу.
Летит ко мне это что-то...
Так получил я два бота.

3

Утром надел я боты
И пошел на земляные работы.
Наступил на бетонную смесь.
Вначале ушел по пояс,
Потом весь.

Но не дали погибнуть так рано —
Вытянули крюком самоходного крана.

4

На мою голову,
На мою спину,
На мои ноги,
На мои плечи
Давит мешок с песком.
Упал я ничком, как ком,
С высунутым языком —
Еле отпоили молоком.

5

Я в шкафу оставил боты,
Босиком ушел с работы,
В лавке взвесил колбасу
И домой ее несу.

Кто-то сумрачный взял лом
И укрылся за углом,
А Петрова, свеся груди,
Смотрит вниз, как ходят люди.

Ходят люди, я ползу —
За углом ударом лома
Отобрали колбасу.

■ ■ ■

Как у крупной птицы,
Отрастил я крылья.
У соседей лица
Вытянулись в рылья.

ГЕНИЙ

Сачком я поймал гения
И оторвал ему крылышки.
Сижу на кухне весь день я,
Рвется пар из-под крышки.
Теперь мы с гением братья!
Однако, отменный бульон.
А если не буду летать я —
Не полетит уж и он.

■ ■ ■

Я дверь в коридор отворил
Послушать, что говорят на кухне.
Сосед соседке шепотом говорил:
— Ты пачку соли ему в кастрюлю бухни!

СВЕКРОВЬ

— Видишь, она какая:
Сидит, сухарь в молоко макая.
И древняя, и дряблая,
Сидит, губой дерябая.

А ей, рябой и древней,
Как раз бы жить в деревне.
А ей, и старой, и глухой,
Как раз ворочать бы сохой.

Она зловредна, как пиявица.
Нам надо от нее избавиться!
— Не говори так о мамаше,
Насыпь-ка лучше в миску каши.

■ ■ ■

Если ты живешь в стакане,
Не швыряй в соседей камень.

■■■

Старик сторук,
Старуха сторука.
В двести рук
Колотят друг друга.

■■■

Сосед мыл ноги,
Задравши брюки.
Мыл ноги,
А вымылись руки.

■■■

Соседку пнул сапогом,
Разрушил ее конструкцию,
Привезли из больницы потом
Ее реконструкцию.

■■■

Все уменьшилось в мире.
Всем везде стало тесно.
Вот и в моей квартире
От давки окошко треснуло.

■■■

Не успела табуретка,
Пущенная из одного окна, залететь в другое,
Сизов, лежавший на койке,
Отворил дверь ногой.
Табуретка пролетела комнату
И ударила соседа в коридоре с кастрюлей щей.
Сосед упал и задергался
В луже вареных овощей.

■■■

Обломки стула
Лежат дома,
Отломки стула,
Отступки лома.

■ ■ ■

Дом, полный криков людей и звона кастрюль.
Звон кастрюль, полный домов и крика людей.
Звон людей, полный домов и крика кастрюль.
Дом кастрюль, полный звона людей.

ДРАКА

На кухне дерутся опять.
Сизов решил поразмяться.
Но вышел не драку разнять,
А чтобы в нее ввязаться.

А я кальсоны стираю
И ничего не знаю.

Сизова ударили стулом,
Герцу подбили глаз,
Кота запихали в кастрюлю,
А Комову в унитаз.

А я заправляю грыжу
И ничего не вижу.

■ ■ ■

Ударили Кошкина так,
Что он упал и преставился.
Зато закрутился маг
И телевизор исправился.

■ ■ ■

Рукой в коридоре нащупал кого-то,
Упало на голову звонкое что-то.

■ ■ ■

От дома до нашего магазина
Ходьбы минут двадцать пять,
Но если в дороге сломать ноги,
Дорога будет месяцев пять.

■ ■ ■

Воровал я на овощебазе
Картофель, морковь и капусту
И не попался ни разу,
А все равно в доме пусто.

■ ■ ■

Далеко зашел я в искусстве
Мимикрии и камуфляжа.
Вижу — гнилая капуста.
Думаю — крупная кража!

■ ■ ■

Сгорела каша в кастрюле,
Гарь снимать очень трудно.
Сижу весь день я на стуле
И медной мочалкой тру дно.

■ ■ ■

Обломал всю сирень народ
Вокруг моего дома.
Достать бы мне пулемет
С бесконечной обоймой...

■ ■ ■

Для обзорно-шумовой изоляции
Под окном я сажаю акации.

■ ■ ■

Бревнами дом топили —
И загорелся дом.
Пожарные дом затопили
И тех, что ютились в нем.
Тот, кто не задохнулся,
Сразу же захлебнулся.

■ ■ ■

Упала на голову балка.
Рушится дом... а жалко!

■ ■ ■

Тушил я пожар зонтом.
Ну что же, гори, мой зонт.
Вместе с зонтом сгорел дом,
Впереди открыт горизонт.

■ ■ ■

В крыше у нас брешь,
Хоть прыгай и всех перережь.

■ ■ ■

Съел я хлеб
Свежевыпеченный.
Сижу у окна,
Глажу живот
Выпученный.

Рухнул напротив дом,
Недавно построенный.
Ходит народ кругом,
Чем-то расстроенный.

■ ■ ■

В окне стоит человек
И от боли корчит рожу.
А может, за ним другой человек
Снимает с этого кожу?

■ ■ ■

Сидит на окошке Сизова нагая,
Ногти ножницами состригая,
Напротив Сазонов, тоже нагой,
Держит бутылку и манит рукой.

ДВОР

Девочка Оля со скакалкой в руке
(Я с ней познакомился на чердаке)
Сказала: «Давай целоваться!» —
Да как хлестнет меня по спине
(Я только целуюсь наедине) —
От боли я стал кривляться.

Ударом гладилки свалила в кровать,
Пошла и включила газ,
И стала щипцы на огне раскалять,
Наверно, чтоб выколоть глаз.

Надо было спасаться срочно.
Оля стояла задом,
Через окно по трубе водосточной
Я вылез и бросился зá дом.

Люба, похожая на водокачку,
Сделала знаком: «Привет!» —
Пальцем меня поманила в «прачку»
И потушила свет.

Я думал, что будет Люба
Опять щекотаться со мной,
Но Люба взяла и толкнула грубо
Меня в раствор щелочной.

Я вылезал, а она окунала,
Схватив за волосы ловко.
Потом отжала и убежала,
Повесив меня на веревку.

Мимо Оля с щипцами промчалась,
Я крикнул: «Спасите меня!»
Но Оля промчалась и не призналась,
Она позабыла меня.

Вися на зажимках, я очень скучал
И думал: «О кто бы меня украл?»
Но был я дыряв и не отутюжен,
Так и усох, никому не нужен.

■ ■ ■

Дверь мы ломали-ломали,
Насилу выломали.
Мы Олю скрутили, мы Олю
связали —
Насилу ее изнасиловали.

■ ■ ■

На углу переулка с вилкой
Ждал я Сизова с бутылкой...

Кусок затылка на вилке,
Оскал переулка в бутылке,
Угол Сизова в глотке,
Я в переулке водки.

ЗА УГЛОМ

Купили вина сосуд,
Стоим за углом и пьем.
А рядом дети сосут
Одну бутылку втроем.

С ребятками перемигнулись,
Угостили их папиросами.
А утром с другом очнулись
И нагими, и бóсыми.

■ ■ ■

Упал цветок в большом горшке,
Попал мне прямо по башке.
На голове цветочки
Прижились, как на кочке.

ПРОГУЛКА

Я шел по Садовой к другу
Помочь отворить фрамугу.
У рынка один свирепый
Бросил в меня репой.
Я заголосил
Изо всех сил.
Человек с тяжелым мешком
Посмотрел на меня со смешком.
Прошел какой-то дурной
И харкнул в меня слюной.
Утерся я кулаком,
Швырнул в него грязи ком.
Подошли ребята: «Дай закурить!» —
«Я не курю». — Стали бить.
Очнулся, стою на площади.
Прошла женщина с головою лошади.
Сказала: «Будьте так злы,
Завяжите мне пальцы в узлы» —
«Будьте добры, — отвечаю ей, —
Растяните мне рот до ушей,
А то я скоро совсем онемею,
А кроме крика ничего не умею...»
Какой-то мальчишка сбил меня с ног,
Но этим я пренебрег.
Так и пришел я к другу
По этому адскому кругу.
Он спал за столом бородою в борще.
Я тряс его за уши, но вотще.
Была разбита фрамуга.
Я ушел удрученный от друга.

■ ■ ■

Стою за сардельками в очереди —
Все выглядит внешне спокойно:
Слышны пулеметные очереди,
Проклятья, угрозы и стоны.

В ПАРАДНЯКЕ

В парадняке стоя,
Вели разговор трое:
— Ты не достал травку!
Слово — закон!
Беги скорей в лавку,
Купи политуры флакон.

В быстрых женских галошах
Самый рваный из них
Перебежал площадь
И купил на троих.

— Да это ж не политура,
Это ж липа, халтура!
Твой продавец —
Подлец!..

Человек с цветом лица
Плохо взболтанной политуры
Взял за нос и швырнул продавца
Через ящик мануфактуры.

Прямо в чан с керосином...
К утру тот выплыл синим.

■ ■ ■

Дрожу в подворотне от холода,
Стою и зубами щелкаю.
Живот мой сведен от голода,
И, верно, похож на волка я.

■ ■ ■

Скокарев был глух,
А Сидоров был слеп.
Стоят они на углу —
Зарабатывают на хлеб.

Собрали за час на хлеб,
Через два — на селедку.
А еще через три
Было уже на водку.

■ ■ ■

Был праздник с весельем и танцами,
Потом разодрался народ,
Во время драки мне пальцами
До ушей растянули рот.

■ ■ ■

Каблуков пошел на пляс,
Взял кастет на этот раз...
Встал, качаясь, — зуба нет,
Нет часов, но есть кастет.

■ ■ ■

Меня ударили вчера
Тяжелым аппаратом.
Вчера я круглый был с утра,
А к вечеру — квадратный.

■ ■ ■

Схватили за ногу правую
Меня и бросили в квас
К лягушкам, которые плавали
В квасе способом брасс.

СТУПОРОЗ

Напали на Деда Мороза,
Отняли подарков мешок.
У деда страшная поза —
Случился с ним нервный шок.
Застыл как столб Дед Мороз —
Острый, видать, ступороз.

■ ■ ■

— Это что за громобой?
— Тара здесь идет на бой.

■ ■ ■

Вторсырье сдавать иду.
Будет там полно народу —
Я беру с собой еду
И подушку кислорода.

■ ■ ■

В давке меня исковеркали,
Будто в кривом зеркале.

■ ■ ■

Я шел и рассказывал всем прохожим,
Как вчера ни за что получил по роже.
Пока один из прохожих
Не треснул по роже тоже.

СИЗОВ

Я шел во тьме на зов.
Пришел во тьме на вопли.
В кустах лежал Сизов,
И кровь текла, как сопли.

Эй, друг, да не ори,
Влезай ко мне на плечи!
Большие фонари
Светили, точно свечи.

Я шел, а он икал
И по карманам шарил.
Вдруг за спиной сказал:
— За что меня ударил?

И сразу стал душить,
А ведь душил напрасно.
С таким, как он, дружить
Не скучно, но опасно.

Принес его домой.
Еще он долго злился —
Разбил сервант ногой,
А к утру обмочился...

Пошли, бутылки сдали —
Друзьями снова стали.

■ ■ ■

**По рублю у реки мы скинулись —
В воду дома опрокинулись.**

КОРИДОР

Проходим нищих коридор.
Идем, как под рентгеном.
Глаза глядят в меня в упор —
Как будто бы я пленный.

Уродов тьма — хоть свет гаси.
Хватают за пиджак.
А денег нет, хоть сам проси,
Лишь на метро пятак.

Прошел сквозь строй и не побит!
Ну, вот... еще немножко...
Но тут какой-то инвалид
Мне подставляет ножку.

И в этот раз упал я в грязь,
Разорван мой пиджак.
Не разлепить подбитый глаз
И не найти пятак.

КУПОЛ

На углу стоит старушка,
Горб ромашками порос,
Для монет большая кружка,
Синий нос, как купорос:
Как клубничная монета,
Сине-красно-фиолетов.
За углом собор безглавый,
Воронья над ним оравы.
Как-то летом ночью бледной
Сбили наземь купол медный.
Варят в нем теперь, как в чаше,
Для всего района кашу,
Для всего района щи,
Хоть кнутом его хлещи...

На углу стоит старуха,
Горб ромахами порос,
Для плевков большая круха,
К подбородку нос прирос.

■ ■ ■

Старушка с пакетом мыла
Шла, ругаясь, кряхтя и хромая,
И вдруг на полном ходу вскочила
На задний буфер трамвая.

■ ■ ■

Прошла компания громких слов,
Тревожных стуков и шагов.

■ ■ ■

Пойти налево надо бы,
А я пошел направо —
Ударился о надолбу,
Упал на дно канавы.

списки

Я сидел у окна за столом —
Составлял проскрипционные списки,
А под окном за углом,
Как назло, продавали сосиски.
Жаль, конечно, что остался я без сосисок,
Зато куда следует снес
Проскрипционный список.

■ ■ ■

По улице ходят люди с угрюмыми лицами,
Очень мало детей и много милиции.

■ ■ ■

В самую темную ночку
Проник в ювелирный отдел,
Действовал я в одиночку
И после о том не жалел.

■ ■ ■

На Невском я встретил друга,
Он как бы пахал без плуга.

■ ■ ■

Шел домой я на ночлег,
С шайкой встретился калек.
Не помог ни бокс, ни бег —
Стал одним из их коллег.

■ ■ ■

Приставили наган. Спросили: «Кто ты?»
У меня душа ушла в боты.
Отвечаю: «Прессовщик второго разряда».
Разрядили в меня два заряда.

Лежу в больнице, смеюсь и плачу —
Ловко, однако, я их одурачил.
Я же прессовщик шестого разряда —
Получил бы еще четыре заряда.

ПРОЛОМ

В гости ко мне
Через пролом в стене
Влез жестянщик Песков.
Был он в фуфайке с дырой на спине
И в тапочках без носков.
На улице крикнули: «Стоп!»
Сорвался на кране строп.
Вздрогнули стекла, качнулся буфет,
Видно, тяжелый свалился предмет.
Задержись на секунду Песков,
Не собрать бы его кусков.

■ ■ ■

Наложил на рельсину
Тормозной башмак,
Надо ехать поезду,
А ему никак.

ЖАЛОБА ПРОКАТЧИКА

Работал я ключником на прокате,
Волочил полосу в калибр.
Вставал на восходе, приходил на закате,
Выпивал бормотухи литр.
В цехе копоть и газ угарный,
Пыль стальная и смрадный дым.
Уходил я с завода старым,
А приходил молодым.
На нижнем конце стана
Забуксовали валки.
Рядом начальники встали,
Глядят на меня, как волки́.
Зажал я крепко клещами
Извивающийся раскат,
От натуги кости трещали,
Все ж задал я его назад.
А не то была бы авария,
И платить бы пришлось мне.
Оттого-то такой и старый я,
Грею душу в вине.

ЭЛЕКТРИК

(Рассказ)

Работал электриком на столбах,
Надевал перчатки и «кошки».
Вначале, конечно, одолевал страх,
Иногда и теперь немножко.
Самое страшное, это вороны —
До сих пор не терплю ворон —
Висит на столбе гнездо, как корона,
А птицы гадят со всех сторон.
Моя задача: разрушить гнездо —
Не замкнуло бы передачу.
Но делаю это с большим я трудом,
Чувствуя тока отдачу.
Обгаженный в дом приходил не раз,
Жена ругалась и злилась.
Однажды мне ворон выклевал глаз,
И вот жена удалилась.
Бросил в канаву я «кошки» —
Пускай ворон ловят кошки.

ИЗВЕСТЬ

Надел я защитную маску,
Противогаз и каску.
В дюралевом комбинезоне
Иду по заразной зоне.

Тащу за собой дегазатор
И ранцевый дегустатор,
Сито-носилки для извести
И если кого надо вынести.

Бегу к пораженному дому
(Точнее, к его пролому).
Лежит на девице пацан нагой —
Отпихнул я его ногой.

Девицу кладу на носилки,
А нести ее нету силки.
Никак одному не вынести —
Завалил ее кучей извести.

ЗВОНАРЬ

По лестнице очень крутой,
Спиралью, как винт завитой,
Поднимался наверх я не зря —
Стал помощником звонаря.
Тянул я веревки руками
И управлял языками.

Нисколько не удивился,
Звонарь когда удавился.
Закрутил он веревку в удавку
И ушел в переплавку.
И вот я главный звонарь!
Колокол — звуковой фонарь.
Под колокольными сводами
Языки я качал со свободами.
Под ногами моими педали
Малиновый фон создавали.
Одно лишь звучание было закрыто,
Будто бились лбом о корыто.
А звенел всех ярче и звонче
Самый маленький колокольчик.
Управлял им мой ученик...
Неужели уже я старик?!
Схватил самый толстый канат
И стал колотить в набат.
И вот случилась беда —
Колокольчик заглох навсегда.
Да и я потерял слух,
Даже к набату стал глух.
Спустился в винную лавку,
Сижу под сводом, кручу удавку.

АКРОБАТЫ

Под куполом в пируэте
Столкнулись два акробата.
Прорвали насквозь они сети —
Натяжка была слабовата.
Артистов скорбная труппа
Унесла с арены два трупа.

■ ■ ■

Мы с братом, кувалдой орудующие,
Разбили стену, заглянули в будущее.

■ ■ ■

Где же мой лом и кувалда,
Куда девалось кайло?
— И лом, и кайло, и кувалду
Оползнем унесло.

■ ■ ■

Горела столярка столь ярко,
Что за сто шагов было жарко.

МНЕ ГОВОРЯТ

Мне говорят: «Вот топор, вот пила,
Отпили трубу, чтоб она не дымила».
Заводскую трубу, не ножку стола,
На заводе, где варят мыло,
Взял пилу я и взял топор...
И под вечер труба упала.
Стало дыма не меньше с тех пор,
Однако мыло пропало.

ПОНИЖЕНИЕ

Назначен на понижение
С меньшей оплатой, а жалко.
Хожу с крюком копошенья
По помойкам и свалкам.
Вчера еще был могильщиком,
Деньгу загребал лопатой.
А нынче я стал утильщиком
На смех озорным ребятам.

■ ■ ■

Я спросил электрика Петрова:

— Для чего ты намотал на шею провод?

Ничего Петров не отвечает,

Висит и только ботами качает.

РИХТОВКА

Ремонтник Боков у оцинкованного станка
Обрабатывал приемы хватки зубила и молотка.
— Эк ты не ловко!
Ответь, Боков, в чем заключается рихтовка?
— В растяжении металла.
— Нет, Боков, этого мало.
Даже для такой простой операции,
Как рубка или разметка,
Нужна ловкость и рабочая сметка.
К примеру, берут какие-нибудь деформированные куски
И зажимают их в тиски.
И если неверно держать молоток и зубило,
В конце месяца не дадут ни денег, ни мыла...
Вот Котов намедни правил ось молотком —
Так не только не выправил,
А вообще смял ее в ком...
Вечером Бокову дали
Искореженные детали,
Боков ударил не прямо, а с перекосом,
Отлетел кусок, кровь пошла носом.
Выправить ось
Не удалось,
А также и остальные детали.
В конце месяца, как и Котову,
Ни денег, ни мыла не дали.

■ ■ ■

Сизов торговал на вокзале
Рождественскими открытками.
Его схватили, его связали...
И вот он умер под пытками.

РАБОТА ТАКАЯ

Подвергал людей я пыткам,
Шоково-болевым испытаниям.
Белья и одежды с избытком,
Обеспечен льготным питанием.

■■■ **Шел я между пилорам —**
Дальше шел я пополам.

■■■

Залез на столб я смоляной
Со страшным знаком смерти.
Коснулся проволоки рукой...
И ничего, проверьте!

■■■

С завода икорно-балычного
Я стащил осетра приличного —
Метра с два белорыбица,
Брюхо икрой так и дыбится.

ЖЕМЧУЖИНА

Букахин был ростом с вершок,
А бороду имел недюжинную.
Взял он раз гребешок,
Вычесал из бороды жемчужину.

Жемчужина с куриное яйцо!
Понес Букахин ее к ювелиру.
У того от удивления вытянулось лицо —
Такие жемчужины не известны миру!

Древняя рукопись говорила
О жемчужине с яйцо птицы овсянки;
Но ее Клеопатра в вине растворила
Во время одной пьянки.

Сказал ювелир, сверкая очками:
— Поздравляю вас, гражданин,
Но я не смогу расплатиться с вами,
Даже если отдам вам весь магазин.

Букахин разгладил бороду,
Завязал жемчужину в носовой платок.
Весь день он без толку шатался по городу:
Нигде драгоценность продать не смог.

С горя выпил Букахин полбанки —
Жемчужину бросил на дно Фонтанки.

НАКОЛКИ

Художник Глотов грузчиком вкалывал
И был хорошим водителем.
А в выходные рисунки вкалывал
На кожу любителям.

Просит наколку сделать на зад
Ужасный мальчишка,
При ходьбе чтобы прыгала в зад
От кошки мышка.

Лезет за ним конопатый
И оголяет попку,
Чтоб кочегар лопатой
Закидывал уголь в топку.

— Вы что? — возмутился Глотов,
Звеня своими иголками. —
В лагере лишь идиотов
Украшают такими наколками.

Спрячьте зады свои голые,
А то я сейчас вам задам!..
Сказал так и вместо наколок
Отшлепал их по задам.

АЛМАЗ

Стекольщик Зотов куском алмаза
Резал стекла с одного раза.
Прислонял к батарее стекла,
А обрезки бросал в стружку около.
Напивался и спал тут в мусоре и духоте.
Умер от политуры в полной нищете.
И вот оказалось — на свой алмаз
Он мог бы прожить десять раз.

■ ■ ■

Петров, работавший около,
Чтобы меня огорчить,
Купил фруктового сока
И стал с наслаждением пить!

■ ■ ■

Пришли электромонтеры
Чинить электропровод.
Сморкались они прямо в шторы,
А мочились в комод.

КАТУШКА

Я увидал за рекой
Маленькую старушку.
Она катила ногой
Кабельную катушку.
Следом бежали строители
И кулаками махали,
Она же неслась так стремительно,
Что работяги отстали.
Катушка размером с дом.
Ну и прыть у старушки!
Бульдозер и то с трудом
Толкает такие катушки.

1 **Забой**

В бокс со стоном входит
Скот большим потоком,
Тут и происходит
Оглушенье током.

Скотобоец в боксе
Жертву зацепляет,
Над поддоном с кровью
Туша зависает.

Весь в крови и пене
Стол головорубочный,
Сто голов за смену —
Норматив мой суточный.

Шкура обработана,
Тело обескровлено.
Для другого цеха
Туша подготовлена.

2 **Операции**

Зацепка,
Подъемка,
Забой,
Обескровка,
Обвалка,
Опалка,
Мездренье,
Нутровка,
Заделка,
Обрубка,
Посол,
Обрезанье,
Жировка,
Жиловка,
Отстой,
Кишкованье.

3 **Продукты**

Сосиски, сардельки,
Язык, холодец,
Рулет с яйцом
И с хрящами рубец.

ЗАЯВЛЕНИЕ

(Аббревиатура)

— Лопнула труба,
Дело мое труба!
— Гражданин,
ИО ОБЛ СОВ ПРОФКОМпросы
Не решают такие вопросы.
Вы обращались в **ГОР КЛОП ВОШЬ ВКРЕД?**
— Нет.
— А в **ДУР ЗДРАВ ГНИД СБЫТ?**
— Я был там избит.
— А вы были в **СОВ ПУПЕ?**
— Нет, но я был в **СОВ ПОПЕ.**
— Хорошо,
Пишите заявление,
ГОР СНАБ РЕМ ВОД СБЫТ помочь вам готов,
Только пишите сокращенно —
Не товарищ, а просто ТОВ.

— ЗАЯВЛЕНИЕ ОТ ТОВ ГРИ —
Е МА БЫ В ПРИ,
А ТУТ ГО ПРИ,
ВЫ ПО ПОЛ БА,
ТУТ-ТО И ЛО ТРУ.
ЖЕНА СВАР НО
И ЛЕЖМЯ СТОНЕТ
А ТЕЩ — ПЛЮХ В САН У
И ТАМ ТОНЕТ.
ТУТ
Е
ПРИ
МА
БИМ
ЧРЕЗ
ОП
ЛЯ...
ЭХ МА!
А Я ТО ПРО ДЛЯ?
К ТОМУ ЖЕ
ОБЛУ ВСЯ КРАСКА
СРОЧ ТРЕБ
АВТО МОТ ИНВ
КОЛЯСКА!

В ПОЛИКЛИНИКЕ

Подошла старуха:
— Вы крайний в кабинет
НОС ВГЛАЗ ХРЕН ВУХО?
— Нет, нет,
Я в другой кабинет...
Вот выговорить не могу.
— Только начните, дальше я помогу.
— ЛОМ... ВЛОБ... ШТАБ...
— КОЛ ВЗАД ВГРЯЗЬ ШЛЕП?
— Да, да. Вон из него выносят гроб. —
Выходит медбрат:
— Товарищ, вы с сердцем?
— Нет, с животом.
— С животом примем потом.
Граждане, кто с мозгами?
— Я с ухом!
— Я с горлом!
— Я с кишками! —
Один ничего не ответил,
Ударился в плачь.
Тут вышел
МИР ГЛАВ ПОП ЗАМ ГОР ВРАЧ!
Вопросы сыпались за вопросом.
Больные остались каждый при своем,
Но все как один с **НОСОМ.**

ДРОВА

С. Русакову

Русаков колол дрова —
Раз-два, раз-два.
Точно рюхи,
Точно кегли,
Разлетаются дрова.

Но попался же чурбак! —
Не расколется никак.
Раз-два, раз-два,
Будто рубит голова.

Все поехало кругом:
Небо,
Улица,
Ворота,
Поле,
Курица
И дом...

Тетя Боря с дядей Катей
На крыльце пекут пирог —
Дядя Катя тесто месит,
Тетя Боря ест творог.

Коля, маленькая дочка,
Уронила туфлю в тесто,
Ногу сунула в кастрюлю,
Хочет вынуть — и ни с места.

А соседка с табуретки
Вешать вынесла белье.
Прицепила провод к ветке,
Крепость пробует ее.

Обломилась с треском ветка,
В таз с бельем летит соседка.
Раз-два, раз-два,
Русаков колол дрова.

Как ветряк или вертушка,
Закружилась голова.

За забором во дворе
Стонет Сидоров от скуки.
В раскладушке на жаре
Отлежал он ноги-руки.
Поразмяться захотел,
Разбежался посильнее,
Запустил до неба змея —
И со змеем полетел.

Загорелый рыжий Гриша
Побежал за ним по крыше
И нырнул в трубу, как в речку,
Прямо в мазаную печку.

Хорошо, что Русаков
Не успел для этой печки
Наколоть пока что дров —
Ни полена, ни дощечки.
Раз-два,
Раз-два,
Нет, не колются дрова.
Засадил колун в чурбак,
И не вытащить никак.

■ ■ ■

В поле попал агитатор
Под фрезерный культиватор
И так же, как предыдущий,
Смешался с навозной гущей.
Сам с головой залез
Под прицепной плоскорез.
— Давай его в бункер сбросим
Навозоразбрасывателя РЖТ-8.
— Уж лучше под плуг ножевой,
Ведь как будто еще он живой.

ПАШНЯ

Соседский петух под окошком распелся.
Вскочил я босой на холодный пол.
И вот я умылся, и вот я оделся,
И вот я побрился, и вот я пошел.

Клуб, столовка, напорная башня,
Башня, пивная, столовка опять.
Комов навстречу: — Ну что, на пашню?
— Ну а куда же? Конечно, пахать. —

Полем иду, перелеском и лугом,
По кочкам болотину перехожу.
И вот я на пашне, и вот я за плугом,
И вот я пашу, и пашу, и пашу...

Поле, овраг, перелесок, столовка,
Баня, пивная, столовка опять.
Комов навстречу: — Ну что, на ночевку?
— Ну а куда же? Конечно, спать. —

Снова петух под окошком распелся.
Встал я опять на холодный пол.
И вот я умылся, и вот я оделся,
И вот я побрился, и вот я пошел.

Клуб, столовка, напорная башня,
Баня, пивная, столовка опять.
Комов навстречу: — Ну что, на пашню?
— Ну а куда же? Конечно, пахать.

ТРАВИЛЬЩИЦА

В тяжелом фартуке, в заглушках и очках,
В ударостойких прочных сапогах,
С перчатками из полихлорвинила
Она аккумуляторы травила.
Среди мазутов и кислот активных
Плескалась в щелочах и средах агрессивных,
А после смены, туфельки надев,
Была изящнее на Невском прочих дев.

ДУША

Принимал я больных в кабинете.
Поздно ложился — вставал рано.
Пациенты при ярком свете
Раскрывали свои мне раны.

Однажды приходит девица.
— Доктор, я в душу ранена! —
Говорит и на стол ложится
В зимнее утро раннее.

Грудь я вскрыл ей скальпелем —
Чтобы душу достать.
Вдруг вскочила на плиты кафельные
И стала больная плясать.

Вот так душа человеческая!
Просто прозрачный ребенок,
Будто божок древнегреческий
Без трусов и пеленок!

— Все, я поправилась доктор!
Пытка была хуже ада.
А душу возьмите на опыты,
Не болит — и не надо!

Так девица сказала.
Оделась и удалилась.
Душа ее затрепетала...
И в руке растворилась.

ЯБЛОКО

Жена подала мне яблоко
Размером с большой кулак.
Сломал пополам я яблоко,
А в яблоке жирный червяк.
Одну половину выел,
Другая чиста и цела.
С червем половину я выкинул,
Другую жена взяла.
И вдруг я отчетливо вспомнил —
Это было когда-то со мной:
И червь, и сад, и знойный полдень,
И дерево, и яблоко, и я с женой.

■ ■ ■

С гирляндой сосисок на тощей груди
С работы скорее домой приходи.
Не даром же ты судомойка —
Тащи и тарелки домой-ка.

■ ■ ■

Жена торговала колбасой,
И так разъелась на колбасе она,
Что, когда входила в бассейн,
Вода выходила из бассейна.

■ ■ ■

Поставил жене синяк.
Без всякого повода — просто так!

■ ■ ■

Принес я под мышкой дорожку,
Свернутую в рулон.
Жена открыла окошко
И выкинула ее вон.
Нет, не понять мне женского полу —
Хожу босой по холодному полу.

■ ■ ■

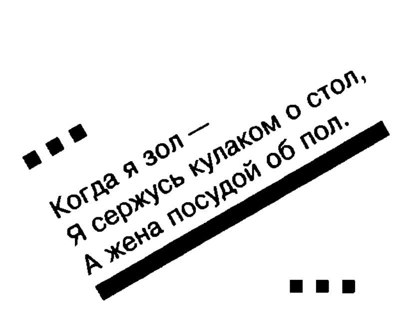
Пришел к жене, голодный,
Пустым надулся супом
И, точно в гроб холодный,
С живым улегся трупом.

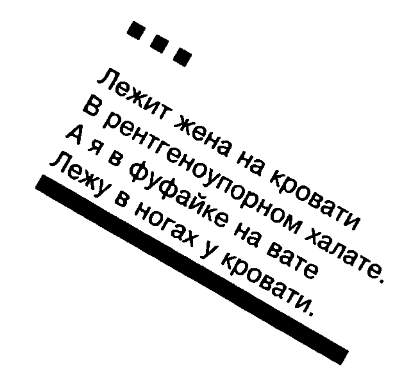
■ ■ ■

Я не сплю, жена не спит —
Мы купили холодильник.
По ночам он так гремит,
Что не нужен и будильник!

■ ■ ■

Смотрит на мир щелевидно,
Но все в этом мире ей видно.

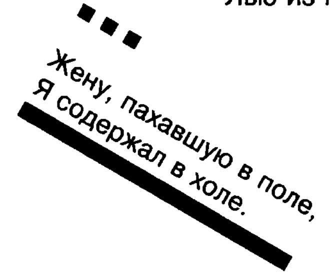
■ ■ ■

На пол упала со стола
Ложка, ложка, ложка, ложка...
И сразу женщина пришла
И тресь меня ладошкой.

И шлеп, и шлеп, и шлеп, и шлеп...
— Скажи, за что по роже?
— А не ронял бы ложек чтоб,
Меня бы не тревожил!

■ ■ ■

Жена моя наклонилась голая
Около унитаза,
А я ей воду на голову
Лью из медного таза.

■ ■ ■

С измятой встали мы постели —
От складок полосы на теле.

■ ■ ■

Батут — это сетка упругая.
Спортивная сетка — батут.
И вот мы скачем с супругою —
Она еще там, а я уже тут.

От сетки ногами толкаешься —
И чувствуешь вольный полет.
Кувырк — и уже опускаешься,
То на спину, то на живот.

■ ■ ■

Поставил посуду под кран,
Глухо треснул стакан,
Звонко и как-то весело
Жена оплеуху отвесила.

■ ■ ■

Я был связан туго, до боли,
И двигаться вовсе не мог.
Жена зачерпнула в ладони соли,
Посолила меня с головы до ног.

Соль я стряхнул на клеенку,
Пытаясь на корточки сесть.
— Аккуратней! — сказала жена громко. —
Не могу же без соли тебя я есть.

■ ■ ■

Лежит жена на простыне —
Как парафин бела.
Оделся в траур по жене,
Но та не померла.

Вернул я траурный костюм
Назад, в бюро проката.
Сказал жене, что тот костюм
Я брал на свадьбу брата.

■ ■ ■

Приехала жена из Сочи
Черная, как сапог.
Я даже вначале обрадовался очень,
Потому что сразу узнать не мог.

■ ■ ■

Среди молока и сливок
Стал я куском масла.
Тут жена счастливая
На булку меня намазала...

Откуда жадность такая?
Ведь живем мы с достатком.
Заварила какао
И съела меня без остатка.

■ ■ ■

Растворил я жену в кислоте...
Вот бы по кайфу зажили...
Да дети нынче пошли не те —
Взяли да заложили.

■ ■ ■

И такие люди бывают —
Ее просто ногой пинают,
А она кричит: — Убивают!

■ ■ ■

Подрался с обмывателем трупов —
Просил за жену сто рублей,
Бестактно ее ощупав.

■ ■ ■

Застал я с ним жену раздету
И объявил ему вендетту.

ПРОМИСКУИТЕТ

Куйбышев — это бывшая Самара.
Купил я два самовара.
Приехал домой.
А дома какая-то полигамия,
Ну и стал всех пинать ногами я.
Мне говорят:
— Не полигамия, а промискуитет!
— А по мне, все равно!
— Э, нет.
— Где жена?
— Вот тут она.
— Эх, жаль нет шпицрутена!
Человек вьючного склада
Взял за горло, говорит: «Не надо.
Пока вы у тетки гостили,
Мы и так ее через строй пропустили».
Треснул я самоваром по самовару
И уехал в Куйбышев — бывшую Самару.

ХИРУРГ

Хирург мне ногу отрезал,
Отрезал, да вроде не ту.
И вот я, скрипя протезом,
Домой из больницы иду.
Жене это не понравилось,
Собрала вещи, ушла.
Больная нога поправилась,
Здоровая не отросла.

■ ■ ■

Жил и с этой, и с этой, и с той
Вот и остался в квартире пустой.

■ ■ ■

Мы разошлись, и, как прежде,
Спать я ложусь в одежде.

■ ■ ■

Жену я свою не хаю
И никогда не брошу ее.
Это со мной она стала плохая,
А взял-то ее я хорошую.

...
И с ней, и без
Бешусь, как бес.

■ ■ ■

Сидоров с красным носом
Так, без всякого поводу,
Пристукнул жену насосом —
Когда ходили с ней по воду.

■ ■ ■

Петров с фиолетовым носом,
Ругая жену во всю мочь,
Давил ее ржавым тросом:
Она шлялась где-то всю ночь.

■ ■ ■

Скокарев с сизым носом
Так, без всякой причины,
Зарезал жену под откосом
И запил от кручины.

■ ■ ■

Клоков с откушенным носом
(Московский, пл.5)
Столкнул жену под колеса —
Пусть знает, как выступать!

■ ■ ■

Увязался М за Ж
И схватил ее за Ж.
Разозлилась Ж на М
Да как даст ему по М.

■ ■ ■

В секторе для толкания ядра
Нашли два женских бедра.
А туловище и руки
Багром отыскали в люке.

■ ■ ■

Забыли друзья,
Убежала жена,
Пустая квартира
Молчаньем полна.

Молчанье, молчанье,
Молчанье, молчанье,
Но нету тревоги,
И нету отчаянья.

Я верю, любовь,
Еще сбудешься ты.
Природа не терпит
Ни в чем пустоты.

■ ■ ■

Столовая
Буфетная
Конфетная
Котлетная
Пивная
Пирожковая
И
Парадняковая

■ ■ ■

С днем рожденья, день рожденья, —
Ждал тебя я год.
Ты упал на воскресенье —
Не идет народ.
Что же, нету и не надо
Друга и подруг.
Стаканóв стоит бригада
И бутылок круг.
Я в компании стеклянной
Тихо погрущу
И из каждого стакана
Малость пропущу.

■ ■ ■

Я к другу пришел налегке
Очень поздно, уже на рассвете,
И устроился спать в уголке,
Свернувшись, как завтрак в газете.

■ ■ ■

О друге нет и помина,
В углах одна паутина.

■ ■ ■

Первую получку справили,
Наставнику синяков наставили,
Под станком кукарекать заставили,
А потом под фрезу приставили.

ОСЕНЬ В ЛЕТНЕМ

Изящный Аполлон,
Волшебник песнопенья,
В рогожу наряжен,
Стоит, как привиденье.

А вот Меркурий ловкий
(Так вывеска гласит),
Обмотанный веревкой,
Теперь не улетит.

Амур под мешковиной...
И не могла б узнать
Проказливого сына
Сама родная мать.

В ЛЕТНЕМ САДУ

С поллитровки мы начали,
А выжрали по галлону.
Пошли и зачем-то раскачивали
У Эрмитажа колонну.

В пруду ощипали лебедя,
Гоняли по Летнему саду;
А после мраморной Ледой
Выломали ограду.

Венеры нагую фигуру,
Как пьянь, положили на лавку.
Психею связали с Амуром, —
Спустили в Лебяжью канавку.

В общем, пока не очухались,
Вели себя, как вредители.
Хорошо, что не чухнулись
Ни менты, ни родители.

КИРПИЧ

Весь день меня Сизов поил,
За окнами смеркалось.
Он что-то важное таил,
А может, так казалось.
Он подмешал мне яд в бокал,
Из трубки пепел выбил,
Вино я тайно расплескал,
Но сделал вид, что выпил.
Упал в одежде на кровать,
Лежу, как будто мертв.
Он влез на шкаф и стал срезать
Со стенки натюрморт.
Там за холстом, ключом стуча,
Открыл в стене он дверцу,
Взял золотых три кирпича.
Мне стало плохо с сердцем.
Всю жизнь прожил тут и не знал,
Что рядом за стеной...
Я повернулся и сказал:
— Один кирпичик мой!
Всю жизнь прожил тут и не знал,
Но, видно, зря сказал...
Иду я утром на завод,
В бока толпа толкает,
Вахтер меня не узнает
И в цех не пропускает.
Портрет не тот! А я при чем?
Меня ушибли кирпичом.

ГВОЗДИ

Пришел Сазонов помогать
Кривые гвозди распрямлять.
Купили бормотухи
Да хлеба полкраюхи.
Задули по бутыли.
А о гвоздях забыли.

Потом исчез куда-то он.
Принес еще фугас-патрон.

Потом пропал куда-то я —
Затерли сумками меня.

Пошли, бутылки сдали
И по новой поддали.

Потом еще два стакана́...
Скажи, ты он или она?

А почему на лавке
Лежат ее булавки?
А почему на полке
Лежат ее осколки?

А это что за гости,
Прямые, точно гвозди!
А для чего им пряжки?
А почему фуражки?

Они нас уважают —
Вот, видим, провожают.

Да что теперь уж о гвоздях.
Проснулись мы у них в гостях.

Одну не надо было пить,
Пойти бы и гвоздей купить —

Не надо б было распрямлять...
Ну, приходи ко мне опять.

■ ■ ■

Сизов подшутил опять
Над своими гостями:
Велел всем ботинки снять —
А пол свой обил гвоздями.

СЫРЬЕ

В стужу я в тапках иду
И приплясываю на ходу.
Засунув руки в карманы,
Стоят пятилетние хулиганы.

— Эй ты, черпак для щей! —
Иду мимо, пропускаю мимо ушей.
— Дай закурить, говорю!
— Товарищи, я не курю.
Сам не курю и вам не советую! —
Вот за эти слова на себя я сетую.

Чем-то ударили в бок,
Я тихо осел и прилег.
— Давай поддадим.
— Я не поддающий. —
Стали бить еще пуще.
— Эх ты, сырье для мыла!
Хотя бы тебя раздавила бацилла! —
К вечеру я занемог.
Ни есть, ни пить я не мог.
А ночью меня трясла и душила
Большая взлохмаченная БАЦИЛЛА.

■ ■ ■

— Хочешь испытать радость селедки,
Испеченной на сковородке?
— Нет, я хочу испытать радость глотки,
Отведавшей вкус этой селедки.

ДУРАКИ

Едим селедку.
Она орет:
— Вон колбаса по дорожке идет!..
Бросили селедку,
Побежали за колбасой,
Клоков в колготках,
Я в трусах, но босой.
Наступил я на кошку,
А Клоков на червяка.
Растянулись мы вдоль дорожки,
Два дурака.
Порвал он колготки,
А я трусы.
Остались мы без селедки,
А главное — без колбасы.

ОБЪЕЛИ

На праздник пришли приятели,
Совесть совсем утратили —
Съели треску с винегретом
И ушли, выпив сок.
Я сосчитал по скелетам,
Кто сколько съел тресок.
Объели меня на полтинник,
К тому ж унесли ботинок.

■ ■ ■

Пришли с бормотухой друзья,
В доме был беспорядок.
Возникла такая возня,
Что сразу пришло все в порядок.

■ ■ ■

Клоков небрит и немыт.
Его толкнули — он покатился,
Его подняли — он стоит,
Его окатили — не разозлился,
Его посадили — он сидит.

■■■

Курили с Колей анашу,
Сидели на паркете,
Он вешал на уши лапшу,
А я ему спагетти.

ТЕНИ

Мы чай варили на огне —
Густой, как вар, чифир.
Плясали тени на стене,
У них тут свой был пир.

И если кто-то дул в очаг —
Мы чай варили в каске, —
Тряслись, усиливая мрак,
В святого Витта пляске.

Огонь стал ярче, и они
Попрятались в углы.
Когда ж легли мы, как могли,
Они под нас легли.

Всех одолел тяжелый сон.
И свет в печи угас.
Сползлись впритык со всех сторон
И придушили нас.

■ ■ ■

С маковой головки
В чистый черпачок
Собираю ловко
Я снотворный сок.

С табаком смешаю,
Плотно закручу
И закачумарю,
То-то поторчу...

ПЕРВАЧ

Сижу я на стуле,
А рядом двойник
Из бака в кастрюлю
Провел змеевик.

Горький из бака
Доносится плач.
Веселый, однако,
Удался первач.

■ ■ ■

Окошко, стол, скамья, костыль,
Селедка, хлеб, стакан, бутыль.

■ ■ ■

Друзья слетаются ко мне,
Горят, как мотыльки в огне.

■ ■ ■

Пьем, пытаясь не упасть,
Мы бутылку за бутылкой.
Есть хотим, да не попасть
Ни во что дрожащей вилкой.

ЩИ

Купил капусту и свеклу,
Стою на кухне, варю щи.
Раздался звон, посыпались стекла,
В дом ввалились товари-щи.

Притащили девицу пьяную,
Она орет, как помешанная.
В кастрюлю я зелень пряную
Бросаю и ложкой помешиваю.

Джинсы стащили ловко,
Крик ее храпом стал.
Аккуратно шумовкой
Я мутную пену снял.

Сижу и тихо из миски
Ложкой хлебаю щи.
А рядом девицу тискают
Бурно това-рищи.

ШЕКСПИРТ

■ ■ ■

(Сонет 301)

Закинув ноги гениально,
Она уперлась в потолок.
А я в углу сидел бездарно,
Пустой, как скатанный чулок...

Вот так все таинства на свете
Перелистнула мне она.
Теперь я зна... откуда дети,
И мир, и горе, и война,

И наслажденье, и страданье,
Икры любовной волдыри,
Сиянье звезд и мирозданье —
Все где-то там, в ее нутри.

В какой-то малой спирохете
Весь мир со звездами и дети.

■ ■ ■

(Сонет 302)

Я приглашен на этот пир!
Меня не позабыли боги.
Я погружаюсь в неги мир,
Торчат из неги только ноги.

Глаза в глаза, к ребру ребро.
Спряглись единой пуповиной.
Я опускаюсь, как ведро,
В мерцанье звезд на жерди длинной.

Спирали — шестерни миров
Спирали нас, несли и грызли.
— Ворк крови — Ворохи хоров —
— Нарывы ран — и — розы вызор —

Одной утробы близнецы,
Срастались мы сосцы в сосцы.

ШАРЛАТАНЫ

Пришли какие-то люди,
Таких я вроде не видел.
Одна с головой на блюде —
Тот, верно, кого-то обидел.

Другой с тесаком на макушке,
Этот с язвами на руках.
На стол поставили кружки,
Блюдо с башкой — просто страх!

Из кухни принес колбасы я,
Дал им домашние тапки:
Ведь люди пришли босые,
Одетые в драные тряпки.

Выпили молча, без зáкуса,
Траур у них, видать.
Схватил я девицу за косу,
Попросил станцевать.

Согласилась девица,
Скинула с плеч тряпье...
А все же знакомые лица,
И где-то встречал ее.

Но где? Но когда? Не припомню...
Только было уже такое:
Пьянка в комнате темной,
И голова покойника.

Гости с рубцами и язвами,
Особенно этот — сивый:
С язвами безобразными,
Не красавец, однако красивый.

— Иван! — подошла девица к блюду.
Иван вдруг открыл глаза.
— Давай предадимся блуду! —
И запрыгала, как коза.

Сбросила тряпки последние,
Стала совсем гола.
Седой вынул нож из темени,
Воткнул в середину стола.

Второй почесал в затылке,
Руки простер к окну:
Появилось еще три бутылки...
Я тайно припрятал одну.

На колени мне села девица,
Худоват оказался зад.
Недовольный Иван косится,
Покосился, закрыл глаза.

Седой опрокинул кружку...
Потом они в угол легли.
Я дал им диван-раскладушку,
Но они им пренебрегли.

Тогда я спросил у девицы,
Раздвинув ножки дивана:
— Скажи мне, что это за лица?
— Да просто два шарлатана.

— А как зовут тебя?
— Ира.
— Вот и жену мою так.
Прости, что простынь не стирана,
Теперь же я холостяк.

Прижались мы тесно друг к другу,
И я погрузился в сон...
Страшный сон — я вскочил с испугу —
Отключил будильника звон.

На диване от тела впадина,
А от гостей ни следа.
Приложился к бутылке краденой —
Там лишь уксусная кислота.

Лежу я с болью и тоской.

КАЙФ

У Япончика была
Ароматная шала,

В баре типа парадняк
Замастрячили косяк.

Жадно пыхнули по кругу,
После всунули друг другу.

Голову стянуло тяжко
Как бы тесная фуражка.

Развалились, как дрова...
Да, кайфовая трава!

ХНУРЕНЬЕ

Мне Фикла зуделба:
— Ты, хрюпла, молча бды,
А то от бубленья
Гниденыш завяльный!

Я Фикле гнуздобил:
— Ты, вражьба, ущелься,
Не то разворбочу,
Врасщеп отскорлуплю.

Глюстой издленняю,
По жралу скарябя...
И та щто ущупься,
И та что притухни.

■ ■ ■

Друг подавился треской,
Лежит на полу доской.
Из носа выходит пена.
То сразу, то постепенно.

■ ■ ■

П. отсидел ногу,
А С. отлежал бок.
П. отходил понемногу,
А С. отойти не мог.

■ ■ ■

Мне щекотали пятки,
А от смеха тряслись лопатки.
Меня ударили в ухо,
А упал я на брюхо.

■ ■ ■

Я закричал не своим голосом
И, чтоб стать страшнее, чем есть,
Взъерошил руками волосы.

■ ■ ■

— Соберите ж, ребятки, силы! —
Я взял молоток, а Петров вилы.

ВИНТЫ

А. Драбкиной

Я думал, что я великан, —
А меня опрокинули и налили в стакан.
Я думал, что в комнате я да ты, —
А между нами какие-то рты.
На голове моей крышка,
Как бескозырка у матросика.
Меня подняли
И стали пить прямо из носика.
Тогда я намылился
И стал выскальзывать у всех из рук.
Мало того, что выскальзываю,
Дык еще и глаза проедаю,
Как какой-нибудь чеснок или лук,
Прыгнул в песочную кучу,
Сижу, вытряхиваю сандалии.
А подо мной и передо мной,
Около меня и надо мной
Вращаются какие-то детали.
То свинтятся, а то развинтятся зачем-то,
Пригляделся: не просто отломки,
А то, что, свинтившись с другим,
Становилось третьим чем-то.
Зарябило в глазах от верчения.
Взял одну деталь —
Упругая на изгиб, податливая на крученье.
Что-то мне провизжало
Вроде — «неси» или даже «пронзи».
Я хотел встать и бежать,
Но сам закружился вокруг своей оси.
Заболела голова.
Вот и ко мне привинтились —
Был я один, теперь два.
Потом три, четыре, пять, шесть, семь...
Потерял счет.
Вдруг все разом распалось,
Но сразу же привинтилось что-то еще.
Но и это отпало,
Остался лишь шрам на коже.
Тут я понял, что надо и мне
Свинтиться с кем-то тоже.
Свинчивался и отвинчивался,

Свинчивался и отвинчивался,
Свинчивался и отвинчивался
С кем только мог.
С одним так свинтился,
Что долго потом отвинтиться не мог.
Вдруг пришла мать,
Родные, друзья, учителя.
Я перед самыми их глазами вертелся,
Кричу им: «Смотрите, да вот же я!» —
А они спрашивают, куда я делся.
Мол, отбился от рук, сбежал куда-то,
Совсем не учусь.
А я перед самым их носом.
Кручусь,
Кручусь,
Кручусь,
Кручусь.

■ ■ ■

Симульнул дурака сдуру,
Тридцать рублей пенсия.
Сижу и взбалтываю политуру,
Эх, и крутая суспензия!

САКЬЯ МУНИ

Очень поздно, почти что ночью,
Завернул я к приятелю, сыту и пьяну.
На мольберте холст незаконченный —
Сакья Муни, ушедший в нирвану.

Друг лежит и пускает слюни
На осколках битой посуды.
В позе лотоса Сакья Муни —
Это имя второе Будды.

Рядом с другом лежит гитара.
Он в нирвану хотел, наверно.
Но гитара отнюдь не ситара —
Очень звучная, очень нервная...

КОЛЯ

Коля вступил за меня в битву.
Как же его мне благодарить?
Я — парикмахер, раскрыл бритву,
Схватил за нос и стал его брить.

Я брею, а брить-то нечего —
Борода у него не растет,
Так вот брить его можно вечно,
А он выкручивается и орет.

Что-то злое сквозь пену гундосит.
Чуть не оттяпал ему я нос,
Видно, бритья он не переносит,
Разозлился Коля до слез.

Что понапрасну крем растранжиривать?
Бросил в кровать его, стал массажировать,
По науке дублю его кожу,
Он трясется и снова орет,
Корчит от боли страшную рожу,
Растянув вертикально рот.

Я тащу его голого в ванну —
Открываю кран широко.
Коля ведет себя как-то странно,
Стало держать его нелегко.

Завернул я его в одеяло,
Поволок на кухню кормить.
Я хотел угостить его салом
И до смерти упоить.

Но, к сожаленью, после ванной
Коля был уже бездыханный.

■ ■ ■

Коля встал и упал,
Но Витя его поднял.
Сергей тяжело дышал,
Андрей в ознобе дрожал,
А Боря сидел на столе.
Вдруг видит —
Сизова летит на метле.
Боря тоже упал,
Но Витя его поддержал.
Витя, он очень ловкий:
Всех поставил снопом,
Как ставят винтовки.
Но Коля снова упал,
Андрей уже не дрожал,
Сергей уже не дышал...
Витя тоже упал.

РОМ

Иван лежал с открытым ртом
В фуфайке на спине.
И сверху вниз кубинский ром
Лить приходилось мне.
Вдруг замечаю — что за черт?
Осталось мне так мало!
Я лью да лью, а он уж мертв —
Грамм восемьсот пропало.

■ ■ ■

**Тело, выведенное из состояния покоя,
Сломало стол, стул, кровать
И многое другое.**

■ ■ ■

**Склонился у гроба с грустной рожей,
Стою и слушаю похоронный звон.
Пили мы одно и то же,
Почему-то умер не я, а он.**

■ ■ ■

Рожа моя полупьяная
И от водянки пухлая
Из тухлого сунулась в пряное,
Из пряного снова в тухлое.

■ ■ ■

Поймали жидкого и сухого.
Сухого и жидкого закрыли на замок.
Когда проржавели петли засова,
Жидкий высох, сухой размок.

■ ■ ■

Тухлый взбалтывал пряного —
Сырого, нагого и пьяного.
А жухлый наматывал тухлого —
Поджаристого и пухлого.

■ ■ ■

Лобастый схватил пупастого —
И ну его купоросом красить!
Пупастый вырвался от лобастого —
И ну его поленом дубасить!

■ ■ ■

Разорился большой артист:
Все попойки да девы-прелестницы.
Три человека спускали вниз
Фортепиано его по лестнице.

А артист был парень не промах
И живал когда-то в хоромах.
А живал он когда-то, как граф...
За роялью тащили и шкаф.

ЛЕЧЕНИЕ

От спиртного и от плана
Я полетами лечусь.
Разбегаюсь с дельтапланом,
Прыг с горы — и я лечу!

Ведь в полет с собой гашиша
И спиртного не возьмешь.
И пока с горы летишь ты —
То не куришь и не пьешь!

НОЧЬЮ

Ночью во всю мочь
Вдруг заорала дочь.

Я сорвал со стены бич
И пошел на ее клич...

Ну, конечно, был это Клоков:
Великий плут и беглец с уроков.

Блудодей, хоть еще и малыш;
Он в окна влезал прямо с крыш.

На длинной веревке якорь-кошка:
Зацепит за крышу — залезет в окошко.

Зажав меж ног, я сорвал с него брюки —
Но дочка под бич подставляет руки.

— Жалеешь, а что же орала?!
— Да во тьме я его не узнала!

РАНА

Я хвастаю раной на животе
Перед группой девчат.
— Вот это да!.. — восхищаются те
И в рану палец вложить норовят.

Вперед пробилась самая резвая,
Малый рост, а сила недюжинная:
— Смотрите, рана-то колото-резаная!
— Не колото-резаная, а рвано-кушеная.

Стою и внимаю с ужасом:
В какую оргию втянут я.
Ведьмы терзают меня и кружатся.
Открылась рана полузатянутая.

Надо бы рану перевязать
И «Скорую помощь» вызвать...
Кончили ведьмы меня терзать,
Принялись кровь зализывать.

ДВОЕ

Лепроидный пришел к прокаженному
(Впрочем, это одно и то же).
Стоят у зеркала, обнаженные, —
Снимают друг с друга кожу.

Боль хотят испытать, мазохисты.
А боли не чувствуют — вот досада!
Может, крупную соль зернистую
Прямо в язвы втирать надо?

■ ■ ■

Отбросив с десяток трупов,
Некрофаг задержался на мне.
Взрезал грудь и, сердце нащупав,
Приготовил его на огне.

Обсыпал перцем и солью
И с жадностью зубы вонзил.
О, с какой я живою болью
Содрогнулся, хоть мертвый уж был.

■ ■ ■

На кладбище некрофаг
Ломом вскрыл саркофаг,
Ощупал голый скелет —
Ничего съедобного нет.

■ ■ ■

В столовой с откусанным боком
Сидел я в котле глубоком.
Меня привлек сюда запах,
И вот у вампиров я в лапах.

■ ■ ■

Все бегут, крича и визжа,
Толкают, а ты на ногах еле держишься.
Каждый, рану свою зажав,
Спешит, спотыкаясь, в свое убежище.

■ ■ ■

При внезапном громком стуке
Поднимаю вверх я руки,
Потому что в этом мире
Я как кукла в детском тире.

■ ■ ■

А. Г.

Ем я восточные сласти,
Сижу на лавке, пью кефир.
Подошел представитель власти,
Вынул антенну, вышел в эфир.

— Сидоров, Сидоров, — я, Бровкин,
Подъезжайте к Садовой, семь.
Тут алкоголик с поллитровкой,
Скоро вырубится совсем.

Я встал и бутылкой кефира
Отрубил его от эфира.

■ ■ ■

Участковый стал в двери стучать,
Я за ним в глазок следил, даже в оба.
С таким же успехом он мог стучать
В крышку моего гроба.

■ ■ ■

Спрятал я ключ меж труб;
Ночью с работы иду.
Искал я ключ, а нащупал труп —
И вот я предан суду.

■ ■ ■

Дали мне портфель, сказали: «Подержи!»
Другие схватили за ворот, кричат: «Держи!»
Я говорю: «Да я и так держу!»
Подержал портфель, теперь вот сижу.

■ ■ ■

Свистит милицейский свисток,
Ветер хлещет, словно нагайка.
Вздрогнул я и — наутек,
Как от охотников зайка.

■ ■ ■

Разбил в туалете сосуд, —
Соседи подали в суд.
Справа винтовка, слева винтовка,
Я себя чувствую как-то неловко.

УГРО

(Теорема)

Было раннее утрó,
А уже стучит угрó.

В это раннее утрилло
Мы сидим с ним рыло в рыло.
— Не подпишешься? Ну что ж... —
Он раскрыл складной свой нож.

В это раненое утро
Он решил вспороть мне нутра.

Отбивался я, как мог,
Вдруг — звонок, звонооооок, звонок.

С топорщившимся из кармана топорищем
Вошел Сизов — старинный мой дружище.
И, как Раскольников несчастную старуху,
Инспектора угро он хвать обухом.

Пугая кошек и собак,
Снесли мы труп в помойный бак.
И вдруг из бака постепенно
Растет, как удочка, антенна.

Из-под картофельных очисток
«Пик-пик» звучит, светло и чисто так.

И даже стало как-то жалко,
Что въехала тут самосвалка.

Я бак захлопнул на замок
И в бункер загрузить помог.

Теперь ни в утро, ни в утрó
Ко мне не ломится угро.

Нашел он, видимо, покой
Вдали, на свалке городской.

ВСЕ

1

— Мы знаем про вас все!
— Что?
— Все, что нам нужно знать.
Возьмите с собой белье
И сухарей дней на пять
И собирайтесь скорей.
— Но я не сушил сухарей!
Куда вы меня ведете?
— Не ваше дело,
Идите весело, будто к тете,
Не напрягайте тело.
Смотрите с бодростью вдаль.
— Но у меня нет никакой тети!
— Очень жаль.

2

— Почему вы молчите?
— У меня отрезан язык.
— А что же вы говорите?
Без языка издают только крик.
— Я работаю в цирке чревовещателем
И умею чревовещать.
— Отвечайте, где вы были вчера с приятелем,
А не то сейчас будете чревовизжать!

3

Чревовизжание
(Свободная импровизация
криков, воплей, хохота от боли).

4

— Почему вы сидите?
— Но мне не на чем больше идти.
— Не можете идти, так ползите,
А то сейчас не на чем будет ползти!

■ ■ ■

И вот я сижу в клетке — Сбылось-таки предсказанье соседки!

■ ■ ■

И вот я сижу взаперти:
Мне не выйти, ко мне не войти.

■ ■ ■

Ты узник —
Я тебе не союзник.

■ ■ ■

Считал я в камере время,
Пальцы загибая со злом,
Но время не протекало,
А стягивалось узлом.

■ ■ ■

Жили мы тесным кругом,
Стоя на двух ногах,
То, что хотели сказать друг другу,
Было выколото на руках.

В КАМЕРЕ

Сидел я в камере-одиночке,
А какая-то девушка сидела выше.
Говорит: «Похлопай себя ладошкой,
Чтобы я тебя слышала».

Она мне спустила на нитке
Локон своих волос.
А я был острижен наголо,
Зато щетиной порос.

Я вылепил ей из хлеба
Человечка мужского,
Она к нему прилепила
Человечка другого.

К его голове я приклеил
Локон ее волос.
Потом нас по разным точкам
Тесный «столыпин» развез.

А тех человечков с полки
Ночью украла крыса:
Один человечек в локонах,
Другой человечек лысый.

■ ■ ■

Идет круговая игра:
Я — молóка, они — икра.

...

С бритой головою,

В форме полосатой,

Коммунизм я строю

Ломом и лопатой.

■ ■ ■

Жил на нарах я и в норах —
Там и тут крысиный шорох.

■ ■ ■

Внедряю я в землю бур
В зоне отрицательных температур.
Нефть добываю с газовым конденсатом.
А солдат на вышке стоит с автоматом.

СКУЧНЫЙ УРОК

В зоне активного загрязнения
Встал я твердо на путь исправления.
Больше не крою солдатов матом,
Жив возвращением к родным Пенатам.

Есть убеждение древнегреческое:
Главное в жизни — жизнь человеческая.
Что ж не кончается длинный мой срок?
Это как в детстве скучный урок.
        Наша зона
        Как Ахиллес Зенона,
Есть у него такая апория —
Вроде чушь, а поди оспорь ее.
Хоть плетку в ход,
Хоть вожжи,
Хоть ре́мни —
Ахилл не догонит черепаху времени.

■ ■ ■

Всю ночь Петров в тифу горел,
А к утру стал холодным.
Его из зоны унесли,
И стал Петров свободным.

■ ■ ■

Сизов умер, но ожил снова.
Сизова скрутили,
Сизова связали,
Похоронили живого.

■ ■ ■

— Верните мне срочно штаны!
— А зачем? Ваши дни сочтены,
Ведь вы настолько больны,
Что вам и трусы не нужны.

■ ■ ■

Лежу на мешке с сеном
И курю в потолок.
Бегают тараканы по стенам,
Слышен топот их ног.

■ ■ ■

Вышел я на свободу,
Отсидел ровно пять.
Приходят знакомые вроде,
А не хотят признать.

СМЕНА ШКУР

Че Ка,

ОГПУ,

НКВД, НКГБ,

МВД,

МГБ,

Ке Ге Бе...

Сижу и дрожу я в трубе.

■ ■ ■

Палач бьет меня по плечу,
Я бью по плечу палача.
Его плечо
С два моих плеча.
Палач плачет на моем плече,
Я — на плече палача.

■ ■ ■

Топор, сквозь шею ушедший в плаху,
Не может вырвать никак палач.
Он от натуги порвал рубаху,
Раздался хохот сквозь общий плач.

■ ■ ■

Покачался немного в петле
И по высшему суду в ад иду.
Но память об ужасах на земле
Скрашивает мое пребывание в аду.

■ ■ ■

Живу — не живется.
Все падает,
Ломается,
Рвется, мнется —
Цветы, стаканы, подруги...
И сердце не бьется —
А как-то плескается,
Словно в колодец
Ведро опускается.

■ ■ ■

Я мялку вынимаю
И начинаю мять,
Кого не понимаю,
Не надо понимать.

А то если подумаешь,
И что-нибудь поймешь,
Не только мялку вытащишь,
А схватишься за нож.

СЛЕЗЫ

Горькие, длинные слезы из глаз по щекам на плечи,
Как парафин из свечек,
Каплют,
Пол протыкают.
Соседи внизу визжат —
Слезы мои черепа им насквозь прожигают.

А семечки от яблоков
Решил я закопать.
Не надо будет яблоки
На рынке покупать.

Один человек жил боком,
Другой спиной,
А сатана представлялся Богом,
А Бог прикидывался сатаной.

А семечки от яблоков
Решил я растоптать —
Не надо будет яблоки
С веток собирать.

Человек в моей голове поселился,
Двигает мебелью, кашляет и ругается.
Ходит из угла в угол по комнате,
Голова моя из стороны в сторону качается.

Я травлю его спиртом и кодеином,
Выкуриваю гашишем и табаком.
А он опрокидывает на пол ящики с инструментами
И вбивает гвозди в затылок молотком.

■ ■ ■

Солнце заменила луна,
А лес — стена.
Шар превратился в куб,
А храм — в клуб.

Был я ласков, кудряв и мил,
А кто-то взял меня и подменил.
Я — это вовсе не я,
И тень это не моя.
Тех, кого я любил,
И тех, кто меня любили,
Тоже всех подменили.

ЛЮБОВЬ

К. О.

Я влюбился в юный клен,
В ветках его свил домик.
Был красивый и стройный он,
Но ветвистый, и листья с ладони.

Когда засыпали дети,
Я ночью в окно вылезал,
Забирался в развилину веток
И сладко в гнезде засыпал.

Когда-то любил и черемуху,
Но ее ободрали дети.
Пережил из-за этой черемухи
Я тягчайшее горе на свете.

А клен ничего не дает —
Ни цветов, ни слив, ни каштанов.
Мимо отряд пройдет,
Никто на клен и не взглянет.

Я спасался под ним от гроз
(А вся группа сидела в беседке),
Так любил, что в него как бы врос,
Обнимал его тонкие ветки.

Но спилили однажды клен,
Весь в слезах у ствола я бился, —
Врос в решетку в лагере он.
В другое дерево я не влюбился.

Я-Я

Прислали трешку — гонорар.
Я сразу же в сберкассу.
В сберкассе давка, крик, угар,
Пошел я выпить квасу.

За квасом час я простоял,
Большую выпил кружку.
И в злобе дурой обозвал
Какую-то старушку.

Но сам остался дураком.
Зловредная старуха
Меня как хватит кулаком
С размаха прямо в ухо.

Я впал в тоску,
Купил треску,
Иду домой по саду.
Котам бросаю по куску,
Вдруг чую — кто-то сзади.

Как говорится — сел на хвост.
Я выскочил из сада.
Бегу под мост — и он под мост
За мною, вот досада.

— Схвачу его, — решился я, —
Да как хлестну трескою!
Смотрю — а это на меня
Сам я гляжу с тоскою.

■ ■ ■

Стремился я к людям навстречу,
Вижу — бегут они стадом.
И вот эта теплая встреча
Для меня обернулась Адом.

■ ■ ■

Стою и не верю своим глазам —
Мимо меня прошел я сам.

■ ■ ■

Как бумажный пароходик
Среди острых, страшных льдин,
Грозно стиснутый народом,
Я лавирую один.

■ ■ ■

Я жил в сугробах сущих
Среди дикорастущих.

ЧУДНОЙ НАРОД

Из какой-то старой кадки
Вырастают кабачки,
Лезут дыни, как из грядки, —
Желтопузые бочки.

За окном стоят морозы,
На окошке — летний луг.
Снег идет, алеют розы,
Зеленеет в банках лук.

Златокожие лимоны
На большом живом кусте,
В окнах серые вороны
На ветвях, как на шесте.

Помидоры ярко-красные,
Свекла, синий баклажан...
А морозища ужасные,
Прячу руки я в карман.

Каплют с крыши леденцы
По весне в апреле.
На опорах огурцы
Плотные созрели.

Их взрастил овощевод,
Обитатель здешний, —
Уж такой чудной народ,
Несколько поспешный.

■ ■ ■

На нос уселась стрекоза
И смотрит, выпучив глаза.
Через ее фасетки
Я для нее, как в клетке.

■ ■ ■

Стыдно гордиться зрением,
Когда ты среди слепых.
И вот я из невидéния
На свет возвращаю их.
Палку хватаю длинную —
Премудрость невелика.
И по затылку дубиною...
И светлеет башка!
Вот уже все прозрели.
Видят — с дубиною я.
Всей толпой налетели —
И ослепили меня.

■ ■ ■

Всемирное солнцестояние —
Двадцать второй декабрень.
Сумеречное состояние —
Это самый короткий день
Зимнего солнцестояния.
Выйдет часов на пять
И закатится солнце...
Но завтра, но завтра опять
На лето оно повернется!

■ ■ ■

Среди камней живым комком
Ползу один во тьме.
Хоть и свечу я светляком,
Ничто не светит мне.

■ ■ ■

Встало солнце рыжее,
Ничего не вижу я.
В очень яркой светлоте
Слепну я, как в темноте.

■ ■ ■

Не раскрылся почему-то
Новый парашют.
Жить осталось мне в паденье
Несколько минут.

■ ■ ■

Задеваю проволоку ржавую —
Со свистом летит какой-то предмет.
Оторвал бы, конечно, ногу правую,
Да, к счастью, ее уже нет.

■ ■ ■

Отрезок пути заминированного
Прошел я на костылях.
Все равно одна нога ампутирована,
И к смерти прошел страх.

ПОТОП

Сел я в пустой гроб
И совочной лопатой погреб.
Люди цеплялись со всех сторон,
Но я отбился — ведь я не Харон.
Стою на колене, точно в каноэ.
А потоп, как во время Ноя.
Но гроб — отнюдь не ковчег:
Умещается лишь человек.
Да и то если он труп —
Оттого-то с людьми я и груб.

■ ■ ■

В вагоне на тот свет
Сказал мне строгий скелет:
— Гражданин, предъявите билет!
Пошарил я по карманам —
Билета нет.
Даже стало как-то неловко.
— Прошу покинуть трамвай!
Пришлось мне выйти на следующей остановке.

РОДНИК

Я ломом камень отвалил,
И вдруг забил родник.
Я из ключа еще не пил
И к роднику приник.

Вода колючая, как лед.
От первого глотка
Я ощутил как бы полет —
Стал легче мотылька.

И закачалось все вокруг.
Еще один глоток —
И я качнулся на ветру,
Как тоненький цветок.

Мне дальше надо бы идти,
Но стал я вроде камня:
Не отойти, не отползти
Никак от родника мне.

А через миг я вовсе сник
И в воду повалился.
Прохлюпал жалобно родник
И навсегда закрылся.

ТЫКВА

Григорьев Олег ел тыкву
И упал в нее с головой.
Толкнули ногой эту тыкву.
Покатили по мостовой.

Катилась тыква под гору
Километра два или три,
Пока этот самый Григорьев
Не съел ее изнутри.

ВЕЛИКАНЫ

Давид хрупкий и очень хилый
В сравнении с волосатым великаном.
Давид слабый, зато хитрый —
Вложил незаметно в пращу камень.
Раскрутил ремешок и метко кинул —
В лоб попал, лежит Голиаф,
Рот раскрыл, а ноги раскинул,
Дремучую бороду к небу задрав.

Сел Давид, закрылся руками,
Плачет горько и причитает:
— Почему эти бедные великаны
Всегда от маленьких погибают?!

ПРОМЕТЕЙ

Украл у богов факел!
Понес людям свет.
А люди по норам попрятались,
Никого как бы нет.

Только из тьмы камни
Градом летят в меня;
Однако крепко руками
Держу я букет огня.

Людям меня видно,
А мне их нет;
За них мне немножко стыдно,
Ведь несу-то я им свет.

Чтобы грелись от холода,
Готовили дичь и питье,
Не знали болезней и голода, —
Но, видно, напрасно все.

Ползу я, покрыт синяками, —
Идти уже нету сил,
А какой-то большой камень
Вовсе огонь загасил.

■ ■ ■

Крест свой один не сдержал бы я,

Нести помогают пинками друзья.

Ходить же по водам и небесам,

И то, и другое — умею я сам.

ПАРОВОЗ

Физик-фантазер подобный магу
На железную дорогу взгромоздил
С самоваром мощным колымагу,
Чтобы паровоз людей возил.

Смотрят люди и не верят чуду,
Паровоз окутал мощный пар,
И не видят колымагу люди,
Скрылся за клубами самовар.

Топливо сгорело, нету пара.
Встала колымага; суд был крут:
— Эй, быков скорей ведите пару,
Вас они до дома довезут.

Это все фантазии больного,
Колдовство и волхованье, чай!
Эй, ломай железную дорогу,
Самовар вали, пора пить чай!

Так вот двести лет об этом чуде
И не вспоминали после люди.

В ШАНХАЕ

Лечу в Шанхай самолетом
С шанхайцами и шанхайками.
Чтоб не выглядеть идиотом,
Учусь я пищу есть палками.

Ресторан, бумажная аппликация —
Китаец ест копыто коня.
Непритязательная ресторация,
Потянуло туда меня.

Проткнул я устрицу палкой,
А другой запихал ее в рот.
Покинули стол мой шанхаец с шанхайкой —
Все же, видимо, я идиот.

Принесли мне вилку и ложку
(Еще не забыли нас в Шанхае!)
Оставил устриц, заказал окрошку,
Сижу и с хлебом смачно хлебаю.

■ ■ ■

Ненавижу пути я дальние,
Колеса стучат что есть мочи.
И мысли приходят суицидальные —
Особенно среди ночи.

■ ■ ■

Столько я раз умирал,
Что, если бы меня жена хоронила,
А я бы вновь всякий раз воскресал, —
Была бы большая братская могила.

■ ■ ■

Какой трамвай везет на тот свет?
— Колеса любого, — сказал я в ответ.

■ ■ ■

Я умер от варенья.
Наконец пришло-таки
Умиротворенье.

МУМИЕ

Сижу на высокой горе я,
Ноги в горячем источнике грея.
Подходит рыжий
С килой или грыжей.
— Вот это мумие
Мое!
— Какое еще мумие?
— Да вот эта ржавая жижа. —
И плюх в лужу, пакостью брызжа,
Поплавал в вонючей жиже —
Была грыжа — и нет грыжи.
Сунул я в жижу ногу рахитичную,
А вынул почти античную.

■ ■ ■

Урод с ногой рахитической
Хвастал обувью ортопедической.

■ ■ ■

Были тяжкие роды,
Человек о кровать головою бился.
Вот вам и дуализм природы:
Один умер — другой родился!

ЗВЕЗДЫ

Текут в поднебесье звездные реки.
Очень красиво... Это да!
Однако холодно быть человеком,
Если ты сам среди звезд не звезда.

ВОЛЧОК

Ездил в Вышний Волочек,
Заводной купил волчок.
Дома, лежа на полу,
Я кручу свою юлу.
Раньше жил один я, воя,
А теперь мы воем двое.

■ ■ ■

Бегу по траве и падаю я.
А трава шумит, как горит.
Лежу и слушаю, как земля
Внутри себя говорит.

ДИЧЬ

Вторглась в дикую природу
Из машин толпа народу,
Выбили из Флоры дичь,
Фауну повергли в дичь.

Слили в речку хлоропрену,
Рыбу вытравили к хрену,
После вылили мазут,
Раки на́ берег ползут.

■ ■ ■

Купил я прибор оптический,
Расшифровал свой код генетический.

По этому самому коду —
Нет мне в обществе ходу.

Хлопнул я громко дверями —
Отправился жить со зверями.

■ ■ ■

Люди куда-то стоят
Прямо, потом назад,
В подворотню, сквозь дом,
В угол и снова кругом.

Мы проверили с другом:
Ни лавки, ни продавца.
Люди просто стоят друг за другом —
Без начала и без конца.

■ ■ ■

Я долетел до неба,
Однако на небе нет хлеба.
Пока до небес добирался,
Очень проголодался.
Пришлось опять опускаться,
Чтоб наверху не скончаться.

■ ■ ■

Иду я среди голодных
И кушаю хлеб с ветчиной.
И каждый — кто мило, кто злобно —
Здоровается со мной.

А хлеба осталось уж мало,
Последний кусок проглотил —
И сразу меня как не стало,
Как будто я вовсе не жил.

■ ■ ■

Жил в моей жизни жилец
Совсем на меня непохожий.
Когда пришел мне конец,
Стал жить он в моей коже.

■ ■ ■

Цель жизни — умереть, не страдая.
Формула очень емкая
И в то же время простая.

■ ■ ■

Человек — это такая природа:
В каждом человеке много народа,
А здоровье — это его погода.

■ ■ ■

То, что меня любило,
Больше всего и било.
А то, что я сам любил,
То и вовсе убил.

■ ■ ■

Пробил асфальт цветок
И выглянул на свет.
Но кованый сапог
Усилья свел на нет!

ТАНКИ

Писал японские танки
О небе, о детстве счастливом.
Прошли под окошком танки
Прямо по вишням и сливам.
Когда громыхают танки,
Не звучат японские танки.

■ ■ ■

Глаза безглазы и лица безлики
После прихода военной клики.

■ ■ ■

Раскрылись глаза в глазах.
Вся голова в слезах.

■ ■ ■

Бомба упала, и город упал,
Над городом гриб поднимается.
Бежит ребенок, спотыкаясь о черепа,
Которые ему улыбаются.

■ ■ ■

Мясник Сизов, бычью тушу рубя,
Повернулся как-то неловко
И захлопнул навек себя
В холодильную установку.

Почти через тысячу лет
Оттаял мясник Сизов,
Глядит: ничего кругом нет —
Ни скота, ни людей, ни домов.

■ ■ ■

**К гильотинам и плахам,
К виселицам и бойням
Люди двигались страхом,
Однако вполне добровольно.**

... Можно мыслить понятиями и словами,
А можно кубами, шарами и даже мирами.

■ ■ ■

Ощупаешь живот — и остро печень
Отдаст, как бы пробитая гвоздем.
А за окном июльский теплый вечер
И девушка босая под дождем.

■ ■ ■

Пляж давно опустел,
Дождь идет проливной,
Лежат отпечатки тел,
Заполненные водой.

■ ■ ■

Растянули меня на панели.
Раздели, ударили в глаз.
Разом все сошлись параллели
Бесконечное множество раз.

От одного удара резкого
Я понял всего Лобачевского.

КУБ, ШАР, ЦИЛИНДР

Е. Р.

Жил художник-кубист в комнатухе.
— Куб, шар, цилиндр. —
Продал картину, купил бормотухи
Десять литров и еще литр.

Пригласил поэтов, писателей,
— Куб, цилиндр, шар. —
Передрались, уснули приятели,
В комнате вышел пожар.

Утром белые санитары
Выносили за трупом труп.
Все забрали, в углу лишь оставили
Шар, цилиндр, куб.

МИНУТА

— Минута, минута, минута!
Хватайте ее, она тут.
Ловили, ловили эту минуту,
Потеряли сотню минут.
— Где ты, минута? — Да тут я.
— А мы тебя не нашли.
— А вы за мной почему-то
В обратную сторону шли.

...Один человек доказал, что земля — это куб.
А другой умер от прикосновения детских губ!

ЭПИТАФИИ

1

Залез я в чужой улей.
Здесь покоюсь, сраженный пулей.

2

Никто не ссорился со мной,
Убит я пулею шальной.

3

Имел я невесту прекрасную,
Зарезан бритвою безопасною.

4

Был я бабник отъявленный.
Здесь покоюсь, женою отравленный.

5

Ночью шел по большой дороге,
Здесь навеки отбросил ноги.

6

Украл я чужое корыто,
Здесь навеки отбросил копыта.

7 (братская комсомольская)

Колхозниц тискали с ребятами,
Лежим изрублены лопатами.

8

Имел я невесту прекрасную,
Зарезали бритвой опасною.

9

Расчищали путь поколеньям,
Уподобили нас поленьям.

10

Писал я детские книжки,
Забили насмерть детишки.

■ ■ ■

Случайно я жил в этом веке,
Случайно, однако отчаянно,
Потому что кругом человеки
Жили тут не случайно.

НА ОТШИБЕ

На отшибе, неприличный,
Здесь за Пряжкою-рекой,
Сумасшедший дом кирпичный
Нарушает мой покой.

За высокою стеною
В стороне от глаз людских
Вдруг взрывается порою
Хохот тяжелобольных.

В пиджаках, в штанах суровых
Сумасшедшие сидят.
Ну, а если ты здоровый —
Это просто сущий ад.

Визги, горькие метанья,
Как на бойне рев коров,
Индюшачьи бормотанья,
Бесконечный женский рев.

Хармс погиб в пустыне этой,
В склеп живых сюда сойдя,
Живописцы и поэты...
Вот сподобился и я.

За высокою стеною,
Как бессмысленный кураж,
Вдруг взрывается порою
Невеселый хохот наш.

ПЬЕДЕСТАЛ

Стоит гранитный пьедестал —
Здесь будет монумент.
Я ловко — прыг, и в позу встал.
Меня низвергнул мент.
Оштрафовал на сто рублей,
А где я их достану?
На пьедестале мне, ей-ей,
Стоять не по карману.

■ ■ ■

Кто-то не поленился —
Бросил кирпич в монумент.
От героя отбился
Самый важный фрагмент.

■ ■ ■

Родился я голым
И был захоронен гол.
В могилу мою вогнали
Огромный осиновый кол.

Кол занесен был метелью
И вдруг зацвел по весне.
И вот, как мать над моей колыбелью,
Что-то ласково шепчет листьями мне.

ДОМ

Конюшня — дом коня,
Коровник — дом коровы,
Так почему же я
Без дома и без крова?

Поэт ты, а не конь,
Ты БОМЖ, а не корова,
Везде под небом дом...
А ты желаешь крова?

Да, в летнюю жару
Мне дом не очень нужен,
Под елкой я живу,
Другое дело — в стужу.

Иметь бы под собой
Тюфяк, набитый ватой,
А над собой другой,
А то холодновато.

В костях гудит артрит,
Хребет согнули годы!
А печень так болит,
Что мне не до природы.

Как жаль, что я не конь,
Поэт, а не корова.
Везде как будто дом.
Да нет ни стен, ни крова.

НА СМЕРТЬ СТРИЖА

Хоть у плохого, да поэта
В руках уснула птица эта,
Нельзя на землю нам спускаться,
На землю сел — и не подняться.

Ты прилетел из дальних стран
Домой, веселый стриж.
Ты видел Тихий океан,
И Лондон, и Париж.

И вот вернулся в Ленинград,
На родину свою.
Стрижи кричат, а я не рад —
На берегу стою.

Сломал ты крылышко, увы! —
О столб на берегу Невы.

А над рекой стрижи кружат,
Как дети, радостно визжат.

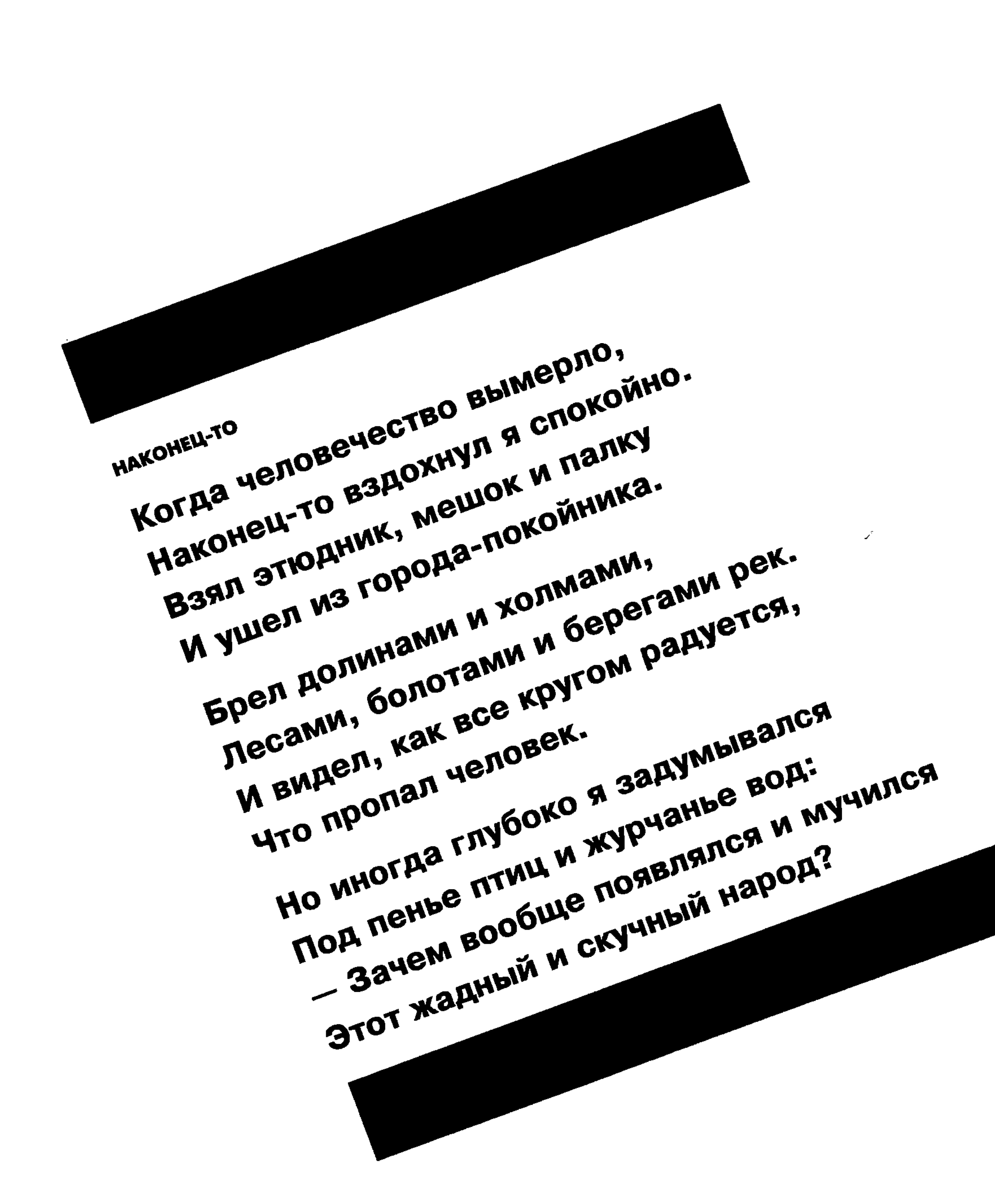
К себе домой из дальних стран
Спешила эта птица
Через пески и океан,
Чтоб дома ей разбиться.

Стриж на землю не садится, —
Не земная эта птица.

Стриж отряда длиннокрылых
Навсегда закрыл их.

■ ■ ■

**Смерть прекрасна и так же легка,
Как выход из куколки мотылька.**

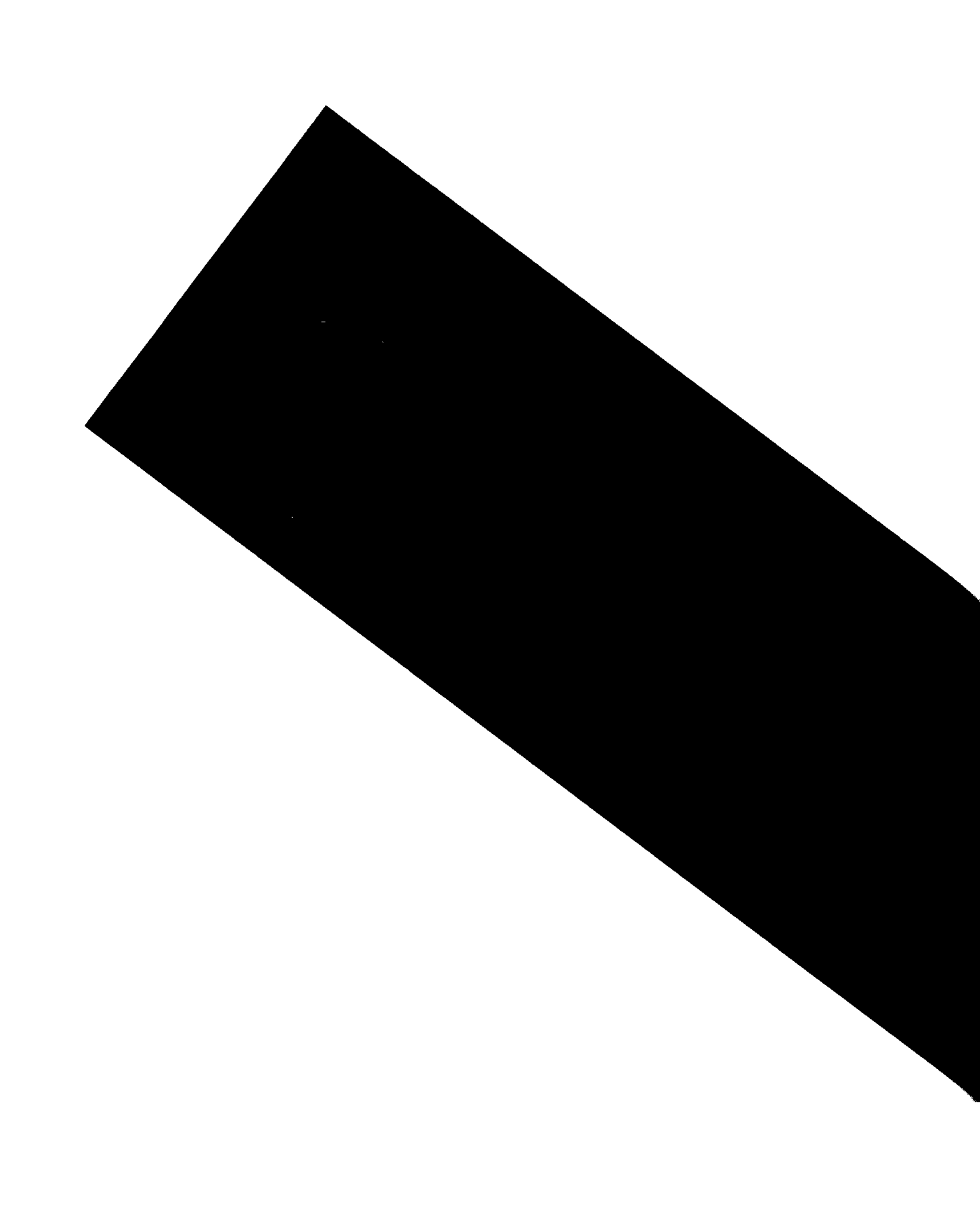

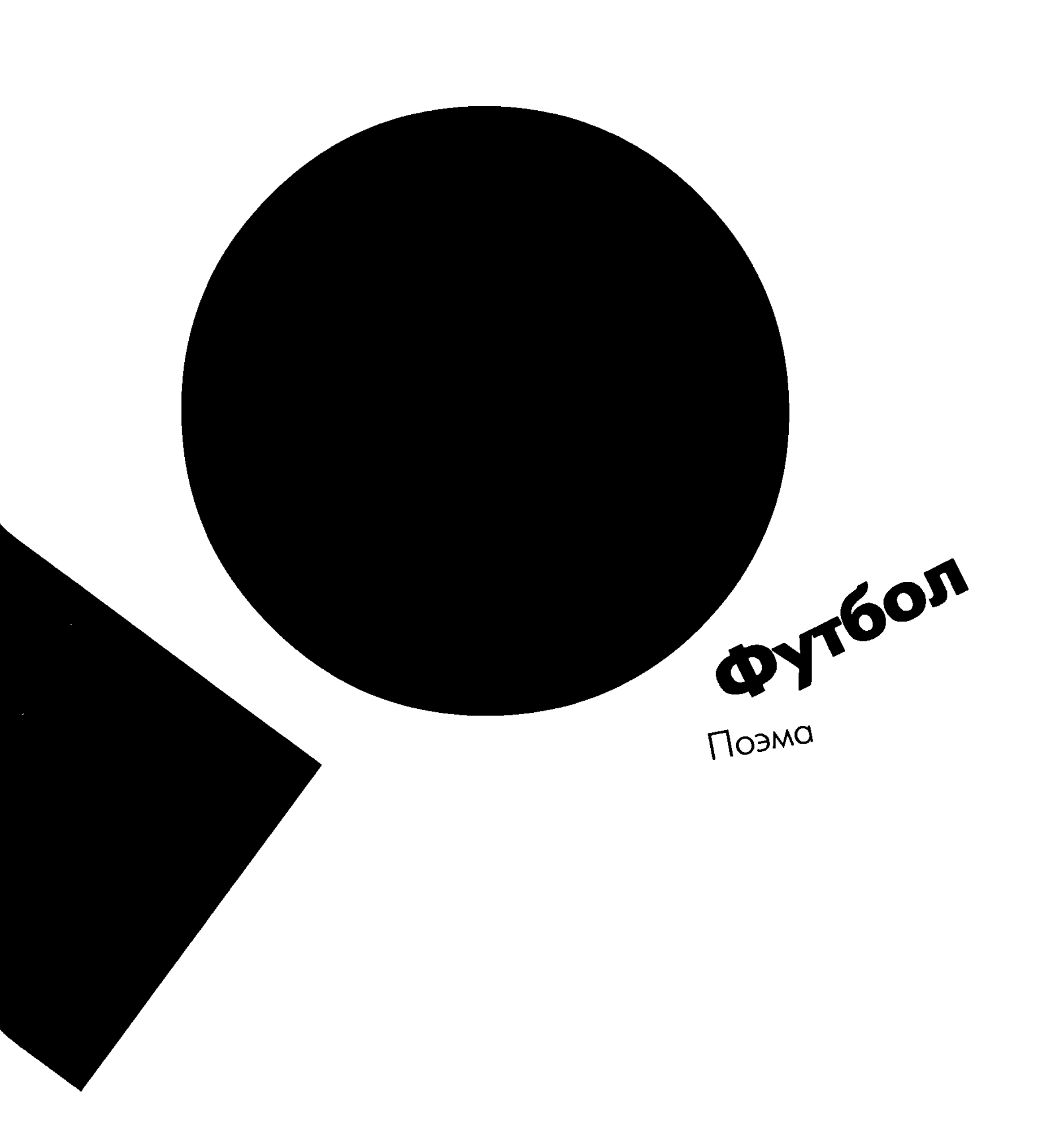
НАКОНЕЦ-ТО

Когда человечество вымерло,
Наконец-то вздохнул я спокойно.
Взял этюдник, мешок и палку
И ушел из города-покойника.

Брел долинами и холмами,
Лесами, болотами и берегами рек.
И видел, как все кругом радуется,
Что пропал человек.

Но иногда глубоко я задумывался
Под пенье птиц и журчанье вод:
— Зачем вообще появлялся и мучился
Этот жадный и скучный народ?

Футбол

Поэма

Посвящается Диего Армандо Марадоне

Фут налево — фут направо,
Пас вперед и в сетке бол,
Не убавил, не прибавил;
Вот он — истинный футбол.

Сквозь защиту парень рвется
Может, будущий Пеле...
Жаль, сшивать его придется
Под морфином на столе.

Сделал стоп хавбеку стоппер,
Хав лежит. Тут нужен опер.
Как уделали Круиффа,
Разберется только ФИФА.

Марадоны резвый бег
Останавливает бек.
Марадону валят с ног,
Он кривляется, контужен:
Чем талантливей игрок,
Тем ему, понятно, хуже.

Дознается ИНТЕРПОЛ,
Кулаком ли вбил он гол?
Вышел нá поле Пеле:
Глянул впра — пошел нале,
Шел нале — ударил впра.
В сетке брешь, как от ядра.

Бесподобный Пауло Росси
Как траву защиту косит.
Человек этот опасный:
По-латыни Росси — красный.

Это Круифф создает
У ворот водоворот.
Джалма Сантос — акробат:
Сел в подкате на шпагат.

От удара Ривелино
Штанга лопается вдруг,
И летят две половины —
Та на запад, та на юг.

С шеи крест срывает Бест
И в припадке землю ест.
Вновь забить не удалось:
Бест разыгрывает злость.

Апеллируя к трибунам,
Бакенбарды Жора рвет,
Негодует, в общем, бурно,
Эпатируя народ.

Если Бест права качает,
То болельщик не скучает
(Все ж его таланта жалко —
Весь растрачен в перепалках).

Блохину поддели ногу,
Но вотще взывал он к Богу.
Думали, что опочил.
Но свисток — и он вскочил.

Знаменитый Рейсенбринк
Странный делает хет-трик.
Ну хоть смейся, хоть реви, —
Гол в чужие, два в свои.

Залепил испанец Хенто
Мяч в фотокорреспондента.
Улетает аппарат
Далеко на верхний ряд.

Прямо с аута в ворота
Умудрился бросить кто-то!
Это Шнеллингер, атлет, —
Мяч забил, а гола нет.
Долго рефери гадали,
Все же мяч не засчитали.
Не заметили, а зря:
Мяч коснулся вратаря.

Помню гол феноменальный:
В продолжении свистка
Дал судья свисток финальный —
Пнул Пеле издалека,
И пока звучал свисток,
Мяч спокойно в сетку лег.
Всю планету, как Атлант,
Сдвинул «Черный бриллиант».

Если в поле Платини,
Лучше время не тяни.
Нет подобных геометров:
Мяч вбивает за сто метров.
Как бы держится в тени
И сплетает паутину.
Стенка что для Платини —
Для него нужна плотина.

Бьет Герд Мюллер с разворота —
Выдающийся игрок.
Бил назад, а мяч в воротах!
Вот уж истинный волчок.
Пяткой гол забил! Ура!..
Где ж родилась та игра?

Выдвигалось версий много,
Но, наверно, вот в чем суть:
Человечек встал на ноги,
Сразу надо что-то пнуть —
Репу, мышку, колобок...
Коротал, наверно, Бог
С молодым Адамом время,
Поддавая мяч в Эдеме.

В Древней Греции играли
Дутым бычьим пузырем,
Черепа врагов вгоняли
В городских ворот проем.
Или в местности открытой
Воздвигались ворота;
У ворот стеной защита,
На воротах страж — вратарь:
Щит налево, мяч направо,
Страж лежит. В воротах мяч.
Кто мощнее, тот и правый,
Побежденный — тот хоть плачь.

Футболистам за успехи
Подносились в дар доспехи.

В царстве Хань до нашей эры
Был футбол — игра Чжу-Кень;
Футболисты-пионеры
Мяч гоняли целый день.
Мячик — Ке, а Чжу — удар:
В город с поля пыль и пар.
Кто закатит мяч в ворота,
Тем кратéры — знак почета!
Проигравших ждала порка,
А затем ворот разборка.
Был футбол тогда раскован,
Хоть в доспехи и закован,
Как сейчас непринужденным,
Все же — горе побежденным!

Тот футбол, который есть,
За него британцам честь.
Как ни странно, все законы
Где, когда и как играть,
Четко вывели масоны —
Не игра, а благодать!
Это — радость, это — слезы,
Покорил футбол весь мир,
Кубки, пули, лавры, слезы
И эмоций целый мир.

И не странно, что в футбол
Заиграл вдруг женский пол.

Подается угловой.
Мяч дугой влетает в сетку,
Вот что значит «лист сухой»,
Но «листом» владеет редкий.

Изобрел его Гарринча:
Косолап, неудержим...
Жаль, устроили суд Линча
Прямо на поле над ним.
Стала левая ударная
Параллелепипедарная.
По страховке, правда, он
Получил свой миллион.

Все же верх взял Марадона:
Полноги — три миллиона.

От Скуадры, от Адзуры
Ждут всегда большой культуры...
А Адзура, а Скуадра
Мечет мячики, как ядра.

Головой забить в паденьи
Вздумал центр нападенья.
Для француза та минута
Оказалась роковой:
Изогнулся форвард круто,
Мяч прошел над головой.
Локоть выставил Шумахер —
Срезал скальп, как парикмахер.
Прослезился стадион,
Будто каждый съел лимон.

Гром и молния из туч,
Будто там военный путч;
Дождь и град, трибуны стонут:
Прекратить пора футбол,
Игроки по горло тонут:
Начинайте ватерпол!
Поле вспахано, как пашня:
День обычный сентября.
В общей схватке рукопашной
Закопали вратаря.
Шел болельщик на спектакль,
А попал он на миракль.
Полетели в грязь подушки —
Да-а, игра совсем плоха,
Громыхнуть пора из пушки,
Зря пустили петуха.

Игроки резину тянут,
А трибуны тамбуринят,
И тамтамят, и тимпанят,
Барабан был кем-то кинут.
В морг отправлен правый крайний,
Этот случай, правда, крайний.

Бьют с двух метров по воротам —
Мячик в небо полетел.
Стадион, подобно сотам,
Возмущенно загудел.
(Есть, конечно, и такого
Мастера «листа сухого».)

Среди хохота и слез
Можно втиснуть список звезд:
Кавалеров не меча
А футбольного мяча.

Помню был Копа — француз...
Но первейший — сэр Мэтьюз,
До пятидесяти лет
Был в расцвете лорд-атлет.
Он, пожалуй, самый старый
Патриарх из суперстаров.

Без Эйсейбио с Мозамбика
Список выглядел бы дико.
(Жаль, в лепешку разутюжена
Эта «Черная жемчужина».)

Чарльтон, Альберт, Бест, Ривера
И Герд Мюллер беспримерный,
Яшин, Лоу, Массопуст —
И без них тот список пуст.
Киган, Росси, Румmenиге,
Наш Блохин в почетной книге.
Бекенбауэр, Сименсе —
Да и то еще не все.
И, конечно, без Стефано
Закрывать тот список рано.
Платини́, Плати́ни, Пла́ти...
Трижды к ряду, может, хватит.
Вот и новый ас готов —
Русский Игорь Бе-ла-нофф.

Были звезды и получше,
В спорте слава — дело случая.
Остальные — аргентинцы,
Уругвайцы и бразильцы.
Но у них свои законы,
Там уж, надо полагать,
Первым будет Марадона
Лет еще, наверно, пять.

С малых лет американцы
Темповые пляшут танцы.
Футболистов там немало,
«Чемпионов карнавала».

И не только Аргентина —
Вся Америка Латина
В жесткий спорт приносит радость:
В этом сила их и слабость.

Гениальные бразильцы
Закрутили карусели,
Не постигли джиу-джицы —
Вот и снова в лужу сели.

Артистичные ребятки
Все играли, хохоча,
Мячик в цель летел от пятки,
От затылка, от плеча.
Танцевали как бы самбу,
А на них с приемом самбо,
Игровой постигли юмор,
А их тренер в кресле умер.
Нынче классный футболист
Должен быть каратеист:

Локоть — влево, локоть — вправо,
В пах — колено, в сетке — бол.
Вывих, снос, нокаут, травма —
Вот такой пошел футбол.

Строят стенку у ворот,
Их — назад, они — вперед.
Приросли к плечу плеча.
Крепко сдвинуты коленки.
Стенку двигать от мяча —
Это вам не мяч от стенки.

Что не могут лошадья,
То пытается судья.

Задыхаться было начал
Забетоненный футбол,
Но голландцы «каттеначио»
Сокрушили, и вошел
В этот мир футбол тотальный,
Пережив момент летальный.

Круифф, Неескенс, Рейсенбринк —
Это в душной давке крик,
Как цветы в сухой траве,
Расцвели в футбольном мире:
Заменили дубль-ве
На четыре-два-четыре.
И теперь в почете стал
Футболист-универсал!

Ты и левый, ты и правый,
Ты и пешка, и ладья,
Ты и в центре, ты и с краю,
Ну и сам себе судья.

Один-над-цати-метровый
Не влезает в этот стих,
Все равно момент суровый —
Стадион на миг притих.
Вышел малый зело крепкий,
Не моргнув, в девятку бьет,
Но голкипер в серой кепке
Чудом мячик достает.

Рухнул он монументально
И очнулся моментально.
Кто же бросился, как лев?
Ну, конечно, это Лев.
На воротах если Яшин,
То пенальти нам не страшен!

Вездесущий Марадона
Редкой стати и красы,
Да, красив, как примадонна, —
Хвать Диегу за трусы:
Он бежит к воротам, гол, —
Гол, а в сетке все же гол.
Стал плясать в воротах тангу —
А его лицом об штангу.
Перешел с танго на румбу —
А его лицом о тумбу.
Даже на телеэкране
Завлекает, как гипноз,

Бог живой, а тоже ранен —
Вправо рот, налево нос.
Нос нале, а челюсть впра,
От мяча в сети дыра.

Марадону смело можно
В поле сравнивать с Пеле:
Тот как куб, и этот тоже
Пуп футбольный на земле.
А сравнить по славе если,
То с Битлами или с Пресли.
С Мохамедом можно тоже —
Мяч вбивал и кулаком,
Но Мохамед темнокожий
И давно сошел притом.
Да, хорош он, нету слов.
Но забьет ли Марадона
Больше тысячи голов?
Если да — его корона.

Величайшая награда —
Гол. Других наград не надо.
Гол — эссенция футбола,
Хоть в игре всего лишь штрих.
Марадона после гола
Убегает от своих:
А не то в экстазе счастья
Расхватают на запчасти.
Да, таков он нá поле,
Жаль, что где-то в «Наполи».

До него почти все асы.
Были в поле папуасы.

Все футбольные гиганты
Что-то ростом маловаты,
Волосаты, бородаты,
А по форме все — квадраты.
Был Гарринча хромоног,
А Гердт Мюллер кривоног,
Ноги Беста — два крючочка,
А Пеле — тот вовсе бочка,
Уве Зеелер — колобок,
Чарльтон — лыс и кособок,
Вот и наш Диего тож
И квадратен, а хорош!

Тактик, техник филигранный,
Аналитик многогранный,
Хорошо, что аналитик
(А вот Бене — паралитик).

Виртуозов было много:
Киган, Бест, Диди, Вава,
Но у тех в игре лишь ноги,
У Диего — голова!

К сожаленью, слишком мало
В поле интеллектуалов:
Бекенбауэр, ди Стефано,
Наш Стрельцов, сошедший рано,
Герсон, Джачич, Чарльтон Боб —
Вот, пожалуй что, и стоп.
Ноги думают, увы,
Много лучше головы.

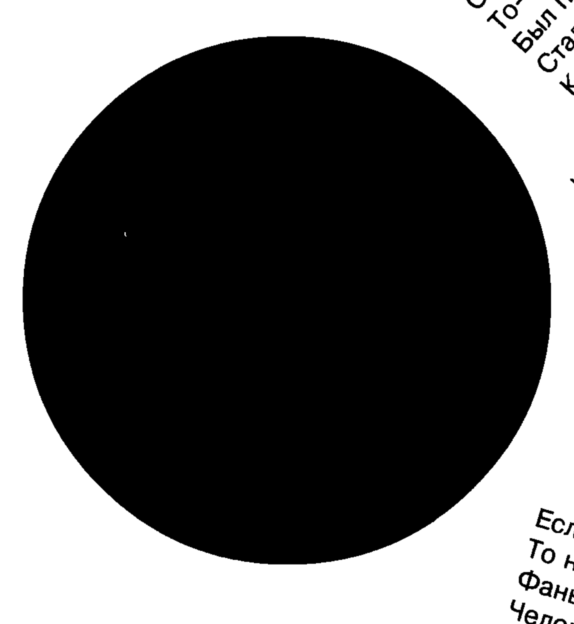
Тут калека, там калека,
Свалка вышла у ворот.
Выбегает с сумкой лекарь,
В сумке скальпель, вата, йод.
Чья нога? Кого лечить?
Где Диего, Бреме, Бригель?
Это все изобразить
Может только Питер Брейгель:
Вся футбольная элита
На траве лежит побита,
И площадка стадионная
Стала операционная.

Вверх подали угловой,
Бить удобно головой,
Но расчетливый голкипер
На прыжке колено выпер —
И слегка звезде в поддых:
Хватит парень — передых.
Ведь ему плевать стократ,
Что Сократес? Хоть Сократ...

Под шумок снесли хавбека —
С год уж точно он калека.
Хант влетел в ворота с треском.
Ну сейчас он на подвесках.
Пушкаш, Альберт, Бонек, Лях —
Ходят все на костылях.

Вот на радость злым ребятам
Номер три столкнулся с пятым:
Пятый номер
Вскоре помер,
Третий нумер
Тоже умер.

Вот на радость дуракам
Бьют кого-то по ногам.
Вот на счастье идиотам
Лоб разбил об стенку кто-то,
И садистам в наслажденье
Он раздавлен при паденьи.
То-то радости кретинам:
Был плюгав — очнулся длинным,
Стала правая ударная
К левой перпендикулярная.

Хав не прав, он драку начал,
Нам судья штрафной назначил.
Тут фанаты-психопаты,
Горлопаня что есть мочи,
Заряжают автоматы
И судью на месте мочат.
Стадион на миг притих:
Подстрелили двух своих.
Это вовсе непорядок —
Грустный вызвал он осадок.

Если в поле «Ливерпуль»,
То не надо тратить пуль.
Фаны кончили на месте
Человек примерно двести.

Всех убили, но ведь это
Нарушенье этикета.
Бе-бе-бедные тифози
Шли болеть — почили в бозе.
Это траур, это горе.
Что ж всегда — мементо мори
(Минута молчания).
Но припомнится все это:
Пострашней грядет вендетта!

Игроки сыграли в кость —
Прилегли надолго оба.
Хороша в футболе злость,
Злость, конечно, но не злоба.
Провинились обоюдно.
Кость вправлять же очень трудно.

Кто-то рядом говорит:
— Я болею за «Зенит»
— А тебя я говорю,
Что болею за «Зарю».

Вот болельщик ЦСКА
Бьет фаната «Спартака».

Полетели вниз бутылки,
Закрывай свои затылки,
Хорошо, на этот раз
Я принес с собою таз.
Кто-то в секцию вторую
Бросил шашку дымовую.
Хорошо, я в этот раз
Прихватил противогаз.

От ворот и до ворот
Лева Яшин в сетку бьет.
Как в поленнице поленья,
Все лежат от удивленья.
Да, удар был тот жесток...
Проглотил судья свисток.

Чтобы выразить все сразу,
Кулаком я бью по тазу.

Я фанатик «Спартака»,
Но подводит он пока.
Нам, фанатам, от ворот
В полном смысле поворот:
Как в тюрьме — у входа — шмон,
«Малыша» нашли — и вон!
Видят: бело-голубой —
И привет! Иди домой.

Снова нашим футболистам
Далеко до финалистов.
Да, чего таить греха —
Наша сборная плоха:
Вроде все играют дружно,
Но не весело, натужно.

— Да, плоха, а все же наша,
Вот когда был Лева Яшин...
— Не родилось молодца
Лучше Эдика Стрельца!
Всю защиту протаранит,
Никого притом не ранит.
Мощный Эдика рывок
Удержать никто не мог.
Разговор с мячом короткий —
Гол вбивал прямой наводкой.

— А я помню, был Бутусов,
Вот уж мощью обладал —
Бил мячи он, как арбузы,
Сетки рвал, столбы ломал,
Раз Бутусов выдал свечку,
Запрещенную, ногой —
Мячик с неба ждали вечность,
После вбросили другой.
У косматых англичан
Вратарем был обезьян.
Штрафняка ударил Миша,
Шимпанзе лежит, не дышит.
Мячик пнул за боковую,
Все легли на боковую.

— Да, а Всеволод Бобров
С ног валил мячом коров...

Впрочем, это только шутки,
Но удар его был жуткий —
Вряд ли он кого убил:
Ведь пенальти и штрафные
Вовсе Всеволод не бил.
Хоккеистом был отменным
И боксером наш спортсмен,
Бить лишь в каменные стены
Мог бы этот джентльмен.
Югославам вбил Бобров
В три минуты пять голов,
Не толкаясь, не грубя,

Бил он влет, через себя.
— А Дементьев! Ну и сила!
Как давно все это было...
— А Воронин, Сабо, Нетто
(Игроков таких уж нету)...
— Месхи, Старостин, Федотов
(От футбола Дон Кихотов)...
Карцев, Хомич, Метревели
Бесподобны, в самом деле,
Подняло их выше тучи,
И с небес — плашмя о кручи.
Те почили, эти спились,
Все как в Лету провалились —
Миша, Эдик, Леня, Слава
(Коротка в футболе слава).
Лев играл подобно Богу,
А ему отняли ногу.
Ты от травмы стал урод:
Даже двор не признает —
Ни поклонник, ни поклонница
Не узнают, не поклонятся.
С бормотухой из парадной
Дворник выметет злорадный.
Прачки выкупают в прачке.
Где купюр тугие пачки?
Было — перепокупали,
А теперь вот искупали,
Да... не то стекало мыло...
Как давно все это было...

Стадионы брали с бою —
Негде яблоку упасть.
Игроков везли с конвоем —
На «Спартак» и не попасть.
Все кричат: «Судью на мыло!
В жернова, на порошок!..»
На игру с собой тащили
Водки чуть ли не мешок.

Мужики играли в поле —
Корчей не было от боли,
И трибуну уважали:
Вышли в поле — так ИГРАЛИ!

За один однажды матч
Вбили двадцать один мяч.
Семь — шестнадцать пораженье
Никому не в удивленье.
Если травма, то без плача,
И не чмокались взасос,
А случалась неудача,
То без жалоб и без слез.

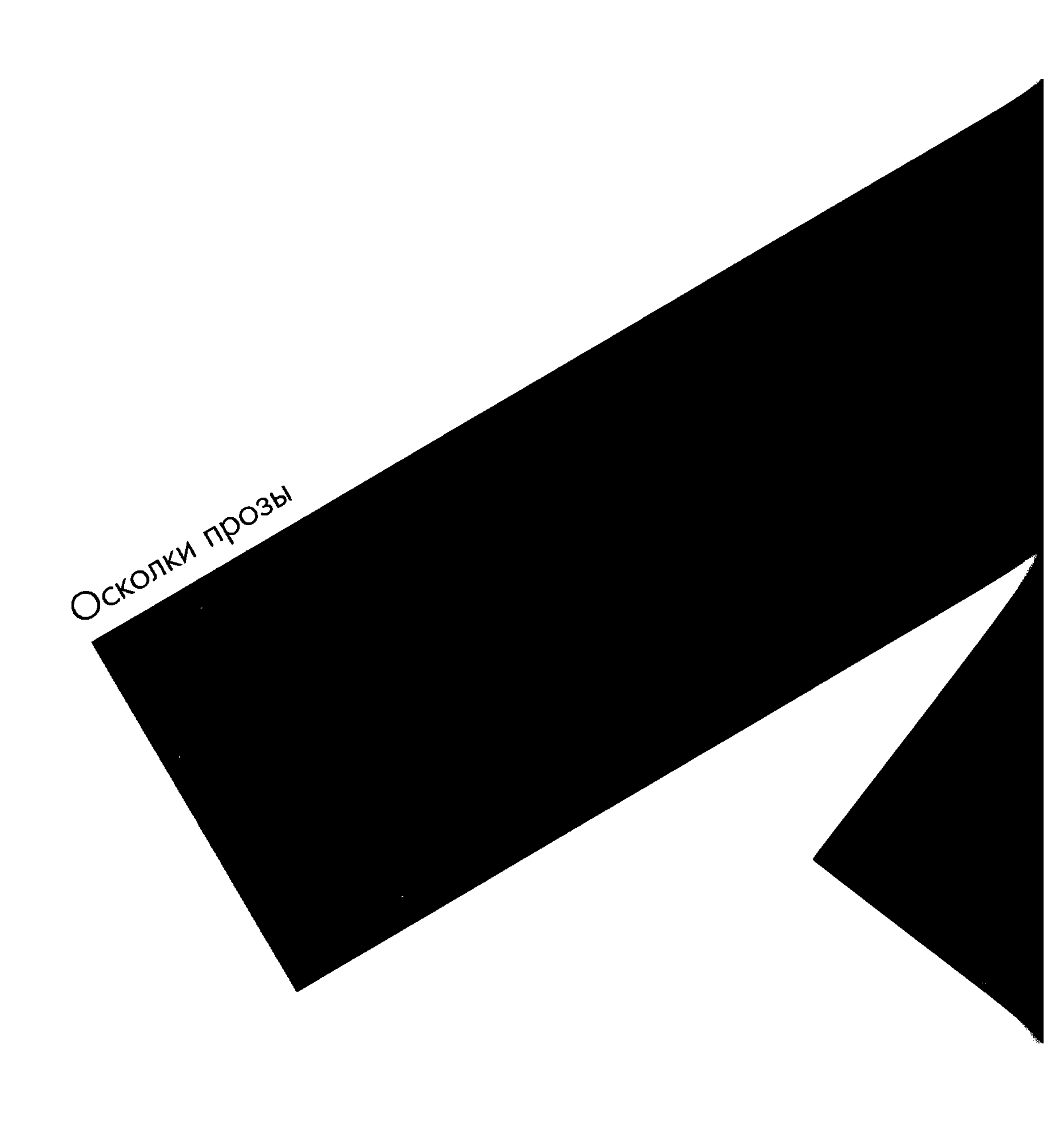
Вышли женщины на поле...
Если дальше так пойдет,
То на смешанном футболе
Сполигамится народ —
Тех, кто будет забивать,
С поля — сразу на кровать.
А пойдут когда детишки, —
То в загольные мальчишки.

Застоялый нынче кризис —
В смысле зрителя — настал.
Да, футбол, конечно, вырос,
Интерес, увы, пропал.
У команд финансы тают,
Стадион забит на треть,
Ведь футбол предпочитают
Все по телику смотреть.

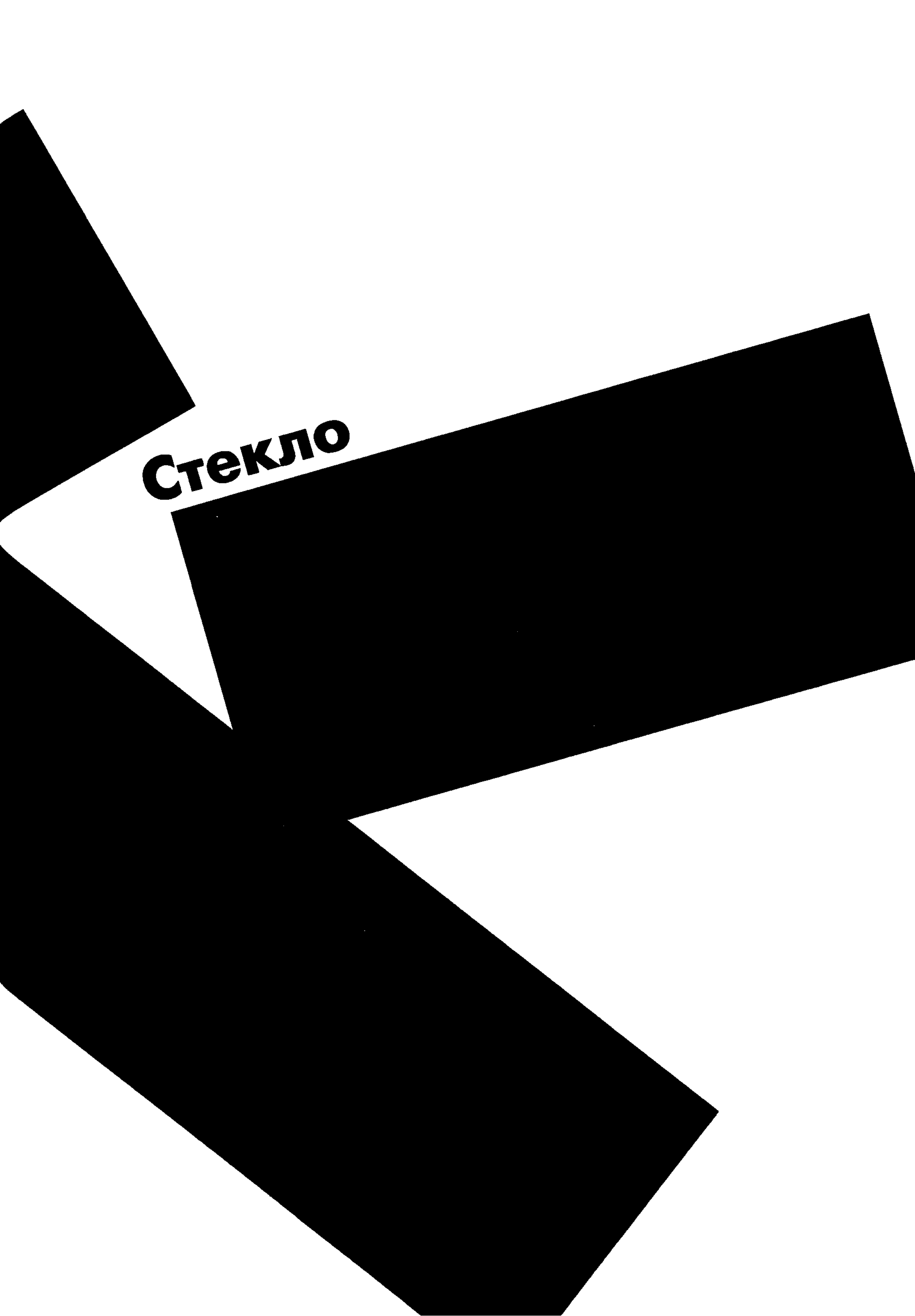
Фут в ворота, в небо бол.
Вот такой теперь футбол...

Стадион дрожит от стона —
Это в поле Марадона!
Может, он спасет футбол?
Марадона — ЭТО ГОЛ!!!

1986

Осколки прозы

Стекло

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ
(Рассказ детеныша)

Только спать легли, а уже подъем, даже сон чем кончается, не увидел. Ой, как спать хочется, даже глаза склеились: завернуться в клубочек и сон про себя досматривать. А с тебя уже одеяло колючее стягивают, чтобы холодно тебе спящему было, и за пятки больно щекотятся.

— Кхи-ты-чхи! — вот и чихнул. Утром всегда так чихается, потому что солнце в нос через стекло разбитое светит. Вон как в носу свистит, даже сопли качаются.

А Ленька-какун уже ботинки напялил. И смотрят его ботинки в разные стороны, не на те ноги напялены потому что. Шнурки болтаются, и лямка висит, а рубаха шиворот-навыворот одета — значит, снова Леньку бить будут, всегда его кто-нибудь душит, вот и сейчас тоже.

Наступил Ленька на шнурок и — шлеп животом, как лягушка. Поднялся, а тут ему на лямку встали, и опять на полу лягушачий шлеп послышался.

А на нем уже Юрка-злодей сидит. Потянул его за рот — чуть губа не оторвалась, потому что мягкая. А Ленька его схватил за ухо резиновое, растянулось оно, а потом на место стрельнуло, дрожит теперь. Тогда Юрка за живот его душить начал, так что сопли пошли.

Ну их. Я быстренько сандали одел и к умывальнику отправился. Здесь воспитатели чистить зубы нас заставляют, для этого щетки волосатые выдают.

А зачем зубы чистить? Все равно они скоро выпадут, и заместо них другие вырастут. Вот те и надо чистить. У меня уже вырос один такой, а другие еще шатаются. Буду его одного чистить. Ух ты, паста какая вкусная! Вначале съем одного червяка, а другого на щетку можно. Мухи из умывальника льются. Куда они только не забираются, эти мухи. В нос забираются и в уши дырявые. Сидит одна и поет в моем

ухе, а уходить не собирается. Но я гвоздем ее оттуда вытащил, который здесь заместо вешалки всем глаза царапает. Не воткну его обратно, в трусы воткну. Пускай как сабля острая на боку висит, пригодится потом, наверно.

А мухи все льются и льются. Не буду я умываться мухами, мыльные пузыри делать буду. Вон какие большие летают, только плохо, что мухи на них натыкаются. Все пузыри мои так полопались. Оторвал я за это одной мухе голову, а она и без головы полетела, вредная. Я ее чуть в нос не проглотил. Всякие на свете мухи бывают: жужжащие, кусающие или просто летают которые. И никуда от них не спрячешься. Даже по завтраку нашему ходят. Завтрак — это не потому что завтра, так бы он сегодником назывался. Но его все равно называют завтраком. Значит, сегодня это уже завтра, а завтра послезавтрашним будет. Но и тогда по завтраку мухи ходить не перестанут. Всегда они будут жужжать и в кашу садиться.

Кашу на стол принесли. Некрасивая каша, в точках вся и вареньем обмазана, чтобы есть ее было можно.

Варенье я сразу же языком слизал, так что мухи теперь на губы перескочили.

Невкусная мне каша попалась. У Юрки вкусная, вот он ее и лопает. А я лопать не буду. Меня заставляют, а я все равно же не буду. Не хочу я кашу, значит, и есть не могу. Эту машу канную, кашу-ка — и слово-то какое непонятное, совсем его без варенья не интересно есть. Шлепать надо по нему ложкой.

А в каше уже мухи застряли. Мы их пальцами скорее спасаем, а кашу на стол ляпаем, как будто идет корова с лепешками.

Ленька вилкой в носу заковырял, а изо рта слюнявые пузыри пускает. Воспитательница — шлеп его по губам, вот он и ревет теперь. Из носа, из глаз, изо рта текут у него слезы, и все прямо в кашу заместо варенья.

А вокруг стола курицы бродят. Петухов нет, а кто-то все время кукарекает.

Тут нам яйца сразу принесли, раздают по очереди. Одной девчонке яйцо с тухлым цыпленочком досталось. Все ей завидуют, а она плачет.

Цыпленочка нюхать тоже по очереди стали.

— Ну-кась, дайте-ка и я понюхаю. Фу, как здорово!

Даже яйцо мое лопнуло и по скатерти расползлось. Тогда мне новое принесли, не простое, а вареное.

Желтки в вареных немного вкуснее, а вот белки мы — ать! — в курицу-рябу, которая ходит здесь, швыряем.

Прыгнула она на стол, кисели наши все сломала — настоящее кисельное море с плавающими скорлупками получилось.

После еды помыли уши, а потом гулять ушли. Вся дорога в коровьих лепешках заляпана. Любят коровы ходить и пачкать везде. Вот и сейчас идут. Целое стадо рогатое. Идут и бубенчиками побрякивают, а между ног у них титьки болтаются.

Девчонки сразу же реветь стали. Всегда они плачут, когда коровы идут. И мальчишки некоторые тоже плачут. Вот бояки! Только я

один коров не боюсь. Если у коровы рога отломаны, то ее и бояться нечего. Я рогов боюсь, а не коровы: вот как посадит тебя на рога, так и умрешь — страх один! Мы сразу же через канаву глубокую прыгнули, чтобы коровы достать не могли.

А они уже мимо идут, и лепешки от них зеленые падают. Идут и на нас оглядываются. Вдруг один бык на корову ногами передними встал. Заревела корова и в сторону дернулась, а он рычит и на задних копытах за ней идет, прямо как лошадь в цирке. Даже воспитательнице смешно, а нам страшно сделалось.

А другая корова ноги расставила и писать начала, так что брызги меня закапали. Сама плачет и цветы нюхает, а у самой вода как из шланга льется.

Вначале я думал — коровы молоком писают, а оказывается, водой коричневой.

Потом наконец ушли эти коровищи, хвостами размахивая, и мы дальше отправились. Вокруг только пни да березы поломанные, а в березах солдаты ходят и палкой железной землю щупают — мину ищут.

Недавно война здесь шла и пули валялись кислые. Мы их в рот ложили, потому что вкусные они, и сосали с пальцами вместе.

Потом на полянку пришли. Трава здесь тоже кислая. Кувыркаться стали. Так я через голову перекувырнулся, что даже пулю в живот проглотил. Но ничего, потом она все равно из меня выйдет. Много чего я проглатывал: и шарики, и винтики, и гвоздики разные, и все это потом обратно выходило. А однажды мамину серьгу проглотил. Мама все в горшок мой смотрела, но серьга так и не вышла. Значит, теперь в животе моем лежит. Много в моем животе разных штучек, как в копилке все равно что. Подпрыгнешь — даже побрякивает и урчит что-то.

А из леса к нам солдаты пришли. Если мину найдете — говорят — так о камень ее не стукайте, а не то подзорваться можно, костей не соберешь. И воспитателю наказывают в лес никого не пускать. Стали мы по поляне бегать, кузнечиков прыгающих ловить. Огромного я кузнечину поймал, зеленый весь, только брюхо желтое, а в конце сабля торчит. Шевелит он усиками и слюни коричневые пускает.

Между кузнечиками мы драку устроили. Мой кузнечик всем другим головы разжевывал, пока какой-то кузнец не разжевал его самого.

А Ленька стрекозу поймал и живьем ее съел, говорит, что вкусная. За столом ничего не ест, а как гулять идем — все в рот пихает. Вот и траву на поляне всю уже съел, заячьей капустой называющуюся. Так объелся, что живот распух, крепким стал, как у лягушки, которую Юрка-злодей через соломинку качает. Накачал, а потом за ноги располовинил. Значит, дождь теперь лягушачий будет.

Потянул я Юрку за шиворот, и мы с ним в кустики поползли, чтобы в лес незаметно отправиться. Неинтересно нам с Юркой на поляне сидеть, вот мы и удрали потихонечку.

Юрка — это один мой друг. Он злодей, он мучитель. Он может в рот положить целого червяка и нисколечко не испугается. Ленька тоже червяков в рот ложит, но он потому что дурак, а Юрка по храбрости. Он у нас самый храбрый в детском садике. По борьбе первый я, а

Юрка потом, но червяков живьем ложить в рот я боюсь, значит, Юрка меня храбрее. А еще у него уши резиновые. Дергает его воспитатель за уши, а они у него только растягиваются, и не больно ему нисколечко. А еще он писает выше, чем я, в уборной до потолка до самого, поэтому он и друг мой.

Зашли мы в лес, а там березы поломанные валяются. Спотыкаться и падать стали. Юрка чуть в яму не улетел, где проволока колючая смотана. Здесь бомбы рвались, вот и ямы от них такие круглые. Потом смотрим — кучища стоит и в кучище что-то шевелится. Это муравейник такой большой, муравьи в нем шевелятся желтые.

Муравьи домой дохлую стрекозу тащат, наверно, самолет из нее делать хочут. Стали отнимать у них стрекозу, а они не дают, ртами ее к себе тащат и кусаются. Раздавили тогда их ногами, так что грязь осталась, и дальше идем. А дальше другой муравейник, только поменьше чуть-чуть, и муравьи в нем черные, маленькие. Между муравейниками война идет из-за гусеницы волосатой. Черные к себе ее за волосы тащат, а желтые к себе за мясо. Вот у них и война пошла. Копошатся, грызут друг друга, только головы валятся, и клещами жуют, а гусеница ни с места. Они ее, как канат, перетягивают, и никто перетянуть не может. Тогда мы за маленьких, за черных заступились. Юрка веткой гусеницу поддел и на их муравейник забросил, чтобы ели ее. А желтый мы палками стали воротить, разворотили весь, а там кости и череп собачий с клыками белеется. Хватают муравьи свои яйца в зубы и в голову собаки прямо в глаза уползают, от света в темноту прячут яйца. Вот гады какие, собаку сожрали целую и на ней муравейник устроили. Стали мы писать в них, настоящий потоп в муравейнике устроили. Все на них выписали. А потом Юрка стал череп собачий вытаскивать, наклонился и выдергивает его оттуда. А череп не выдергивается: крепко к собаке приделан. Еще дернул и шлеп животом в муравейник. Хотел подняться, да руки в глубину ушли. А муравьи его так и облепили, так и едят всего. И меня уже кусают, лезут по ногам и в мясо зубами впиваются. А Юрка все еще в муравейнике сидит. Вскочил потом, закричал, и в сторону мы с ним бросились. Упал он на землю и кататься стал, пока муравьи от него не отпали, а не то загрызли бы, как собаку. Отбились от муравьев, на поляну возвращаемся. Стыдно Юрке, что он кричал, идет обкусанный и листья пинает. Вдруг пнул, и что-то железное послышалось. Смотрим, а это минища круглая, вся блестит и с буквами нарисованными. Здесь же бутылка валяется. Схватил Юрка бутылку и о пень шмякнул, так что стекляшки посыпались. Потом и мину схватил и тоже о пень. Вот дурак, хорошо, что не подзорвалась, а то бы что нам воспитательница тогда наделала? Я скорее к солдатам побежал — мина, кричу, мина железная. Бросили солдаты палки, за мной к мине бегут. Потом инструмент кривой из кармана достал, вскрывать ее осторожненько начал.

У меня от страха даже мурашки по спине забегали. Вскрывает он, а все следят в тишине, вот-вот подзорвется. Потом вскрыл наконец, руками железку отогнул и понюхал. Сели тут солдаты в кружочек и есть стали со смехом все, что в мине положено. Все съели — размини-

ровали, значит. А Юрку, муравьями искусанного, за шкварник взяли и, тряся в воздухе, к воспитателю принесли, чтобы мины больше о пень не шмякал. Схватила его воспитательница за ухо и потянула, как за резину какую-то, потом напротив себя посадила и не пускает ни на шаг теперь. Я скорее с ребятами остальными смешался, чтобы и мне не попало. Играть с ними стал. А без Юрки скучно. Совсем неинтересно дети играют. Девчонки венки из цветов плетут, мальчишки в петушка или курицу травой играют, другие из носа сопли вытягивают, меряют, у кого длинней. Совсем мне не интересно так.

А ну-ка, что это Лариска косматая за кустами делает? Ушла на поляну и с кем-то белым, живым разговаривает. Пойду к Лариске, она хоть девчонка, а все равно хорошая. Совсем как мальчишка настоящая. Не царапается никогда, не кусается и щекотки не боится нисколечко. Всегда лохматая ходит, лохмудрей ее называют, а еще оцарапана больше всех, потому что ползает где не надо. Однажды она в яму залезла, в воронку, где вороны ходят, а вылезла оттуда вся о проволоку колючую изорванная, так оцарапалась, что кровь из нее ручьем текла. Ей за это уколы втыкали, а царапины до сих пор назади сидят. В мертвый час она их всегда мне показывает, задерет ноги и показывает, даже трогать дает. А бегает она быстрее всякой курицы. В пятнашки только я и Юрка ее догоняем. И совсем не ябедничает и не плачет, когда мамы от нас уезжают.

Зашел я за кустики, смотрю, а Лариска с козой безрогой возится. Запуталась коза веревкой за палку и распутаться не может. Объела все кругом и губами к траве необъеденной тянется, да веревка не пускает. Стали мы веревку разматывать. Водим козу вокруг палки и разматываем, чтобы с голоду не сдохла и не блеяла больше. К рогатой бы и не подошли, а безрогую и бояться нечего. Распутали и гладить стали. Я даже забрался на нее, как на лошадь, только слез сейчас же. Очень у нее спина острая. А Лариска все ее гладит, поцеловала даже в морду ее хорошую. Белая была козочка, красивая, только титьки уж слишком длинные, висят — чуть до самой земли не касаются, так и хочется дернуть за них. Наклонилась Лариска и дернула, даже молоко оттуда забрызгало. А козочка стоит и с места не движется, только ушами подрягивает и жует что-то, а из глаз зеленые слезы повисли. Тогда и я под нее заполз, а Лариска все сиськи дергает, на глаза мне и в нос молоко течет. Вскочил я и скорей за Лариской помчался, чтобы мордой ее в титьку ткнуть. Быстро за ней бегу, а она еще быстрее, тогда я — ать! подножку ей сзади, так что она перекувырнулась и коленом голым о камень ударилась. Лежит и корчится от боли, как гусеница, а из колена кровь течет. Жалко мне ее стало. «Не плачь, — говорю, — это камень проклятый виноват во всем, сейчас я его выверну и в кусты заброшу». Отвернул камень, а там черви едят кого-то, в клубке переплетаются. Оказались на солнце и в землю впились. Шлепнул я камень в них — одна жижа красная брызнула.

А Лариска сидит на корточках и рану рассматривает, кровь из нее так и течет и на землю капает, проливается. А я знаю, что делать нужно. Если кровь идет, надо сразу же языком лизать, тогда остано-

вится кровь и присохнет. А Лариске и не достать никак языком до колена, сидит она и только плачет тихонечко.

Тогда я сам зализывать стал. Взял ее ногу и кровь языком лижу. Кровь у нее соленая, противная, так и хлюпает во рту, чуть не тошнит меня. Сплюнул ее скорее, а к ране листок прислюнявил тоненький, не могу я чужую кровь переносить — совсем противная. За руку Лариску взял, и пошли мы, где дети все. А здесь тоже приключение случилось. Леньку оса в щеку кусила, так что щека у него на грушу теперь похожая. Окружили его дети и грушу щупают. А вокруг на поляне бабочки порхают, совсем как бумажки конфетные. Одна рядом села, черная вся, а на крыльях божьи коровки нарисованы. Отпустил я Лариску, к бабочке приближаюсь. Такая она красивая, что даже страшно мне.

Сидит она и язычок закрученный показывает, так что у меня самого язычище вытянулся. Тихонечко я подкрадываюсь на цыпочках, и тут прыг на нее животом и примял. Бьется она подо мной, как птичка, а я лежу и, что делать дальше, не знаю. Потом хвать ее в кулак, смотрю, а вместо бабочки червячок раздавленный, по бокам его крылья лохматые болтаются. Вся краска с них на меня перешла, и остался от нее настоящим только язычок закрученный. Бросил ее в сторону, а сам в траву сел. Обидно стало. Всегда так, потянулся я однажды за золотинкой, схватил, а это плевок такой. Вот пойду сейчас и кучу малу всем устрою. Вон сколько народу собралось, все Ленькину грушу щупают.

Схватил я одну девчонку за голову и в Леньку ее носом курносым ткнул, а она не на Леньку, а на меня упала, так что я сам носом в землю воткнулся. А тут на нее и Ленька брякнулся, а на Леньку детский садик весь. Куча мала, кричат, куча мала! Всегда я на кучу малу сверху прыгаю, а вначале только толкаю всех, а тут и сам внизу очутился. Страшно внизу сидеть, темно и дышать нечем, а сверху все наваливаются и давят, да еще ботинком кто-то в лицо пинает. Хорошо, что воспитательница всех за ноги растащила, а не то ведь так и задохнулся бы, в животе рычит даже. А воспитательница всех в пары ставит. Значит, кончилась прогулка наша, назад в детский сад возвращаемся. Пошли мы не той дорогой, где коровы встретились, другой совсем, но и тут все равно в лепешку вляпались. Идем не спеша, по сторонам глазеем. Вокруг заборы стоят, за заборами дети галдящие. Лагеря вокруг пионерские и детские садики разные. А один детский садик здесь удивительный очень. Самый удивительный в мире, наверно. Уродики там кривые живут, рахитами их воспитатели называют. Не будете есть, говорят, и тоже в рахитиков превратитесь. А они стоят за збориком и на нас глазами косыми поглядывают. А сопли у них до колена свесились, языком их лижут и об забор утираются. Ушами трясут, и хихикают, и под нос себе что-то бубнят нехорошее.

Любопытно нам их разглядывать. Горбатые все, корявые, как сучки, носы картошками на лицо повешены. У одного вместо пальцев точки виднеются, у другого ухо к плечу приклеено, а еще один — так совсем ходить не умеющий, на коляске его катают, а он плюется в разные стороны.

Лариска даже видела здесь уродика, с двумя головами который. Я не видел такого, а очень бы интересно на него посмотреть. Воспита-

тельница говорит, что зря их живыми тут держат. Умерщвлять, говорит, их надо, а не то только хлеб зря жуют. В войну, говорит, все рабочие голодные ходили, даже крыс, говорит, переели всех и галоши отваривали, а этих всех разных кривых идиотиков и сумасшедших — многих безо всякой пользы кормили. Раз, говорит, не приносишь пользу, значит, и жить, говорит, нельзя. А я совсем по-другому думаю. Правильно, думаю, что этих рахитиков кормят. Пускай живут на удивление. Вон какие смешные. Заползли на заборик и кричат нам — бу-бу-бу. А с двумя головами который — это совсем любопытно даже. Ну-кась, где он? Что-то не видно. Наверно, в доме сидит и гулять стыдится. А если бы у меня две головы выросли, я бы хвастался перед всеми, а не прятался. Ходил бы себе по улицам, как Тяни-Толкай из Африки, и головами бы своими со всеми здоровался.

А воспитательница даже и посмотреть на них не дает. Всех подальше скорее уводит. Идем мы и под ноги смотрим, чтобы опять в лепешку не вляпаться. У всех в руках жук сидит или саранча какая, а у меня и нет ничего. Но я все равно кого-нибудь изловлю, обязательно кого-то поймаю, потому что иду я последним самым и отставать мне можно. Ага, вот они, жучки мои бронзовые, на розе красной уселись, божии коровки между ними ползают, а они сверкают на солнце, как золото. Скорей бы все дальше вперед ушли от этого забора колючего. Только бы не заметил никто, что роза из него выглядывает. Вот так, отошли немного. Теперь хватать ее быстро нужно с жуками вместе. Ой-ей-ей! Что это? Схватил я розу, а она как будто тоже из проволоки колючей сделана, впилась в руку мою, пальцы все иголками исколола, а жуки на землю в крапиву попадали. Скорее в крапиву лезу, чтобы достать их. Щупаю землю, а жуков нет, только черные гусеницы по крапиве ползают, и в бок что-то острое царапает. Оглянулся тогда — ужас какой! Ручища длинная волосатая из-за забора тянется. Пальцы сжимает, как будто ищет что-то, и зацепить меня ногтищами хочет, да не дотянуться. И никого за забором из-за веток не видно. Оторвал я скорее крапивину, хлыст по руке — убралась сейчас же. А сам наутек бежать к группе своей уходящей. Хорошо, что меня не сцапали, а то что бы тогда? Нарочно ведь сцапать хотели, чтобы розы не рвал. А ну их, только зря окрапивился. Вот и гвоздь пригодился волдыри расчесывать. Надо было им эту руку проклятую к забору пригвоздить, не пугала чтобы. Но и так ей хорошо досталось от крапивины: ничего, что пальцы себе обжег, зато ее всю изжалил.

А бронзовиков и не жалко нисколечко. Вон сколько лепешек коровьих валяется, и в каждой лепешке целая страна жуков — все навозники.

Всякие на свете жуки бывают: дровосеки, пни едящие, усачи рогатые, щелкунчики, плавунчики и даже жуки-могильщики, под дохлыми кошками живут которые. И все они, как звери, злющие: царапаются, кусаются, один в кожу вопьется, другой кровь высосет, а какой-нибудь так в палец уцепится, что совсем лучше без пальцев жить. А навозники — жуки самые добрые, я их больше всех люблю. Пожарники тоже хорошие, но они мягкие, а навозники крепкие, совсем как бронзовики, только с бронзовиками играть неинтересно.

Схватишь его, а он, притвора, сразу же мертвым притворяется. А навозник никогда притворяться не будет. Налетит на тебя, как пуля, и сразу же ползать начинает.

Вот один мимо меня прожужжал. Сел на лепешку и в глубину уполз, но я его оттуда гвоздем выковырял. Вошки на его животике ползают. Летают на нем, как человечки на самолетике. Я их гвоздем соскреб, потому что противные. Но некоторые все равно у него остались. Заползли к нему в подмышки и сидят теперь. Не буду же я лапки отрывать ему. Навозника я сразу же на ниточку привязал, которая из майки вытягивается. Потянул ее — тянется, еще потянул — еще вытянулась, так бы всю майку распустил, да оборвал, когда нитка длинная стала. К другому ниткиному концу гвоздик приделал. Теперь, когда ночь, буду гвоздь в землю втыкать, чтобы жук по травке ходил и еду себе добывал, как та козочка. Дернул я за нитку, жук свои крылья раскрыл и летит с гуденьем, а я за ним бегу и за нитку держусь. Так и очутились мы в детском садике — я бегущий, а он летящий. Потом на голову опустился, ползет за шиворот.

А тут уж ведра и лейки зазвякали, вода в них колышется. Значит, опять процедура какая-то, из лейки водой поливать нас будут. Побежал я в дом скорей, жука под подушку запрятал и назад воротился. А воспитатели всем уже раздеваться велят, майки с себя снимать и трусы последние. Майку я снял, а трусы не хочется. Противно, когда ты голый и мухи кусают, да еще когда девчонки хихикают.

Им-то, девчонкам, что, а вот мальчишкам как? И мальчишкам, оказывается, тоже ничего. Все уже раздетые голыми прыгают, только я один в трусах стою. А Лариска вредная так и смотрит на меня глазищами, и все смотрят, потому что я — это трус. Раз в трусах — значит, трус. Очень мне противно и стыдно делается. Лучше бы уж совсем этого солнца не было, чем раздетым бегать под ним. Но потом все-таки и я разделся, даже Лариска запрыгала от радости, стала пальцем на меня всем показывать. Вот гадина, а я ей еще кровь зализывал.

Воспитатели думают, что мы маленькие и ничего не понимаем, но мы-то с Юркой знаем, что девчонки какие-то не такие. Только не знаем мы, почему они так сделаны. Да и вообще мы не знаем, как делается человек. Мама сказала, что она под деревом меня нашла. Значит, я, как яблоко, на дереве вырос, а потом на землю упал. А к дереву я за пуп прикреплялся. Ведь у яблока тоже посередине устроено. Это мне мама так сказала. А Юрка говорит, что это все враки сплошные. Он говорит, что дети выходят откуда-то из мам, из животов, наверно. Разрежут живот, и оттуда дети выходят голенькие. Но я ему тоже не верю, злодею. Зачем же тогда человеку пуп, если дети из животов выходят? Вон он у Юрки длинный какой. И еще страшно это, когда живот режут. Наверное, все как-то по-другому делается.

А меня уже, как куклу какую-то, за голову взяли и из лейки водой поливают. А тут как раз дождь лягушачий закапал. Зачем же водой поливаться, если дождик и сам как из лейки льет?

Стали мы под дождиком, как лягушата, прыгать. Интересно это — облаков нету, а дождик идет откуда-то. Над головой солнце сплошное

светит, а вокруг золотые капли падают. Они, наверно, от солнца отрываются и летят к нам на землю. Очень это хорошо — по лужам прыгать в каплях солнца. Так хорошо, что даже трусов одевать не хочется. А в лицо уже радуга засветила. Интересно бы на нее забраться. Перепачкались бы все в краску, наверно, а потом бы нас купаться повели. А дождик так и булькает, так и бьет по голове, весь мир золотыми каплями обвешан.

Вдруг что-то как грохнет, потом как треснет над головой, и засверкало все и потемнело вдруг, и солнце за тучищу спряталось. Испугались мы, в кучу сбились, жмемся спинами, а девчонки уже визжат.

Схватили мы одежду и, друг на друга наталкиваясь, в дом побежали с криками, так и ворвались в комнату без штанов. Совсем как команда бесштанная.

А здесь уже суп на столе испаряется, кисели в стаканах стоят. Обед сегодня с улицы в дом перенесли, не будем же мы суп с дождем есть.

Притихли все, в штаны одеваются. Сели за стол и первой ложкой себе рот весь ошпарили, так что кожа во рту сошла. Ленька в суп кисель подбавил, а не то соленый больно. Я тоже киселя хотел влить, да воспитательница его отбирает. Значит, после второго получим, а вначале суп хлебайте. Выхлебали первое, а за первым второе пошло, не в то горло попало. Кашляют все, а воспитатель по спинам колотит, потом опять кисели вернула, запивать чтобы селедку соленую.

Медленно мы кисели растягиваем, знаем, что после третьего мертвый час нас ждет.

Мертвый час — это не так страшно, как в первый раз нам послышалось. В мертвый час не умирают, а спят потому что. Это нарочно нам такой час придумали. Вначале я не знал про него. Думал, что ночь одна светлая, а другая темная бывает, а оказывается, все не так, оказывается, нарочно нас днем спать заставляют, чтобы мы не мешали воспитателям. Они ведь тоже между собой играть любят.

Лег я в кровать, а навозника моего и нету. Тогда я за ниточку потянул, и он опять очутился в кровати. Тут воспитательница с горшками пришла. На горшок всех зовет. Очень я хотел к горшку, но пойти побоялся. Увидит она жука моего и убьет на месте или в горшок бросит, злодейка, куда накакали. Поэтому я лежать остался. Засунулся под простыню с головой и смотрю, как жук по мне ползает. Щекотит меня ноготками и в нос ползет, но толстый слишком, в ноздрю никак пролезть не может.

А за простыней вдруг шум послышался. Выглянул я, смотрю — Ленька на горшке заснул совсем. А Юрке не терпится, прыгает Юрка на месте и с горшка его спихивает, а не то опять описать грозится. А Леньке, может быть, нужно так долго сидеть, чтобы во сне в кровать не обкакаться. Потом ушел все-таки Ленька. Юрка его место занял. Не по-большому занял, по-маленькому — только брызги летят в разные стороны. А за ним и Лариска пошла. Не хочет Лариска по-девчоночьи садиться, тоже мальчишкой хочет быть. Расставила ноги, задрала рубаху и стоя сверху начала, да все по ноге течет. Тут воспитательница за горшками своими

вернулась. Взяла горшки и, гремя ими, из комнаты вышла. Одни мы теперь остались. Вот здорово!

Юрка с постели вскочил, стал всех подушкой по голове лупить. В мертвый час мы всегда всех подушками лупим, но в этот раз я не дерусь, потому что жук у меня, навозник. Убьют еще.

Тогда и Юрка на место лег. Пальцем в носу ковыряет. До тех пор ковырял, пока кровь не пошла. Другие дети мух на окне раздавливают, а еще вытащат из подушки перо и в заднее место им втыкают. Некоторые зубы во рту расшатывают или чешут болячки, а остальные палец соленый в рот засунули и спят давно.

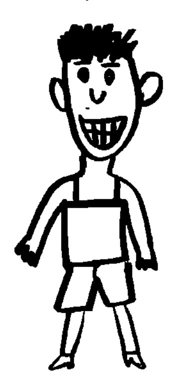
А по крыше дождик ходит, и гром гремит. Две девчонки в одеяло с головой закутались и плачут там, как кошки. Только Лариска одна хихикает. Дрыгает ногами и царапины показывает. Совсем ей не страшно, что гром гремит. И мне не страшно, хоть я под самым окном лежу. Комары по стеклу танцуют, мухи ходят вниз головой, а одна совсем с ума сошла — стала о стекло колотиться.

Вот и мне спать захотелось. Зажал я навозника в кулак, зажмурился и спать начал. Вдруг дверь скрипнула, опять воспитательница с горшками пришла, стала трясти меня и к горшку звать. Рядом с ней Лариска стоит. Задрала рубашку и все царапины мне показывает, а сама не хихикает, а плачет тихонько. А воспитательница ждет все, когда я начну, трясет за плечо и пальцем в горшок показывает. А я хочу очень, а начать не могу, даже страшно от этого, а она все трясет, ногтищами в плечо вцепилась. Не могу я писать, когда на меня смотрят, не льется из меня вода, и все тут.

А вот когда ушла, тут я и начал. Писал до тех пор, пока совсем не проснулся. Смотрю — страх какой! Я в кровати, рядом никакой воспитательницы нет, и тогда уже до конца стал дописывать. Все равно уже мало осталось.

Навозника своего я в голове нашел. Боялся, что раздавил, а он ничего себе, шевелится, только вошки желтые куда-то девались.

Я ему пальцем погрозил. Ведь это я из-за него описался. Так я никогда не писаюсь. Все писаются, а я нет. А вот с навозником я описался. В наказанье я его под подушку в наволочку запрятал, а наволочку на пуговицы стеклянные застегнул.

За окном уже дождь прошел, и солнце светит, а с окна паучище страшный на паутине свесился. Вот и хорошо, что я так проснулся, а не то бы кровь всю высосал. Хватит в описанности лежать. Вылез я из кровати, по комнате пошел. Вокруг тишина. Юрка спит, голову свесив. В ухо ему муравей заполз, а изо рта язык вылез и слюни на пол тянутся. Лариска лежит перевернутая, ноги на подушке, голова в ногах. Лежит и царапины во сне расчесывает...

ДВЕ ТРУБЫ

Во дворе лежали две трубы.

Залезли дети в одну трубу и там уснули. Пришли рабочие, взвалили трубу на плечи и понесли на стройку.

— Тяжеленько, — говорит один, — отдохнуть надо.

Остановились рабочие около реки, опустили трубу на землю и сели покурить.

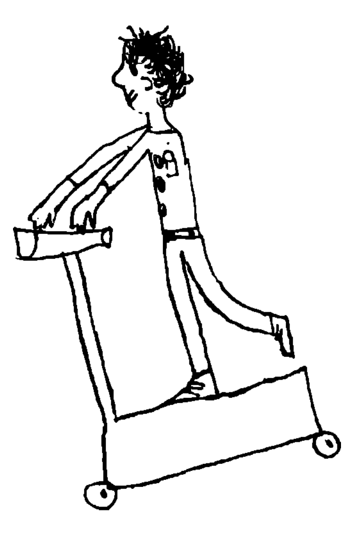
Один стукнул ключом по трубе и говорит:

— Э-э-э! А труба-то с трещиной.

— Да, — говорит другой, — негодная труба. Давай бросим ее в реку.

Раскачали трубу и бросили в реку.

А дети выспались, вылезли из трубы и разошлись по домам. Спали-то они в другой трубе.

АПЕЛЬСИН

Коля сидит на бревне и ест апельсин. Дольку за долькой. Приходит Петя.

— Вкусно? — спрашивает Петя.

— Еще как, — отвечает Коля.

— Эх, — говорит Петя, садясь рядышком. — Если бы у меня был апельсин, я бы обязательно с тобой поделился.

— Да-а-а, — сказал Коля, доедая апельсин, — жаль, что у тебя нет апельсина.

САМОКАТ

Идет Миша по аллее сада, видит — на земле новенький самокат лежит. С резиновыми шинами и с педалью на заднем колесе.

«Вот бы мне такой!» — подумал Миша. Подумал и дальше пошел. А навстречу старик.

— Ты зачем, — говорит, — чужую вещь хотел присвоить?

Миша чуть не сел от удивления.

— Я, — говорит, — только подумал об этом, а присваивать не хотел. Вот если бы самокат был ничей, тогда другое дело.

— А может, он и ничей, — сказал старик. — Бери его и уезжай! — Сказал так, повернулся и ушел.

Огляделся Миша по сторонам — никого нет. Сел на лавочку против самоката, сидит.

Прибежал маленький мальчик с бегемотом под мышкой.

— Дяденька, дай прокатиться!

— Пожалуйста, — сказал Миша.

Покатался мальчик, поставил самокат рядом с Мишей и убежал.

Прибежали другие дети. Все катались и благодарили Мишу. Один Миша не катался. Просидел так до вечера.

«Ну, — думает, — точно старик сказал — нет у самоката хозяина».

Только хотел самокат взять, как какой-то мальчишка идет. Переросток, похожий на второгодника.

— Эй, парень! Это твой самокат?

— Нет, не мой, — сказал Миша.

— Не твой, значит, мой. Он у меня еще утром потерялся. — Взял самокат и уехал.

ЗАСТУПНИК

Гена сказал Кате:

— Если на тебя нападут, скажи мне, я за тебя заступаться буду.

— Спасибо, но на меня никто не нападает, — ответила Катя.

— Жаль, — сказал Гена.

Тогда он подговорил Вову напасть на Катю.

— Как это напасть? — спросил Вова.

— Отними портфель, толкни в сугроб, брось за шиворот снегу.

— Зачем?

— Чтобы я за нее заступился.

— Ишь ты! — сказал Вова. — Смотрите-ка, ребята, учит меня напасть на человека, чтобы потом его защищать. Бей его!

Дети напали на Гену и столкнули его в сугроб.

Подошла Катя:

— Вы что это на одного напали? Ну-ка прекратите сейчас же!

Детям стало стыдно, и они разошлись.

А Гене Катя сказала:

— Если на тебя будут нападать, скажи мне, я буду за тебя заступаться.

ГУСЬ

— Мальчик, ты не видел, проходил ли здесь гусь? Большой гусь с красными лапками.

— Гуся не видел.

— А не видел ли ты гуся, за которым шла гусыня?

— Нет, не видел.

— А не видел ли ты гуся, за которым шла гусыня с тремя гусятами?

— Конечно, видел. Они пошли вон на тот пруд.

ПОРЯДОК

Два брата лежат на диване.

— Мы сегодня в квартире порядок наведем, — говорит один.

— Да-да, — говорит второй, — порядок. Возьмем метлу и тряпку, пол вымоем и на полке приберем. Мама придет с работы и увидит порядок. Интересно, что скажет мама?

— Она скажет: «Молодцы, по́рядок навели!»

— Нет, она скажет: «Вот молодцы, навели порядок!»

— Нет, она скажет: «Порядок навели, вот молодцы!»

Пришла мама с работы.

— А ну-ка, марш на двор, безобразники! Опять развели беспорядок!

В ШКОЛУ ТАК В ШКОЛУ

Два мальчика стоят против школы.

— Идти в школу или не идти? — спрашивает один.

— Идти так идти, — говорит другой.

— А может быть, лучше прогулять? — сказал первый.

— Гулять так гулять, — сказал второй.

— А если от родителей попадет?

— Попадет так попадет.

— Нет, уж лучше в школу идти.

— В школу так в школу.

— А вдруг нам двойки поставят?

— Двойки так двойки.

— Давай лучше гулять сегодня.

— Гулять так гулять.

Шел в школу учитель. Заметил ребят, спрашивает:

— Ну как, в школу собрались или куда?

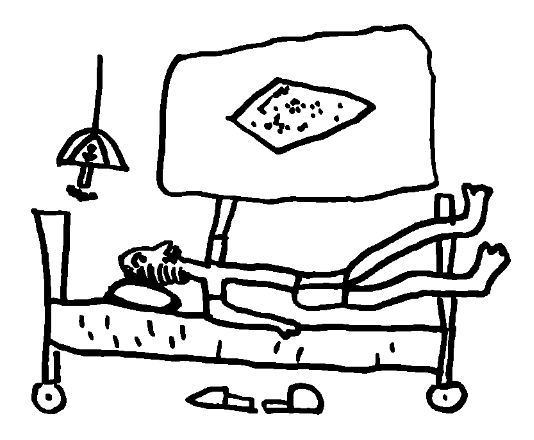
— В школу. Конечно, в школу, — сказал первый.

— В школу так в школу, — сказал второй.

И мальчики пошли в школу.

ЧТО ВЫ ДЕЛАЕТЕ?

Идет Миша по улице, видит — лудильщик дырявую кастрюлю паяет.
— Дяденька, что вы делаете? — спросил Миша.
— Яму копаю, — ответил лудильщик.
Пошел Миша дальше, видит — точильщик ножи точит.
— Дяденька, что вы делаете? — спрашивает Миша.
— Яму копаю, — ответил точильщик.
Пошел Миша дальше, видит — землекоп яму копает.
— Дяденька! Вы яму копаете?
— Ножи точу!

КРОВАТЬ

Лудильщик купил кровать. Но, странное дело, когда лудильщик на нее ложился, за головой оставалось лишнее место, а для ног места не хватало. Вначале лудильщик хотел жаловаться, но потом передумал: отпилил лишнюю часть кровати и припаял к недостающей. Теперь лудильщик спит спокойно — за головой исчезло лишнее место и есть куда положить ноги.

СЛУЧАЙ

По городу ехала машина. На повороте машину тряхнуло так, что человек, сидевший в кузове, залетел в открытое окно ближайшего дома.

Комната была закрыта.

На столе лежал кот.

Как только в комнате появился человек, кот полез под кровать.

— Кис-кис, — сказал человек и тоже полез под кровать.

Но тут за дверью послышались шаги. Человек испугался, вылез из-под кровати и забрался в шкаф.

Вошло несколько человек.

Один говорит:

— Вот он! Берите его!

Другие взяли шкаф и понесли. Когда шкаф остановился, первый сказал:

— Ну вот, а теперь пошли за кроватью.

И люди ушли.

А человек открыл дверцу шкафа, вышел на улицу и пошел по своим делам.

СТАКАНЫ

Если поставить стакан на стакан,
а под стакан поставить еще стакан, у вас
будет:
два стакана под стаканом,
один стакан на двух стаканах,
два стакана на одном стакане,
один стакан под двумя стаканами,
стакан на стакане, стакан под стаканом,
а третий стакан между двумя стаканами.
Но если не ставить стакан на стакан,
а под стаканом еще стакан, у вас будет только
стакан, стакан и стакан.

ЛЕСТНИЦА

Поднимаясь по лестнице домой, Петров насчитал восемь ступенек, спускаясь по лестнице вниз — насчитал только семь.

— Непорядок, — решил Петров и обратился к дворнику.

— Этого не может быть, — сказал дворник и поднялся на восемь ступенек вверх.

— А теперь вниз, — сказал Петров.

— Раз, — считает дворник, — два, три, четыре, пять, шесть, семь... Что такое? Где же восьмая ступенька?.. Непорядок, — решил он и обратился к милиционеру.

— Сейчас разберемся, — сказал милиционер. — Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, — и забрался на лестницу.

— А теперь вниз, — сказал дворник.

— Раз, — считает ступеньки милиционер, — два, три, четыре, пять, шесть, семь... Что за непорядок? Где восьмая ступенька?

Вызвали главного инженера-строителя.

— Не может быть, — сказал инженер-строитель. — Тут, вероятно, вы делаете какую-то ошибку, — и поднялся на восемь ступенек вверх.

— А теперь вниз, — сказал милиционер.

— Раз, — считает ступеньки инженер-строитель, — два, три, четыре, пять, шесть, семь.,. Что такое? — сказал он. — Это у нас в проекте не предусмотрено.

Решили снести лестницу вовсе.

Теперь, когда Петров идет домой, он подпрыгивает на восемь ступенек вверх, а когда выходит из дома, прыгает на семь ступенек вниз.

СТЕКЛО

Ох уж эти мне стекольщики-стеклодувы! Поставили мне стекольщики стекло.

Что за стекло мне они поставили? Косое, кривое, с буграми, с пузырями. Смотришь через него в искаженный мир и видишь: вместо человеческих фигур, которые строят дом, фигуреческие челогуры, которые доят стром.

Вместо рабочих в комбинезонах, идущих домой, какие-то Рамбинзоны в заботине, грядущие за мной.

Я под расклoвать. Они кочинягами в мотобель. (Пускай дальше разбираются стеклодувы.)

Я от них по шаромырам в ступальницу, через вертобу на шпуль. Они по витинягам за мной, ногорукно вертя и кулакно помахивая.

А навстречу були с чепуром на гулятине. Я в чепур плюх головотуловом. Очипурился. А мимо идут Рамбинзоны в заботине.

Не узнали меня, ничего не поняли.

ПОЛУЧИЛ В НОС

В подворотне Сидорова ударили в нос.

Встречает его знакомый и спрашивает:

— Что, Сидоров, в глаз дали?

Сидоров от злобы ничего не ответил: и так плохо, а тут еще шуточки. Неужели не видно, что ударили прямо в нос?

Встречает его другой знакомый:

— Что, Сидоров, в ухо дали?

— Тьфу ты, черт! — только и сказал про себя Сидоров.

Встречает его еще знакомый:

— Что, Сидоров, в лоб получил?

Сидоров хотел его ударить, но сдержался.

А сам подумал: «Если еще кто-нибудь такое скажет, побью».

Какой-то человек говорит из подворотни:

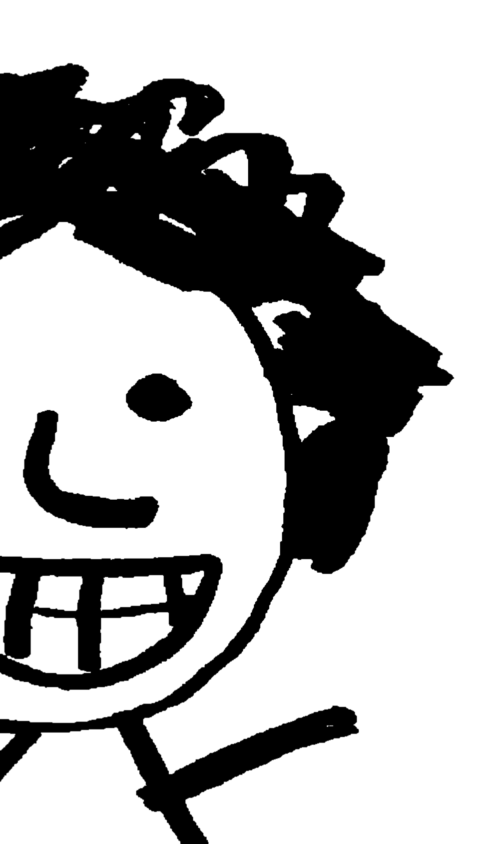
— Получил в нос, вот и ходи теперь с разбитым носом!

Это был тот самый, что ударил Сидорова в нос.

А Сидоров пожал ему руку и все простил.

Алфавитный указатель поэтических произведений Олега Григорьева, включенных в книгу «Птица в клетке»

А

Б

В

Г

Д

Л

М

Н

О

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Олег
Григорьев

ПТИЦА В КЛЕТКЕ

Дизайн
Д. М. Плаксина, С. Д. Плаксина

Фотографии
Ю. А. Журавского (С. 114–117, 121 внизу); С. Н. Королева (С. 101, 102, 106, 109, 113, 118, 120 вверху, 124); С. В. Подгоркова (С. 104, 105, 108 внизу, 119, 120 внизу, 121 вверху); А. С. Чежина (С. 103, 107, 108 вверху, 110–112, 122, 123, 125)

В оформлении книги использованы рисунки:
Мика Куусела, Марка Маляренко, Фридриха Маляренко, Яна Матвеева, Леи Плаксиной, Алексея Сковородкина

Редактор Н. Р. Бочкарева

Художественный редактор
В. Г. Лошкарева

Корректоры
О. К. Королева, Е. Д. Светозарова

Компьютерная верстка
Л. Н. Киселевой, С. Д. Плаксина

Лицензия: код 221, Серия ИД, № 02262 от 07.07.2000 г.

Подписано к печати 27.06.2005.
Формат 70×100 $^{1}/_{16}$.
Гарнитура Helvetica.
Печать офсетная.
Тираж 3000 экз. Зак. № 1113.

Издательство Ивана Лимбаха.
197022, Санкт-Петербург, пр. Медиков, 5.
E-mail: limbakh@limbakh.ru
WWW.LIMBAKH.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография „Наука“».
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Основные издания произведений Олега Григорьева

Книги:

Чудаки.
Л.: Дет. лит., 1971.

Витамин роста.
М.: Дет. лит., 1981.

Говорящий ворон.
Л.: Дет. лит., 1989.

Стихи. Буклет.
М.: «Прометей», 1990.

Митьки и стихи Олега Григорьева:
Альбом. М.: «ИМА-пресс»,
1991—1993.

Двустишия, четверостишия
и многостишия.
СПб.: «Камера хранения»,
1993.

Стихи. Рисунки.
СПб.: «Нотабене», 1993.

Вся жизнь: Стихи.
СПб.: Искусство-СПб, 1994.

Чудаки.
СПб.: «Mitkilibris», 1994.
Авторское повторение первой
книги О. Григорьева 1971 г.
с послесловием В. Гусева
и Е. Гусевой.

А также публикации в:

Эхо. 1980. № 2 (10).

Сумерки. 1989. № 5.

Искусство Ленинграда.
1990. № 1.

Независимая земля:
Лит.-худож. альм.
М.—СПб., 1991.

Час пик. 1992. 28 дек.

Столица. 1992. № 22 (80).

Митьки-газета.
1992. № 1, 2, 4;
1993. № 10.

Русская виза. 1993. № 1.

Пятница. 1993. 19 февр.

Камера хранения:
Лит. альм. СПб., 1993. Вып. 3.
Там же. СПб., 1996. Вып. 5.

Веч. Петербург. 1996. 6 дек.